

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

200

**ДВЕСТИ ЛЕТ
АРКТИЧЕСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

200

ДВЕСТИ ЛЕТ
АРКТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 63.4
Д 23

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. В. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук П. А. РАШПОПОРТ
кандидат исторических наук Г. В. СИНИЦЫНА

Двести лет арктической археологии. М.: Наука, 1990.— 112 с.:
Д 23 ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 200).
ISBN 5-02-009461-7

Сборник посвящен истории исследования и результатам археологических работ на огромной территории в Арктике и Субарктике Евразии, где за двести лет выявлено и изучено большое число памятников разных эпох — от палеолита до XIX в. В сборнике приведены и новые материалы, полученные советскими археологами в последнее время, позволяющие решить некоторые вопросы истории этого региона.
Для археологов.

Д $\frac{0504000000-270}{042(02)-90}$ 118—90-II

ББК 63.4

ISBN 5—02—009461—7

© Институт археологии АН СССР, 1990 г.

СТАТЬИ

Л. П. ХЛОБЫСТИН

200 ЛЕТ АРКТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Начало археологических исследований в Арктике датируется 22 июля 1787 г. и связано с именем Гавриила Андреевича Сарычева — выдающегося мореплавателя и путешественника, основоположника научной гидрографии моря, исследователя Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки, внесшего большой вклад в океанологию и мерзлотоведение, мамонтоведение и этнографию¹. Во время плавания из Нижнеколымска к Берингову проливу около мыса Баранов Камень (ныне мыс Большой Баранов) судно попало в непроходимые льды. На берегу мыса Г. А. Сарычев нашел «земляные юрты» и раскопал одну из них. «По разрытии земли в середине нашли кости тюленя и олени, также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменных треугольных ножа наподобие геометрического сектора: сторона, которая дугою, — вострая, две другие — прямые и толстые»². Путешественник пришел к выводу, что жилища могли принадлежать «шелагам», которых он считает чукчами. Таким образом, Г. А. Сарычеву принадлежит честь организации первых в Арктике раскопок, проведенных с научной целью.

За прошедшие 200 лет исследование древних памятников Арктики стало одним из важных направлений археологической науки. Арктическая археология обладает особой спецификой, поскольку ее памятники нередко расположены в зоне мерзлоты. В тундровой и лесотундровой зонах берегов Ледовитого океана складывались культуры морских зверобоев и охотников за северным оленем. Общность географических факторов вызвала сходство культур, что породило гипотезу о существовании единой циркумполярной культуры, имевшей общий этнический субстрат. Археологические исследования показали, что Арктика заселялась различными этносами, привносящими свои элементы культуры. Благодаря специфике образа жизни арктических народов, сохранившейся до начала XX в., происходит смыкание археологии с этнографией, что позволяет реконструировать жизнь древних обитателей Крайнего Севера.

В первые сто лет, после раскопок Г. А. Сарычева, было положено начало накоплению материалов — фиксация старых крестов, могил, остатков жилищ и культовых мест. На о-ве Котельном в 1811 г. Яковом Санниковым было вскрыто погребение русского промышленника, вероятно начала XVIII в. В 1866 г. А. А. Штукенбергом на р. Индиге была открыта первая в Европейской Арктике стоянка с каменным инвентарем, а в 1878 г. Н. А. Э. Норденшельдом раскопаны эскимосские жилища на мысу Рыркайпий (мыс Шмидта).

В XX в. многие археологические материалы были найдены специалистами самых различных дисциплин: Б. Ф. Земляков открыл «арктический палеолит» на Кольском п-ове, А. В. Журавский выявил первые

стоянки каменного века в Большеземельской тундре, М. И. Штеккелис, Д. Н. Редриков, В. М. Новицкий, Р. Е. Кольс и В. Н. Чернецов исследовали в Северо-Западной Сибири ряд важных памятников, принадлежавших разным периодам; Г. У. Свердруп и К. Расмуссен собрали коллекции на древнеэскимосских поселениях побережий Чукотского моря и Берингова пролива. Раскопки этих лет были малочисленны и имели эпизодический характер — А. В. Шмидт в 1928 г. начал раскопки Оленеостровского могильника на Кольском п-ове, В. С. Адрианов в 1935—1936 гг. — Усть-Полуйского городища у г. Салехарда. К предвоенным годам относится начало широких поисков древних памятников в восточной части Ненецкого округа геологом Г. А. Черновым, продолжавшим работы вплоть до последних лет. В 1942—1943 гг. планомерное изучение древностей в низовьях р. Лены проводилось экспедицией под руководством А. П. Окладникова.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны в высокие широты был направлен ряд археологических экспедиций, организованных ИИМК АН СССР и Институтом Арктики. В 1945 г. экспедиция С. И. Руденко изучала эскимосские памятники на побережье Берингова пролива, а А. П. Окладников обследовал на о-ве Фаддея и в заливе Симса обнаруженные ранее остатки зимовки русских мореходов XVII в. и открыл древние стоянки на р. Хатанге. В 1946 г. им было проведено первое археологическое обследование р. Колымы. В этом же году в низовьях Оби и на р. Таз работала Мангазейская экспедиция, руководимая В. Н. Чернецовым. С 1946 г. начались многолетние исследования древностей Кольского п-ова, возглавляемые Н. Н. Гуриной.

50—80-е годы были насыщены археологическими открытиями на территории Советской Арктики³. Успешными были и работы последних лет.

На Кольском п-ове Н. Н. Гуриной и ее учениками В. Я. Шумкиным и Л. Г. Шаяхметовой открыты и раскопаны многочисленные памятники от мезолитических стоянок до древнесаамских поселений, обнаружены ранее здесь не известные оригинальные наскальные изображения, отражающие магические обряды древних охотников на северных оленей. В основных чертах установлен процесс развития культур, носивший преемственный характер и приведший к сложению саамской народности⁴.

Значительно активизировались исследования на севере Архангельской обл., чему способствовали усилия археологов Коми ФАН СССР и ЛОИА АН СССР. В результате работ В. С. Стоколоса увеличивалась источниковедческая база по бронзовому веку этого региона, что позволяет во многом по-новому решать проблемы соотношения и взаимосвязей бронзовых культур на обширных территориях европейского Северо-Востока и севера Западной Сибири. Важные результаты достигнуты в области изучения памятников средневековья. А. М. Мурыгиным введены в широкий научный оборот материалы Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, открытого в 1947 г. Г. А. Черновым и раскопанного в 1967 г. В. И. Канивцом⁵. Им же проведены разработки керамических комплексов I тысячелетия н. э. (см. статью в данном сборнике), что представляет значительный интерес для установления генезиса населения этого края в досаамодийское время.

Расширение работ ленинградских археологов на Архангельском Севере было стимулировано заключением договора ЛОИА АН СССР с управлением культуры Архангельского облисполкома об организации совместной Архангельской арктической комплексной экспедиции по изучению памятников истории и культуры указанного региона Арктики. Наряду с большими работами по выявлению следов освоения этой территории русским населением экспедиция под руководством О. В. Овсянникова и Заполярная экспедиция ЛОИА АН СССР (руководитель Л. П. Хлобыстин) приступили к широкому исследованию памятников различных эпох как в континен-

тальной части Архангельской обл., так и на побережье арктических морей. Обнаружено большое число древних поселений и начаты работы по обследованию старых культовых мест. Так, например, в результате комплексного археолого-этнографического изучения святилищ на о-ве Вайгач установлена их связь с особыми сторонами религиозных представлений древних охотников, начавших почитание природных феноменов острова по крайней мере с начала нашей эры. При раскопках святилищ добыто большое количество жертвенных предметов из металла — украшений и сакральных изображений, иногда уникальных. Среди них оказались изделия древнерусских мастеров. Это подтверждают летописные известия о хождениях новгородцев и ладожан в далекие земли югры и самоеды в XI—XIII вв. Древняя часть святилищ принадлежала юграм. Раскопки их поселений на Вайгаче и побережье Югорского Шара дали возможность выделить культуру приморских охотников, черты которой близки усть-полудской культуре. Благодаря многослойности поселений и серии радиоуглеродных дат прослеживается эволюция керамических комплексов на протяжении I тысячелетия н. э. Последнее имеет важное значение для установления процессов развития культурной общности, охватывавшей районы Крайнего Севера от Гыдана до Белого моря.

Большая часть восточного побережья Белого моря, включая п-ов Канин, обследовалась И. В. Гавриловой, А. А. Куратовым и О. В. Овсянниковым. В результате открыты многочисленные памятники, среди которых группа стоянок с каменным инвентарем, по-видимому, относящаяся к еще слабо изученной на Архангельском Севере эпохе неолита.

Одним из результатов работ Л. П. Лашука и Л. П. Хлобыстина, выявивших в западносибирском Заполярье значительное число разновременных поселений, явилась первая периодизация памятников бронзового века этого региона ⁶.

Многолетние исследования Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР на Таймыре позволили создать периодизацию культур, существовавших там от мезолита до средневековья ⁷. Важным направлением работ этой экспедиции было также изучение палеоэтнографических памятников (см. статью Г. Н. Грачевой).

В Якутском Заполярье под руководством Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой продолжались археологические изыскания, приведшие, в частности, к открытию неолитических погребений, столь редких в арктических районах ⁸.

Важной вехой в археологическом изучении Крайнего Северо-Востока стали две монографии Н. Н. Дикова, подведшие итоги исследований древних культур этого края на период до второй половины 70-х годов ⁹. Последующие работы Н. Н. Дикова и его учеников привели к открытиям палеолита вблизи Берингова пролива и за Полярным кругом, а также многочисленных стоянок мезолитического и неолитического времени в прибрежных и континентальных частях Чукотки ¹⁰. Большое значение для выяснения путей становления приморских культур в чукотском секторе Арктики имеет изучение палеоэскимосского поселения Чертов Овраг на о-ве Врангеля, время существования которого — вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э. — определено рядом радиоуглеродных дат ¹¹.

Освоение островов полярного бассейна является актуальной темой арктической археологии еще и в связи с тем, что следы деятельности древних людей были обнаружены на о-ве Жохова, входящем в архипелаг Де-Лонга. В 1967 г. зимовщиками и моряками дизельэлектротохода «Индирика» в 7 км южнее полярной станции были найдены две сделанные из бивней мамонта пещни или мотыги (рис. 1). Подобные орудия бытовали у эскимосов. В 1985 г. сотрудником НИИАА С. Кесселем там же обнаружены кости

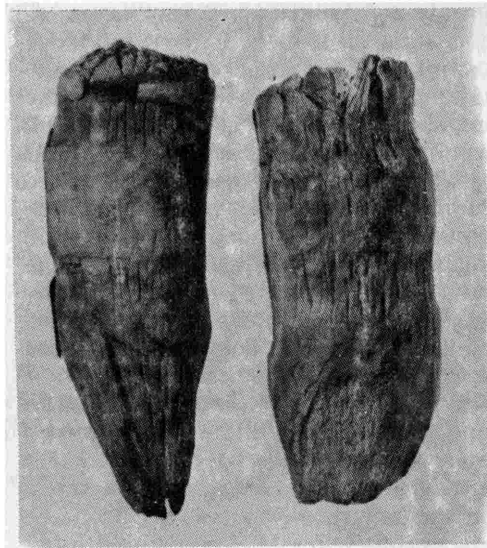

Рис. 1. Орудия из бивней мамонта с о-ва Жохова

цами моржовых лежбищ и необложенных ясаком «народцев», но и с оседанием русских людей на новых землях Севера и Сибири, с основанием там постоянных поселений. Важным вкладом в изучение этого этапа явились раскопки Мангазеи, проведенные экспедицией НИИАА под руководством М. И. Белова и при участии сотрудников ИА АН СССР О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова, а также последующее издание научных трудов этой экспедиции¹².

Планомерные исследования на Шпицбергене (Норвегия), в течение ряда лет проводимые советской экспедицией под руководством В. Ф. Старкова, показали, как широко были освоены острова этого архипелага русскими поморами, открывшими Грумант раньше, чем у его берегов появилось судно В. Баренца (см. статьи В. Ф. Старкова, В. И. Завьялова и П. Ю. Черновитоза).

Необходимо отметить, что археологи, работая в разных частях Арктики, не упускают возможности изучать следы, оставленные там русскими промышленниками и научными экспедициями. Изучаются кресты и другие реликты, связанные с поморами. В 1974 г. ленинградскими археологами вместе с В. А. Троицким были предприняты поиски строений зимовки Харитона Лаптева на р. Хете.

В Арктике очень часто встречаются остатки поселений, культовые места и другие памятники XVI—XIX вв., принадлежавшие предкам коренных народностей Севера. Раскопки таких, относящихся к рангу палеоэтнографических памятников могут дать важные материалы, дополняющие этнографические сведения о сложении и развитии аборигенных культур, об истории создавших их народов. Все это, несомненно, интересует историков, занимающихся Арктикой, и в первую очередь этнографов. Однако палеоэтнография остается «нейтральной полосой» между археологией и этнографией, которую пересекают лишь немногие специалисты указанных наук. В этой связи Институту археологии и Институту этнографии АН СССР следует соединить свои силы для палеоэтнографических исследований и создать программу первоочередных совместных работ.

Изучение истории освоения Арктики объединяет специалистов разных научных дисциплин. Вместе с археологами над материалами раскопок ра-

животных и куски дерева со следами обработки их человеком. Определение возраста деревянных находок, произведенное в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, установило их большую древность — начало VII тысячелетия до н. э. Время, к которому относятся изделия, безусловно требует уточнений, однако факт древнего заселения острова, расположенного в высоких широтах вдали от материка, представляет большой интерес.

Огромное значение в истории евразийской Арктики имело освоение ее территорий русским народом. Начало этого процесса, как уже было отмечено, выявляют находки на севере Архангельской обл. Второй его этап, относящийся к XVI—XVIII вв., связан не только с поисками землепроход-

ботаюи зоологи и палинологи, геологи и климатологи, специалисты по радиоуглеродному датированию. Особую значимость имеют труды этнографов и антропологов. Б. О. Долгих, М. Г. Левин, А. А. Попов, И. С. Вдовин, И. С. Гурвич, Л. В. Хомич, С. А. Арутюнов, В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, Г. Н. Грачева, И. И. Гохман, И. М. Золотарева и целый ряд других ученых внесли ценный вклад в разработку вопросов этногенеза и культурогенеза народов Севера.

За последние двадцать лет успешного развития арктической археологией сделаны значительные открытия. Сложились археологические центры, курирующие исследования в определенных частях советской Арктики. Археологи ЛОИА АН СССР проводят экспедиционные работы на территории от Кольского п-ова до Таймыра. В изучении севера Архангельской обл. активное участие принимают археологи Сыктывкара. Археологическое изучение якутского Заполярья надежно обеспечено сотрудниками ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР, а Чукотского автономного округа — археологами СВКНИИ ДОАН СССР.

Вместе с тем археологические изыскания в Арктике еще не достигли должного уровня. Остаются территории почти незатронутые обследованиями, как, например, Гыданский п-ов и др. Неолит севера Западной Сибири и Архангельской обл. почти не известен.

Советский Север стал ареной активного промышленного освоения. Возникают новые поселки, за счет приезжих растет население края. При строительных работах возрастает угроза разрушения древних памятников. Так, имеются сведения, что в зоне строительства железной дороги, идущей от Лабитнанги на Ямал, оказалось жертвенное место, относящееся к концу I — началу II тысячелетия н. э. Сотрудники поисковых экспедиций без должного внимания относятся к предназначенным для сноса местным памятникам истории и культуры, а найденные в старых погребениях и на жертвенных местах предметы расхищают в качестве сувениров.

Число археологов, работающих в Арктике, невелико, и они не могут контролировать все предполагаемые для новостроек места. Острой необходимостью поэтому стала подготовка специалистов, способных вести работы в трудных условиях высоких широт. Крайне важно обеспечение арктических археологических экспедиций соответствующим оборудованием и транспортом. В то же время археологам следует шире популяризировать свои работы на Севере через центральные и местные органы информации, сообщая о научной ценности памятников старины. Известно, что отсутствие должной информации позволило некоторым личностям подобно В. Ф. Кравченко спекулятивно утверждать, что археологи в Арктике не работают, и на основании этого организовать самостоятельные экспедиции для раскопок арктических памятников. В результате оказался разрушенным ряд объектов, представляющих научную ценность, в частности лагерь экспедиции В. Баренца на Новой Земле.

Насущной задачей археологов, этнографов и других специалистов, ведущих работы по изучению исторического прошлого Арктики, является объединение своих сил и координация исследований. Организованное на базе ЛОИА заседание, посвященное 200-летию арктической археологии, в сущности является первым в нашей стране совещанием по проблемам изучения истории освоения человечеством территории Крайнего Севера. Следует надеяться, что оно будет способствовать активизации и улучшению этого процесса.

¹ Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.

² Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Беллингса, с 1795 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. 1. С. 95—96.

- ³ Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П. Заселение Арктики // Памятники культуры: Новые открытия, 1974. М., 1975. С. 404—411.
- ⁴ Гурина Н. Н. Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982. С. 1—119.
- ⁵ Мурыгин А. М. Хейбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984. С. 1—24.
- ⁶ Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 43—50.
- ⁷ Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. С. 1—34.
- ⁸ Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 35—40, 62—81; Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980. С. 1—223.
- ⁹ Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977; *Он же*. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- ¹⁰ Диков Н. Н. Первые палеолитические памятники на Чукотском полуострове (стоянки на реках Челькун и Курупке) // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 5—23; *Он же*. Ульхум и Чаатамь I — новые палеолитические местонахождения на юго-востоке Чукотского полуострова // Новое в археологии севера Дальнего Востока. Магадан, 1985. С. 3—11; Кирьяк М. А. Орловка II — первая палеолитическая стоянка Западной Чукотки // Там же. С. 12—23.
- ¹¹ Теин Т. С. Археологические исследования на о. Врангеля // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 53—63.
- ¹² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазая. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л., 1980; Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Л., 1981.

Н. Н. ГУРИНА

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1986 г. исполнилось 40 лет с начала планомерного археологического исследования Кольского п-ова экспедициями ЛОИА АН СССР. Работы велись в 1946—1948, 1964, 1969—1984 гг. (начальных экспедиций Н. Н. Гурина). К 1946 г. здесь были известны: Оленеостровский могильник (на Баренцевом море)¹, несколько стоянок на побережье оз. Пинозеро², коллекция орудий с берегов Варзуги и материалы стоянок «арктического палеолита» с п-ова Рыбачий — результат целенаправленных работ геологов в 1935 и 1937 гг.³ Несмотря на ограниченность исследований, они показали наличие в этом регионе хронологически различных археологических памятников, однако будучи единичными и не связанными между собой, не могли дать целостного представления о содержании эпох. Эта ситуация определила задачи научных изысканий — поиски и раскопки памятников, способных ответить на вопросы: время и пути заселения полуострова; общие и особенные черты культуры древнего населения; взаимоотношение с соседними племенами, наличие или отсутствие связи современного населения с его предшественниками. Была выработана методика поисков и раскопок памятников применительно к специфике района.

В результате открыто свыше 400 памятников различной информативности: первобытные стоянки и поселения, погребения, наскальные изображения, лабиринты, остатки средневекового могильника и следы древних саамских стойбищ. Огромное количество материала, полученного в результате раскопок широкими площадями (до 1500 м²), позволило выявить характерные признаки различных хронологических этапов, их взаимосвязь и генетическую преемственность. Проведение работ совместно с представителями естественных и точных наук обеспечило определение геологической ситуации, фаунистического материала и абсолютную датировку памятников. Были открыты поселения с хорошо сохранившейся фауной. Приме-

ненная методика изучения микрорайона позволила глубже понять последовательность развития и изменения материальной и духовной культур различных эпох. Хотя ряд вопросов и требуют еще дополнительного изучения, однако основная линия развития в свете существующих артефактов вырисовывается теперь достаточно отчетливо (рис. 1; 2).

На Кольском п-ов люди проникли не ранее конца VII — начала VI тысячелетия до н. э., когда северная часть Скандинавии окончательно освободилась от ледника и подсохли террасы⁴. Памятники размещаются в соответствии с высотой морских террас. Мезолитические стоянки располагаются обычно на высоких террасах, неолитические — на более низких, и еще ниже — поселения эпохи раннего металла. Поскольку наиболее ранние мезолитические памятники («арктический палеолит») фиксируются на Северо-Западе — п-ове Рыбачий и прилегающем к нему морском побережью, можно полагать, что первичное заселение происходило из Северной Норвегии.

Своеобразными чертами мезолитических стоянок помимо значительных высотных отметок (от 20 до 90 м) являются: малые площадь и мощность культурного слоя, слабая насыщенность находками. Иногда культурный слой вовсе отсутствует — находки располагаются прямо на морском пляже (но не окатаны) или на поверхности скал. Для изготовления орудий использовались исключительно местные породы: кварц, кварцит, реже горный хрусталь и кремнь — мелкие гальки, вымытые реками. В отличие от Карелии и Финляндии здесь не применялся сланец (за исключением западного района — р. Шуонийоки и прилегающих к ней озер). Последующее широкое использование сланца является как бы разграничительной чертой между мезолитом и неолитом. Только в конце мезолита появляются редкие сланцевые орудия. Типологически и морфологически мезолитические орудия отличаются от неолитических, что отчасти объясняется применением ограниченного сырья — кварца — допускавшего, в силу особенности структуры, использование очень ограниченного количества приемов обработки — резцовые сколы и ретушь, при этом последняя применялась успешно лишь к кварцу высокого качества — мелкозернистому (рис. 1).

Среди наконечников стрел выделяется несколько типов, однако общие их черты можно свести к следующему: наконечники малой величины (не более 3 см) изготовлены из пластинчатых отщепов кварца, горного хрусталя, реже кремня. Преобладают асимметричные, ретушированные по асимметричному, слабо выделенному черешку (со спинки или с брюшка), иногда противоположной ретушью и по одному (реже двум) краю пера. Тильная часть (иногда острие) оформлена одним или двумя резцовыми сколами. Единичные экземпляры такого типа встречаются на поселениях раннего неолита. Выделяются и типы скребков. Наиболее распространены «сегментовидные» с округлым рабочим краем и сильно зауженной тыльной частью, нередко оформленной двумя резцовыми сколами, и «широколезвийные» с удлиненным рабочим краем. Многочисленны срединные и угловые резцы, встречаются трапеции. Рубящие орудия редки и не создают устойчивых типов. Для их изготовления использовались крупные отщепы или плоские гальки, которые обрабатывались частично мелкими сколами. Использовались особые, иногда очень мелкие (до 1 см) кварцевые скребки с подтеской с брюшка, имеющие от одного до 4-х лезвий (напоминающие *pièce ecaillée*) — скобели-струги.

Локализация находок на небольшом пространстве «по кругу» указывает, вероятно, на существование жилищ типа чумов.

В настоящее время среди мезолитических памятников намечается не менее 4 территориально-хронологических групп: 1 — северо-западная приморская (наиболее ранняя), занимавшая Рыбачий п-ов и прилегающие

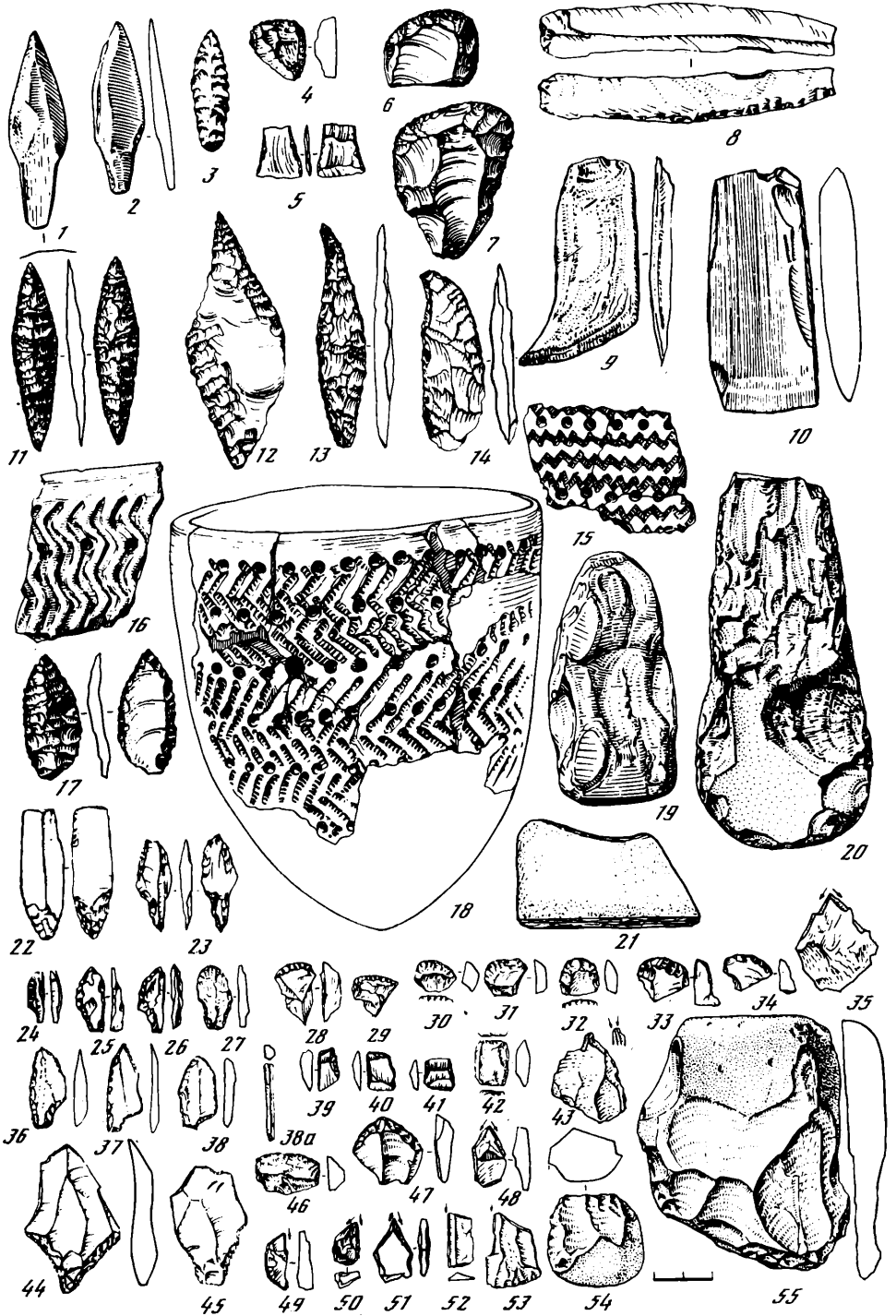

Рис. 1. Орудия и керамика

1-23 — неолит; 24-55 — мезолит; 1-4, 6-10, 19, 20, 22, 23, 42, 44, 45, 55 — сланец; 5, 11-14, 17, 38a, 39-41, 47, 52, 53 — кремнь и кремнистый сланец; 15, 16, 18 — глина; 21 — кварцит; 24-36, 38, 43, 46, 48-51, 54 — кварц и кварцит; 37 — горный хрусталь

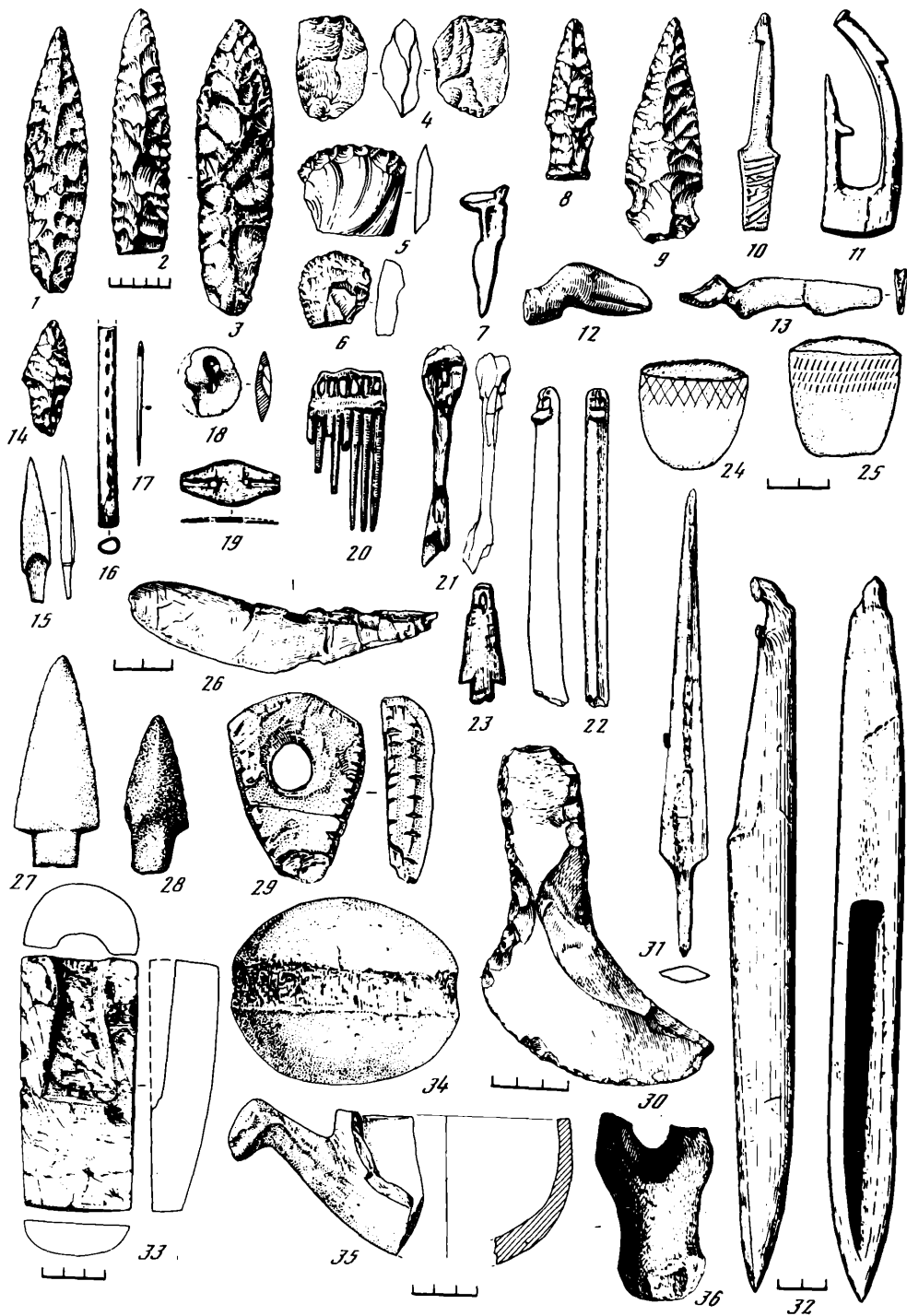

Рис. 2. Предметы эпохи раннего металла

1—3, 5, 8, 9, 14, 27, 28, 30 — кремнистый сланец; 4, 6 — кварц; 7—10, 11, 13, 15—17, 19—23, 26, 31, 32 — кость и рог; 12, 29, 33, 35 — стеатит (мыльный камень); 18 — ятарь; 24, 25 — глина; 34, 36 — гранит

к нему части побережья; 2 — западная — на побережье р. Шуонийоки и близлежащих рек и озер; 3 — северо-восточная приморская, известная по стоянкам в долинах рек Золотой, Дроздовки, Черной и Лумбовки; 4 — южно-центральная, включающая стоянки побережья Ловозера, Колвицкого и рек Варзуги, Кицы и Нивы. Для поздней фазы мезолита (южная группа) характерна микролитоидность и наличие некоторых сходных с мезолитическими памятниками Северной Карелии. В целом же мезолит Кольского п-ова входит в один круг с комсокультурой, составляя, возможно, один из его вариантов.

Крайняя ограниченность площади стоянок, маломощный, прерывистый культурный слой и весьма ограниченное количество находок свидетельствуют о малочисленности человеческих коллективов и подвижном образе их жизни. Жесткая приуроченность стоянок к морскому побережью указывает на экономическую зависимость от моря. Очевидно, основным питанием для людей этого времени являлись «дары моря», которые они получали в результате развитого собирательства в литоральной зоне во время отлива, охоты и примитивного рыболовства.

Неолитические памятники резко отличаются от мезолитических, хотя в них и проявляется ряд прежних традиций, позволяющих усматривать генетическую преемственность неолита от мезолита⁵. Так, в раннем неолите встречаются единичные наконечники стрел с частичной обработкой, микролитические сегментовидные скребки с обработкой тыльной части двумя резцовыми сколами, скобели-струги, серединные и боковые резцы из кварцевых отщепов и др. Однако в целом новая эпоха выделяется рядом ярко выраженных признаков. Неолитические поселения и стоянки гораздо многочисленнее мезолитических. Они фиксируются на всем полуострове, занимая морские бухты, побережья озер и рек, располагаясь при этом на более пониженных участках по сравнению с мезолитическими (от 10 до 23 см). Исчезает прерывистость культурного слоя, возрастает его мощность и насыщенность находками. Очень заметно изменение индустрии. Помимо использования кварца, горного хрусталя и кремня в сферу производства вовлекается новая порода камня, ставшая господствующей, — сланец. Его появление повлекло за собой сильное изменение технических приемов и морфологии орудий. Структура сланца позволяла применять к нему, помимо ретуширования, пиление, сверление, точечную ретушь, шлифование. Это привело к созданию новых типов и категорий орудий, в частности большого количества крупных рубящих орудий правильных очертаний, влиявших на эффективность действий. Кроме того, сланец широко применялся для изготовления наконечников стрел и копий, ножей, проколов, сверл, скребков, украшений и предметов искусства. Многие из них (в том числе и наконечники) отшлифованы по всей поверхности, остальные подверглись двустороннему ретушированию. Специально изготовленные грузила и рыболовные крючки указывают на развитое рыболовство, в том числе сетевое. Широкое применение качественных рубящих орудий сделало возможным изготовление более совершенных лодок, охотничьих и рыболовецких снарядов, лыж, позволило усовершенствовать способ домостроительства. Все это вызвало к жизни и определенные социальные явления.

Принципиально новым достижением этого времени является керамика. Наряду со значительным своеобразием ее технологии и орнаментации в ней проявляются как бы трансформированные черты сосудов Финляндии и Норвегии — сперринге и саразнями (Сар I). Отличие от сосудов лесного неолита заключается в технологии — лепка путем наращивания слоев глины, когда первый, слегка подсушенный слой служил твердой основой, на которую накладывался затем второй, а иногда и третий слой. Своеобразие выражалось в наличии наряду с остродонными плоскодонными сосудами

и в их орнаментации. Последние имели горшковидную форму, прямой ровный край. Диаметр дна равнялся 13 см. Так же, как и стенки, оно было покрыто узором. Некоторая часть посуды окрашена красной охрой. Хотя орнаментация и подчиняется общим законам, свойственным ямочно-гребенчатой культуре (заполнение всей поверхности узором, зональность, геометрический стиль), однако содержит и много неповторимого, начиная с элементов узора очень разнообразных, трудно поддающихся точному определению. Среди них «тесемочный», известный, помимо Кольского п-ова, только в Северной Финляндии и в Норвегии.

Эпоха раннего металла отличается от неолитической суммой признаков⁶. В настоящее время известно значительное число памятников этого периода, имеющих различную информативность. Встречаются поселения с чистыми или почти чистыми комплексами, на которых неолитические находки единичны (Дроздовка, Маяк, мыс Семерка II и т. д.), на других (Маяк II, устье Дроздовки) неолитический комплекс значителен, четко выделяется планиграфически.

Поселения занимают более низкие террасы, но нередко совпадают с неолитическими. Находки этого времени локализируются в верхних слоях. Точная поглубинная и планиграфическая фиксация материала, наличие «чистых» комплексов, а также «закрытый» могильный комплекс способствует их безошибочному отделению от неолитических.

Одним из важных свидетельств развития производительных сил в эпоху раннего металла является резко выросший размер поселков и мощность их культурного слоя, что наглядно иллюстрирует двухслойное поселение Маяк II, где неолитический комплекс распространяется на площади 400 м², а находки раннего металла занимают 1050 м². Увеличивается гумусированность и насыщенность слоя. Расширяется ассортимент поделочного материала: впервые начинает применяться халцедон и мыльный камень (тальковый сланец) — в основном для предметов искусства и культа, пемза — в качестве абразива, асбест и слюда — как отошители к глине, шире используется привозной кремень (преимущественно из Беломорья). Вместе с тем главным поделочным материалом по-прежнему является сланец и кварц.

Основные приемы обработки камня и многие типы орудий, известные в неолите, сохраняются, поскольку обладают совершенным качеством. Однако появляются и другие, что в основном обусловлено развитием новых отраслей хозяйства. Заметно увеличивается число и разнообразятся типы орудий охоты — крупные, сплошь зашлифованные наконечники копий из сланца и шифера, кремневые наконечники стрел «сейминского» типа, наконечники с пильчатой ретушью, овальные грузила с продольным опоясывающим желобком и др. Заметно возрастает количество пил и шлифовальных плит. Для северных приморских стоянок весьма показательным применением крупных, преимущественно овальных окатанных морем галек, служивших пестами, отбойниками и молотами, часто сильно стертых (до ровной плоскости) с одного конца — свидетельствует работа по твердому материалу. Крупные рубящие орудия также очень многочисленны, в особенности во внутренней части полуострова и на южном побережье.

На ряде памятников сохранились органические остатки (Екатерининские стоянки, Оленеостровский могильник, Маяк и Маяк II), позволяющие восстановить экологическую обстановку и форму хозяйства того времени. Об охоте свидетельствуют кости сухопутных животных: северного оленя, лося, медведя, россомахи, песца, бобра; из птиц — в основном гаги, утки; из рыб — тресковые, палтус. Очень много костей ластиногих (на Маяке II около 300 тыс. только определенных). Преобладают кости гренландского тюленя, нередко встречается морж, нерпа, морской заяц, белый медведь.

Различными категориями представлены костяные орудия: кинжалы, гарпуны, наконечники стрел, рыболовные крючки составляют значительные серии, позволяющие выработку типологии. Многообразны бытовые предметы: иглы для шитья одежды и вязания сетей, гребни, вязальные крючки, ложки, украшения. Встречаются крупные ребра моржа с зазубринами по лезвию, использовавшиеся для обработки шкур, разделочные доски из костей кита, деталь ручных нарт (?) или кожаной лодки, лампы-жировики из мыльного камня.

Металлических предметов и остатков от их производства найдено крайне мало (как, впрочем, и во всех северных памятниках): медный или бронзовый наконечник копья (в Оленеостровском могильнике), три половинки литейных форм (одного кельта и двух ножей), а также (более поздняя) печь для выплавки железа и железные шлаки (на мысе Семерка II).

Керамика эпохи раннего металла по примесям и орнаментации резко отличается от неолитической, но в то же время остается близкой по технологии — лепка сосудов из 2—3 слоев глины. По форме, примеси и орнаментации сосуды варьируют в деталях, однако в целом обладают общими признаками. Отощителем к глине служили: асбест (иногда волокна достигали 8 см), слюда и другие «экзотические» материалы, в том числе эгирит, изредка песок, в некоторых случаях, возможно, шерсть. Стенки толстые (из 2—3 слоев глины), край прямой, почти всегда равный толщине стенок, днища округлые или плоские. Поверхностный орнамент, выполненный короткими насечками или прочерченными линиями, реже мелкими точками, сосредоточен только в верхней части сосуда. Мотивы орнамента — горизонтальные пояса, композиция — фризы из соединения горизонтальных полос или косой сетки. Ближайшие аналогии им — в Северной Финляндии и в Норвегии. По-видимому, наиболее ранняя группа керамики этого периода (наименьшая по численности) представлена относительно тонкостенными однослойными сосудами с расчесанной поверхностью, без орнамента или с оттисками пунктирной гребенки. Не исключено, что это не массовая керамика. Единичные фрагменты сосудов с примесью асбеста, орнаментированные вертикальными, плотно расположенными зигзагами, выполненными тонким гребенчатым штампом (близкая Карельской), встречаются только в южной и центральной части Кольского п-ова.

На всем протяжении истории древнее население Кольского п-ова развивалось в рамках присваивающего хозяйства, основной причиной чего являлись экстремальные экологические условия Приполярья и Заполярья. Однако археологические памятники отражают поступательное развитие производительных сил и производственных отношений. С конца неолита, и в особенности в эпоху раннего металла, большое значение получил морской промысел, который, как свидетельствуют археологические источники, использовал, в частности, поворотные гарпуны. Эта достаточно развитая форма охоты указывает на активное наступление на ластоногих с выходом в море. В период раннего металла отчетливо выявляются два типа хозяйства: 1 — тундрово-приморское с господством морского промысла и морского рыболовства, дополняемых развитой сухопутной охотой и собирательством; 2 — таежное с озерным рыболовством, сухопутной охотой и собирательством. Об этом с наглядностью свидетельствуют различия в орудиях труда. Вместе с тем идентичность керамики указывает на культурное единство населения. Существуют некоторые доказательства начала приручения оленей.

Относительная экономическая обеспеченность в эпоху раннего металла, в особенности племен, занятых зверобойным промыслом, способствовала пышному расцвету искусства — появлению многочисленных предметов со сложным геометрическим орнаментом, костяной и каменной скульптуры

малых форм⁷. Характерной чертой ее является реалистичность — верность натуре. Изображения преимущественно частичные, с выпуклым показом самых ярких особенностей объекта. Очень выразительны образы животных — лося, белого медведя, собаки, хищных зверей. Антропоморфные существа представлены главным образом предметами с явно старческими лицами.

В 100 км севернее Полярного круга открыты и изучены наскальные изображения, расположенные на 6 отдельных камнях в пойме р. Поний⁸. Топографические условия (залегание в пойме одних и на коренном берегу — других) и стиливые особенности заставляют расчленять рисунки хронологически. Два камня (1—2), залегающие в пойме, с изображениями оленей со сдвоенными передними и задними ногами и объемными антропоморфными существами, очевидно, следует датировать поздним неолитом. Камни, расположенные на коренном берегу (3—6), с четырехногими оленями и «тонкими» (изображенными узкими линиями) человеческими фигурами, вероятно находящиеся в сложной взаимосвязи, скорее всего относятся к эпохе металла. Судя по позе и «наряду» антропоморфных фигур на камне 1 (они показаны пляшущими, с поднятыми вверх руками: один в трехрогом головном уборе, второй с подвязанным хвостом), можно заключить о передаче сцены «камлания». Существенно при этом, что шаманы сопряжены с фигурами оленей; ноги их помещены поверх ног оленей. На второй группе камней (в особенности камень 5) изображения теснее связаны между собой. Встречаются однозначно читаемые сцены, например рождение олененка, — крошечный олень помещен под сильно увеличенным животом крупного оленя (перпендикулярно ему), а рядом — диск солнца. Присутствуют и более сложные сюжеты, возможно связанные с шаманскими обрядами и народными преданиями. В целом наскальные рисунки отчетливо свидетельствуют о магических воззрениях древних племен Кольского п-ова. Обнаружены новые лабиринты, в одном из которых найден обработанный человеком позвонок молодого кита. Мы по-прежнему считаем их связанными с магическими обрядами древних рыбаков.

Значительное своеобразие материальной культуры — орудия труда, керамика (в том числе плоскодонные сосуды и их оригинальная технология) — особенно проявляющееся в деталях оформления орудий, не несущих большой функциональной нагрузки и поэтому являющихся хорошим этнокультурным индикатором, а также специфическое искусство — позволяющее выделить, начиная с неолита, особую кольскую археологическую культуру с четкой морской границей на юге, востоке и севере. На западе прослеживается зона контакта с соседними культурами. Носители ее на протяжении древней истории были тесно связаны с южными и западными соседями: карельскими, финскими и норвежскими племенами⁹. По-видимому, все они входили в единую этнокультурную область, состоящую из суммы родственных культур. При этом степень близости была большей между карельскими и финскими племенами, с одной стороны, и кольскими и норвежскими, с другой, что в значительной степени было обусловлено близостью экологической обстановки и соседством территорий. Проникновение отдельных элементов культуры карельского населения (начиная с мезолита) ограничивалось южной и центральной таежной частью полуострова.

О развитии и усложнении социальной структуры общества можно судить в известной мере по увеличению размера поселков и усовершенствованию морского промысла, требующего коллективного производства и порождающего коллективное распределение продуктов.

Многочисленные радиоуглеродные датировки (свыше 30) позволяют отнести начало неолита к первой четверти IV тысячелетия до н. э. (5760 ±

±60 ЛЕ-1995, Маяк II), а начало эпохи раннего металла к середине III тысячелетия до н. э.

При изучении древней истории народов закономерно встает вопрос о возможной связи с исторически известными аборигенами, в нашем случае — с саамами. Ответ на него ищут этнографы, антропологи и лингвисты, однако однозначного решения пока не найдено. Археологические же источники говорят о следующем. Начиная с эпохи мезолита на Кольском п-ове прослеживается непрерывное развитие своеобразных культурных традиций, генетическая преемственность эпох вплоть до первых веков нашей эры. Имеются некоторые материалы для характеристики местного населения XII—XVII вв. (см., в частности, статью Л. Г. Шаяхметовой).

Нами обнаружены и частично исследованы остатки жилых сооружений типа чумов, округлых или четырехугольных, обложенных в основании камнями, содержащих кремневые наконечники стрел и костяные орудия. Открыт также могильник XII в. близ с. Кузомень на Терском берегу¹⁰. Как свидетельствует новгородская летопись под 1211 г., терские лопари платили дань новгородцам. Волость Тре (Кольский п-ов) во многих договорах Новгорода с терскими князьями (начиная с 1264 г.) упоминается в числе новгородских волостей. Однако такого рода контакты местного населения с новгородцами не могли затронуть их самобытной культуры, внести изменения в антропологический тип и нарушить этническое единство.

На всем протяжении древней истории ощущается близость культур кольского населения с западными соседями (Финляндией и Норвегией), при наличии ярко выраженного своеобразия, и только в южной части — с Карелией. При этом не отмечается никаких катастрофических изменений в экологической обстановке, которые заставили бы людей покинуть Кольский п-ов. Учитывая сказанное, есть основание усматривать связь саамов с древним населением этого региона, т. е. высказать мнение в пользу их местного происхождения в Фенноскандии.

¹ Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сб. АН СССР. Л., 1930. С. 119—169. (Материалы Комис. экспедиц. исслед. Вып. 23).

² Горейкий Г. Н. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Тр. сов. секции INQA. 1937. Вып. 3. С. 13—27.

³ Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на Севере СССР // СА. 1940. № 5. С. 107—143.

⁴ Гурина Н. Н. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 94—99.

⁵ Гурина Н. Н. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Петрозаводск, 1977. Вып. 6. С. 3—14; Она же. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 80—88; Гурина Н. Н., Кошечкин Б. Н. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 80—86.

⁶ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. 1953. № 39. С. 347—407; Она же. Поселение Маяк II на Кольском полуострове // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: Тез. докл. Л., 1983. С. 7—8.

⁷ Гурина Н. Н. О некоторых образцах древнего изобразительного искусства Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 10. С. 89—93.

⁸ Гурина Н. Н. Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей: (Общие и специфические черты) // Звери в камне. Новосибирск, 1979. С. 117—135.

⁹ Гурина Н. Н. О некоторых общих элементах культуры древних племен Кольского полуострова и их соседей // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 83—92; Она же. О связях древнего населения Кольского полуострова: (По материалам погребений в бухте Большой Песконец) // СА. 1986. № 3. С. 85—94.

¹⁰ Гурина Н. Н. Первые сведения о памятниках XII в. на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1971. Вып. 9. С. 65—70.

ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИКИ

Важное место в археологии Арктики занимает изучение памятников периода освоения ее русскими людьми. Это сравнительно молодое и своеобразное направление советской археологии по устаревшим меркам вроде бы выходит за пределы нашей науки, поскольку основная масса памятников датируется XVI—XVIII вв. Именно к этому периоду относятся основные события, связанные с деятельностью русских полярных мореходов и землепроходцев. В XV—XVI вв. происходит открытие Мангазейского морского хода в заполярные сибирские земли и появление там первых поморских становищ. Не позднее конца XV — начала XVI в. русские мореходы и промысловики проникают на архипелаг Шпицберген и приступают к освоению его природных богатств. В XVII в. с основанием Мангазеи и превращением ее в форпост центрального участка морского пути на восток — от Обской губы до Лены — возникает целый ряд поселений, промысловых построек, приметных крестов, которые ныне могут рассматриваться как бесценные свидетельства истории освоения Арктики. В настоящее время в арктическом регионе (включая Шпицберген) имеется более 100 исследованных разведками и раскопками памятников, связанных с процессом первоначального освоения Арктики русскими людьми в XVI—XVIII вв. Этот довольно значительный фонд источников не только существенно дополняет сведения, извлеченные из исторических документов, но часто играет решающую роль при реконструкции событий этого далекого прошлого.

Основные усилия историков долгое время были направлены на решение проблемы так называемого северо-восточного прохода, под которой понималась не только идея поиска кратчайшего пути в Тихий океан, но и изыскания новых, неизвестных ранее «землиц», омываемых водами «студеного океана». Поэтому неудивительно, что все географические открытия в пределах евроазиатского сектора Арктики, даже если они находились в стороне от этой основной магистрали, рассматривались в той или иной зависимости от нее. В какой-то мере это было связано с нехваткой фактического материала, но сказывалось и давление традиции. Показательна в этом отношении крупная обобщающая работа М. И. Белова «История открытия и освоения Северного морского пути», где открытие Шпицбергена рассмотрено в контексте поморских плаваний по Мангазейскому морскому ходу¹. Недостаток материала предшествующих лет не позволил крупнейшим историкам Арктики Н. Н. Зубову, В. Ю. Визе, М. И. Белову и др. решить многие важные вопросы освоения региона.

Начиная с середины 40-х годов активную роль в изучении истории Арктики играет археология. Первые раскопки заполярных русских памятников были произведены в 1945—1947 гг. А. П. Окладниковым на северо-западе п-ова Таймыр, в заливе Симса, и на о-ве Фаддея. В результате многосторонних комплексных работ был получен уникальный материал, характеризующий снаряжение русских полярных мореходов и позволяющий выдвинуть версию о том, что первые попытки обогнуть Таймыр морским путем были предприняты из Мангазеи еще в XVII в. Одновременно с исследованиями на Таймыре Арктический научно-исследовательский институт организовал экспедицию в заполярную Мангазею (руководитель В. Н. Чернецов). Тогда, в 1946 г., была произведена лишь рекогнос-

цировка памятника и собран подъемный материал, однако масштабы поселения, характер построек и мощность культурного слоя позволили исследователю сделать правильные выводы о том, что Мангазея являлась большим, прочно обжитым городом². Работы В. Н. Чернецова были продолжены в 1968—1970 и 1973 гг. крупномасштабными раскопками, которые были организованы Арктическим и Антарктическим НИИ совместно с Институтом археологии АН СССР³. За 4 полевых сезона было вскрыто 15 тыс. м² территории города, изучены волоковые пути на п-ове Ямал и в междуречье рек Таз и Турухан. Благодаря раскопкам удалось обнаружить остатки поморского Тазовского городка XVI в.; была подробно изучена его топография, получены тысячи находок, в полной мере характеризующих облик этого крупнейшего города и порта в сибирском Заполярье. Все это способствовало формулировке принципиально новых выводов в отношении Мангазеи как центра освоения севера Сибири и одного из наиболее сложных участков Северного морского пути.

Крайне незначительными материалами обладали исследователи в отношении истории архипелага Шпицберген, а вопрос о его открытии вплоть до сегодняшнего дня является предметом широкой международной дискуссии. Как известно, датой официального открытия Шпицбергена считается 1596 г., когда к его берегам подошли суда голландской экспедиции В. Баренца. Вместе с тем в науке существует мнение, что архипелаг был известен средневековым мореходам и промысловикам задолго до этого похода.

Целый ряд документов XV—XVI вв., таких, как письмо И. Мюнцера португальскому королю Жуану II от 14 июля 1493 г.⁴, письмо датского адмирала С. Норби королю Кристиану II⁵, письмо датского короля Фредерика II наместнику в Норвегии Л. Мунку от 11 марта 1576 г. и ряд других содержат сведения о земле Грутландия, расположенной далеко на севере и находящейся во владениях великого князя московского. Русские историки начала века, а затем и советские ученые оценивали эти сообщения как доказательство того, что именно русским людям принадлежит честь открытия Шпицбергена, который долгое время был известен на Руси под названием Грумант.

Вместе с тем нельзя не признать, что сами по себе эти известия могут рассматриваться только в качестве косвенных источников, поскольку по ним очень трудно судить о какой именно земле идет речь, что понималось в XV в. под названием Грумант?

В равной мере это относится и к походам викингов к Свальбарду, упоминания о котором содержатся в трех исландских сагах XII—XIV вв. Наиболее объективные норвежские исследователи, признавая возможным отождествлять Шпицберген со Свальбардом, отмечают, что материальные остатки этой эпохи на Шпицбергене отсутствуют⁶. Многие из современных ученых, такие, как английский историк Г. Джонс⁷, советский географ В. С. Корякин⁸ и др., считают, что Свальбардом не может быть ни Шпицберген, ни Ян-Майен, а им скорее всего является один из участков восточного берега Гренландии. Все это заставляет относиться к археологическим раскопкам на Шпицбергене, как к мероприятию весьма актуальному в научном отношении.

Первые раскопки на Шпицбергене были произведены в 1882 г. шведским топографом Де Гейером, который продолжил их в 1896 г., вскрыты 2 русские постройки на берегу залива Ис-фьорд на о-ве Западный Шпицберген. В 1898 г. шведский географ В. Кралхайм-Гюлленшельд раскопал большую русскую постройку на Русском о-ве, а в 1910—1913 гг. частичные раскопки русских домов на о-ве Аксель произвел норвежский исследователь Х. Л. Нордберг.

Планомерные раскопки на Шпицбергене начались в 1955 г., когда к работе приступила Скандинавская экспедиция, в составе которой работали специалисты из Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии. Экспедиция работала в течение трех полевых сезонов и вскрыла 2 крупных русских становища и 1 промысловый дом в заливе Ис-фьорд. В последующие годы на архипелаге проводили исследования нидерландская экспедиция (раскопки голландского китобойного поселка Смеренбург), датско-норвежская экспедиция (раскопки датской китобойной базы на Датском о-ве) и польская экспедиция, которая раскопала 2 русских поселения в районе залива Хорнсунн. Регистрацию памятников и раскопки русских поселений проводят норвежские специалисты. С 1978 г. на Шпицбергене работает экспедиция Института археологии АН СССР.

В качестве первоочередных экспедиция решала 4 основных проблемы: 1) изучение вопроса о первобытной эпохе на Шпицбергене; 2) открытие архипелага в историческую эпоху; 3) установление общих закономерностей и этапов его освоения; 4) определение исторического места поморских походов на Шпицберген в общей системе русского арктического мореплавания.

За 9 лет исследованиями была охвачена значительная территория архипелага, включая все крупнейшие и ряд мелких островов. На них было обнаружено 13 становищ, в состав которых входило около 50 построек, 24 отдельных промысловых дома, 34 креста, более 20 захоронений, 2 крупных фрагмента судов. Раскопками изучено 34 жилищно-хозяйственных комплекса, 27 крестов и 8 захоронений, на остальных памятниках произведены архитектурные обмеры и собран подъемный материал. С учетом работ зарубежных экспедиций количество раскопанных русских построек составляет 46 (вместе с изученными визуально — 70), крестов — около 50, погребений — 45. Этот значительный фонд источников позволил с достаточной полнотой раскрыть содержание указанных выше задач.

Особый интерес представляет выявление шести построек, датированных методом дендрохронологии серединой — второй половиной XVI в., т. е. временем более ранним, чем 1596 г. Необходимо отметить, что полученные дендродаты были подтверждены целым рядом других датирующих признаков. 1. Расположение памятников на местности (топография и гипсометрия). Установлено, что памятники XVI—XVII вв. располагаются на самых низких отметках берегов (на уровне современных пляжей), в то время как поселения XVIII в. приурочены к краям первых морских террас. 2. Палеографическая датировка надписей, обнаруженных почти во всех памятниках XVI в. 3. Прямое датирование по надписям с датами. В частности, на поселении Ван-Мюйден была найдена надпись, вырезанная на корытообразном предмете, которая содержала даты: 1593 и 1594.

На памятниках XVI в. было зафиксировано 7 надписей, в том числе 3 текста. Последние особенно интересны, поскольку содержат имена древнейших груманланов: Иван Петров, Вапа Панов, Миринин, Мирейн, Галактион Кабачев, — которые обживали Шпицберген задолго до появления у его берегов первых западноевропейских мореходов. Важно отметить, что характер построек XVI в., состав культурного слоя, реконструируемая организация промыслов, позволяют сделать вывод о том, что памятники середины XVI в. (древнейшая из датированных построек имеет дату 1557 г.) не могут рассматриваться как свидетельства первоначального появления человека на Шпицбергене. Имеется перспектива поиска здесь более древних русских поселений.

Важным итогом работы экспедиции Института археологии АН СССР является установление периодизации русских промыслов на Шпицбергене. В частности, четко прослеживается период их расцвета во второй полови-

не XVIII в. Именно к этому периоду относится появление там крупных поселков-становищ, включавших в себя до 10 построек жилищно-хозяйственного назначения, в которых могло проживать по несколько десятков человек. Норвежский геолог Б. М. Кейльхау, посетивший одно из таких уже заброшенных становищ на о-ве Эдж, писал, что в нем могло помещаться до 50 человек одновременно⁹. Археологические находки показывают, что среди обитателей становищ в XVIII в. находились женщины и дети. Об этом свидетельствуют такие находки, как стеклянные бусы, изношенная женская и детская обувь, женские захоронения. В этот же период в промысловую практику поморов входит многолетнее обитание на архипелаге. Одна из надписей, найденная в строительном горизонте XVIII в. рассказывает о том, что некий промышленник зимовал на Шпицбергене 30 лет. По-видимому, не позднее конца XVII — начала XVIII в. поморы, отправлявшиеся на шпицбергенские промыслы, получали жалованные грамоты, а позднее паспорта. Находка на двух поселениях XVII—XVIII вв. двух деревянных футляров от вислых печатей к жалованным грамотам, проливает новый свет на правовое положение Шпицбергена в отношении России. Он прочно втягивается в систему общероссийского и внешнего российского рынков.

Большую историческую ценность представляют обнаруженные при раскопках предметы северорусской материальной культуры XVI—XVIII вв. Среди них большая серия надписей, в том числе текстов, вырезанных на дереве, кости и коже, древнерусский алфавит, шахматы, шашки, художественно выполненные предметы культа, орудия промыслов, многочисленная бытовая утварь.

Особое значение имеет находка нескольких крупных фрагментов поморских судов, которые позволяют рассматривать их как особый тип северорусского ледового судна, презначенного для эксплуатации по грумланскому проходу на архипелаг Шпицберген. Это была вторая важная русская арктическая магистраль, которая в XV—XVI вв. осваивалась одновременно с Мангазейским морским ходом.

Говоря о важности археологического изучения позднесредневековых памятников в высокоширотных районах Земли, нельзя не остановиться на таком важном вопросе, как буржуазная концепция истории освоения евроазиатской Арктики.

Для современной буржуазной историографии характерно принижение роли русского народа в освоении арктических земель и морских магистралей. В качестве примера можно привести выступление голландского исследователя Г. Якоба на одном из международных симпозиумов в 1983 г.: «Англичане были первыми из тех, кто начал поиски северо-восточного прохода. Хью Уиллоуби и Ричард Ченслер в 1553 г. отплыли на северо-восток... Картографы нанесли на свои карты вновь открытые берега и острова... Проход северо-восточным путем в Тихий океан был впервые осуществлен только в 1878—1879 гг. Н. А. Э. Норденшельдом». Аналогичным образом описывается и открытие Шпицбергена¹⁰. Из приведенного сообщения следует, что берега Кольского п-ова, острова Новая Земля и Вайгач были открыты англичанами, Шпицберген — голландцами. Ни одного слова нет в этом докладе о деятельности русских полярных мореходов.

Норвежские авторы, такие, как А. Хоель, О. Рисангер, П. К. Роймерт и др.¹¹, отмечая высокую активность английских и голландских китобоев в географическом изучении Шпицбергена, отводят русским промышленникам совершенно незначительную роль. По их мнению, поморы появились на Шпицбергене в конце XVII или в начале XVIII в. и прекратили свою деятельность в первой половине XIX в.

Наиболее развернуто эта гипотеза представлена в статье А. Хейнтца «Точка зрения русских на открытие Шпицбергена»¹², в которой он пытается доказать, что появление русских на этом архипелаге не могло произойти раньше конца XVII в., а «точка зрения относительно открытия Свальбарда поморами задолго до Баренца носит спекулятивный характер». Несмотря на столь категоричный вывод, А. Хейнтц все же заключает, что окончательное решение вопроса о времени открытия Шпицбергена может быть сделано лишь после тщательных археологических исследований. Как уже было показано, именно с точки зрения археологии позиция указанного автора не выдерживает критики.

¹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 66.

² Чернецов В. Н. О работах Мангазейской экспедиции // КСИИМК. 1947. Вып. 21.

³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л., 1980; Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Л., 1981.

⁴ Фрумкин П. А. К истории открытия Шпицбергена // Летопись Севера. 1957. Вып. 2.

⁵ Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977.

⁶ Raymart P. K. Kulturvern og kulturminner på Svalbard // Arbok for Svalbard — 78. Longyerbyen, 1978.

⁷ Jones G. The Norse Atlantic saga: Being the Norse voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, America. L., 1964.

⁸ Корякин В. С. Маршрутами гляциолога. М., 1981.

⁹ Keilhau B. M. Reise i Ost.— og Vest-Finmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen i arene 1827 og 1829. Christiania, 1831.

¹⁰ s'Jacob H. Het beeld van de Arctis, de Arctis in beeld // Smeerenburg: Holland op z'n Kondst. Groningen, 1983.

¹¹ Hoel A. The place-names of Svalbard. Oslo, 1942; Risanger O. Russerne på Svalbard. Oslo, 1978; Raymert P. K. Op. cit.

¹² Heintz A. Russernes syn på oppdagelsen av Spitsbergen // Norsk geogr. tidsskr. 1964. Bd 19, N 3/4.

Г. Н. ГРАЧЕВА

ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРКТИКЕ

Кроме археологических памятников глубокой древности, этническая принадлежность которых неизвестна или вызывает научные споры, Арктика богата и поздними памятниками истории и культуры, оставленными уже известными нам этносами, в основном относящимися к XV — началу XX вв. Находясь на стыке археологии и этнографии, они оказываются как бы вне поля зрения как археологов (поскольку это позднее время), так и этнографов, которые не могут их изучать, не применяя методов археологических исследований. Вместе с тем эти палеоэтнографические памятники представляют большой научный интерес и величайшую ценность, будучи свидетелями полузабытой жизни и быта северных народностей. Они незаменимы для характеристики культуры тех веков, которые обычно являются лакуной между археологическим и этнографическим знанием. Сохранившиеся предметы материальной культуры отражают не только хозяйственную и бытовую стороны жизни, но и мировоззрение. Зачастую эти предметы уже давно вышли из употребления, не встречаются в современном быту, а также отсутствуют в музейных коллекциях.

С точки зрения археологии такие памятники дают хорошее представление о том, как бытующие живые предметы и комплексы «археологизи-

руются», утрачивая быстро разрушающиеся части, покрываются почвой, зарастают мхом и кустарником. В этом смысле они многое дают для методики раскопок и реконструкции других, более древних археологических объектов.

К таким памятникам палеоэтнографии относятся заброшенные поселения, остатки отдельных жилищ, промысловых сооружений и ловушек, погребения, места поклонений и проведений обрядов со специально изготовленными для этих целей предметами, оставленными на месте и т. д.

Нельзя сказать, что эти объекты не привлекли внимания путешественников и исследователей. В своих путевых заметках многие из них отмечали следы культовых мест, «чудские ямы», интересовались остатками погребений. Вспомним, в частности, открытие А. Ф. Миддендорфом на севере Таймыра уникального иганасанского захоронения в сидячем положении среди валунов¹.

Особый интерес к палеоэтнографическим памятникам стал проявляться в XX в., когда традиционная культура начала быстро изменяться под влиянием внешних исторических обстоятельств, а некоторые ее элементы исчезают из быта. Для этнографов обычной информации представителей народности было недостаточно, поэтому предпринимались попытки обнаружить и исследовать сами памятники. Например, осуществлялись раскопки старых юкагирских жилищ — чандалов, чтобы выяснить их действительную конструкцию и возможное содержимое². Раскапывались и исследовались жилища и жертвенники почти исчезнувших жителей северо-западного побережья Берингова моря, кереков³. В обоих случаях работы проводились совместно этнографами и археологами. К сожалению, так было не всегда, достаточно указать на великолепный памятник культуры населения островов северо-западного побережья Берингова моря — «китовую аллею», открытый, описанный и в определенной мере исследованный именно этнографами⁴. Его раскопки не производились и «аллея» ждет археологов.

Остановимся более подробно на палеоэтнографических исследованиях Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР, руководимой Л. П. Хлобыстиным, в составе которой или совместно с отдельной этнографической группой почти постоянно работала автор настоящей статьи.

В 1976 г. в протоке близ устья р. Надым, впадающей в Обскую губу, было обнаружено заброшенное поселение (или городище)⁵. На этом месте образовался большой бугор, состоящий из деревянных строений. Одну часть его уничтожил пожар, другая — размывается водами протоки, особенно интенсивно в период весенних паводков. Выявлено два жилищных горизонта. Строения представляли собой, очевидно, избы, сложенные из толстых стволов лиственниц и елей. Сохранились остатки полов и по несколько венцов от стен. Дендрохронологическим анализом бревен, из которых были сложены дома, установлено, что поселение существовало в конце XVII в. (определение С. Г. Шиятова).

Среди развалин строений, на осыпи подмываемого обрыва и прямо в воде около него найдено множество деревянных и металлических предметов, характеризующих хозяйство и быт жителей поселения. Роговое грузило, деревянные поплавки, заостренные палки для перегораживания рек, медный рыболовный крючок (рис. 1, 4), фрагменты лодок определяют рыболовческую направленность хозяйства. Древки стрел, стрела типа «тамара» свидетельствуют о том, что здесь же производилась и охота на водоплавающую птицу и пушного зверя.

Особый интерес представляет находка 15 небольших железных клинков сабель, чьи размеры и другие признаки говорят о примитивной ковке и их местном изготовлении. Они напоминают хантыйские короткие сабли,

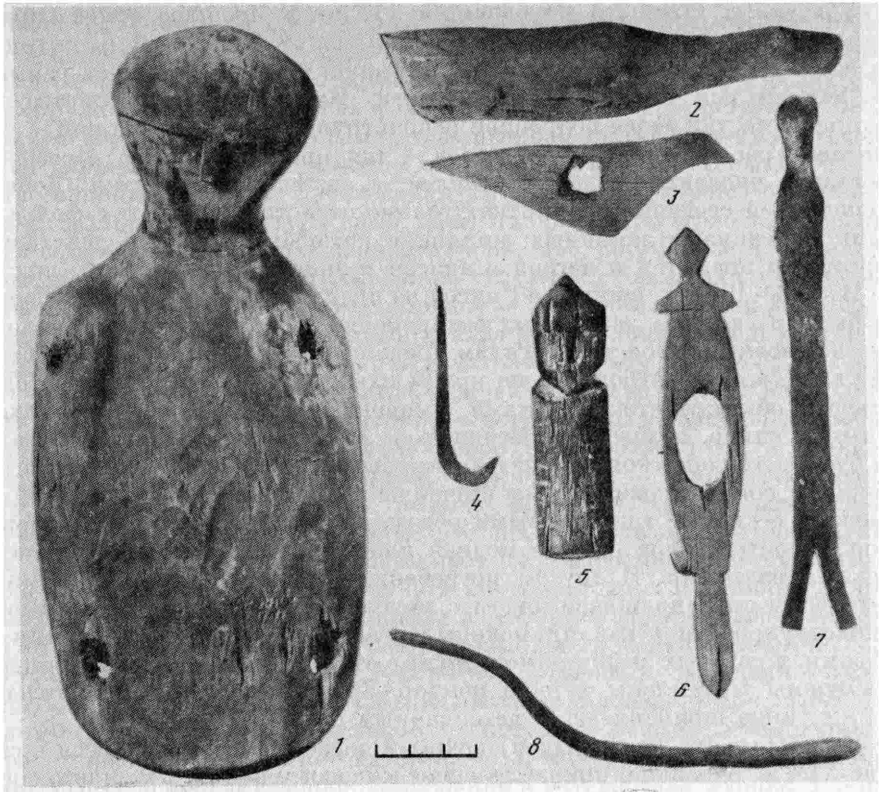

Рис. 1. Изделия с поселения на р. Надым

1—3, 5, 6 — дерево; 4 — медь; 7, 8 — железо

которыми, судя по имеющимся изображениям, были вооружены хантыйские богатыри.

Многочисленны предметы быта: остатки берестяных туесков с красочным красновато-коричневым орнаментом, похожим на хантыйский, фрагменты плетеных циновок, деревянных сосудов, деревянная рамка для зеркала (?) и «рубель» и т. п. Обращает на себя внимание деревянный непонятного назначения предмет с антропоморфной головкой и четырьмя сквозными отверстиями в продолговатом выпуклом основании (рис. 1, 1). Моделировка лица выполнена таким образом, что ее стиль можно отнести к западносибирскому типу скульптуры⁶. Имеются и другие деревянные и металлические антропо-, зоо- и орнитоморфные изображения (рис. 1, 2, 3, 5—8). Некоторые из них, по-видимому, могли быть надеты на стержни, поскольку в них имеются отверстия.

Весь облик поселения и найденные предметы свидетельствуют о принадлежности его скорее всего хантам, хотя пока нет надежных архивных данных о наличии хантыйских городищ в устье Надыма. В конце XVII в. Обдорское хантыйское княжество возглавлял князец Гында, препятствовавший русским проходам на восток⁷. Возможно, городище было одним из опорных поселений этого княжества для борьбы с русскими и ненцами. Его открытие представляет значительный интерес для истории края. Угрожающее положение памятника требует его дальнейшего исследования с помощью раскопок.

В связи с развитием северных районов страны, а также с изменениями

в культуре и быте его народностей уходят в прошлое такие, прежде широко распространенные жилища, как полуземляные чумы — голомо. Развалины последних выявлены экспедицией в целом ряде мест Таймыра, по берегам рек Авама, Хеты, Хатанги. Изучение их устройства дает возможность для более подробной реконструкции древних жилищ, а установление расположения и размеров — для представлений о расселении, составе и численности их обитателей, а также роде занятий. Добытые экспедицией сведения об остатках голомо отчасти совпадают с фольклорными описаниями земляных жилищ, в которых обитали и действовали персонажи преданий и легенд нганасан и энцев.

В 1970—1971 гг. в низовье Енисея на правом высоком берегу р. Гольчихи были раскопаны два старых захоронения, по словам энцев, аналогичные по своему устройству могилам древнего населения — сюся. Могильные ямы были неглубокими, по краям их лежали камни, а внутри одной отмечена обкладка стенок досками. Умершие — подростки — были захоронены на спине, головой на юго-восток. В глазницах черепов оказалось по бусине голландского производства, бытовавших в XVII в. Одного из умерших сопровождал сильно сточенный железный нож в роговой рукоятке и 5 стрел с трехгранными роговыми наконечниками. На головной убор, вероятно, была нашита медная пластинчатая бляшка с концентрическими валиками. В другом погребении встречена деревянная миска. Интересны сохранившиеся рядом с могилами остатки нарт. Они хорошо реконструировались как прямокопильные, с широкими и толстыми ползьями, у которых были прямоугольные отверстия для копыльев, а передние концы оформлены в виде ромбов. Такие нарты, по свидетельству тех же энцев, принадлежали легендарным сюся.

На р. Подъяха (п-ов Гыдан) вскрыто погребение, относящееся к середине XIX в., очевидно, принадлежащее молодому ненцу. Умершего сопровождали копьё, лук, множество железных наконечников стрел разных форм, ножи, берестяная табакерка, множество украшений, нарядной одежды. У каждой стопы лежало по медной пуговице с профилем изображением мужчины в цилиндре.

В 1974 г. на Таймыре в урочище Ары-Мас таким же образом были исследованы старые нганасанские наземные захоронения. Их деревянные погребальные сооружения позволили применить метод дендрохронологической датировки. Так, для одного из них лиственницы были срублены зимой 1817—1818 гг., а для другого — зимой 1838—1839 гг. (определения С. Г. Шиятова). В последнем было захоронение молодой женщины с богатыми бронзовыми украшениями. Ее позвоночник имел следы глубоких патологических изменений, по определению сотрудника экспедиции кандидата медицинских наук В. Е. Каленова, очевидно связанных с редким для Севера заболеванием — актиномикозом. Результаты этой тяжелой болезни прослеживаются и на других костях умершей. Большой интерес вызывает находка еще в одном женском захоронении в Ары-Масе массивной пальмы — орудия, характерного для эвенков.

Захоронение ребенка со следами сожжения, обнаруженное на Ивановской стоянке (р. Дудышта), уникальное захоронение деревянного идола на оз. Лабаз⁸ и другие погребальные комплексы, исследованные Заполярной экспедицией, значительно пополняют наши знания о способах и видах захоронений умерших, существовавших у народов Таймыра.

Большой и ценный материал дают раскопки относительно поздних культовых мест. Теперь некоторые из них очень трудно обнаружить. Они погрузились в почву, заросли травой и мелким полярным кустарником, внешне ничем не отличаются от окружающей местности. Тем не менее в 1971 г. на р. Пясице, у впадения в нее речки Сенькиной, в результате

раскопок и расчисток в трех пунктах были выявлены следы интенсивной культовой деятельности. Особенно полно сохранился комплекс культовых предметов в пункте II. Здесь на поверхности земли найдено прямоугольное сооружение из деревянных сакральных изделий, в центре которого находилась четырехугольная рамка, аналогичная долганским и тунгусским очистительным рамкам сычипкан. Сооружение имело размеры $1,9 \times 1,2$ м и было ориентировано на северо-запад. Его внешние стороны составляли четыре больших скульптуры рыб. Две из них — двухголовые, лежали с юго-восточной и северо-западной сторон, две другие были обращены головами на северо-запад. В северном углу комплекса сохранился пень лиственницы. По-видимому, все обрядовые действия совершались возле живого дерева. Сама рамка представляла собой квадрат, одну сторону которого образовывало изображение двухголовой рыбы. Оно лежало с юго-восточной стороны и, вероятно, было верхней частью рамки, так как в спине рыбы были отверстия, куда вставлялись острая морда маленького изображения рыбки и стержни двух скульптурок двухголовых птиц, а на брюхе сделаны пазы для вставки боковых сторон рамки — планок. Последние крепились шпонками к третьей, нижней планке. В центре рамки было перекрестье из двух планок, привязывавшихся к квадрату. Соединение, судя по информации, было подвижным. С северо-западной стороны от рамки (частично под ней) лежало перекрестье из двух массивных планок с ромбовидными концами. В его центре в отверстие была вставлена маленькая антропоморфная фигурка, вокруг которой в верхней планке перекрестья сделано 6 углублений. В 5 из них помещены небольшие темные камушки. Под северным углом рамки лежали 7 изображений рыбок, нарисанных на палочку, 16 отдельных скульптурок рыб, 5 колышков и антропоморфное изображение на стержне. С внутренней стороны изображения рыбы, ограничивающей сооружение с юго-востока, стояло 3 чурковидных идола с остроконечными головами и отмеченными вырубками шеями. Плоскими, вероятно, передними сторонами они были обращены на северо-запад. В западном углу сооружения располагалось скопление костей молодого северного оленя (хребет, лопатка и пр.). Сочлененные кости его передних ног лежали по углам южной части сооружения.

Вне комплекса вдоль юго-западной стороны лежало 5 фигурок оленей, как бы идущих друг за другом на северо-запад. Рядом с ними головой на юго-восток лежала зооморфная фигурка с острым хвостом. Все эти фигурки могли втыкаться в землю с помощью штырей. Позади «стада» оленей, у южного угла сооружения из земли торчало основание какого-то шеста или идола.

Весь комплекс, очевидно относящийся к середине прошлого века, выявлен на Таймыре впервые. Его раскопки помогли воочию убедиться в реальности существования очистительных обрядов, известных по информации долган⁹. Добытые предметы хранятся в МАЭ (кол. № 6814).

Еще более интересный культовый комплекс обнаружен в 1972 г. на Фаляга-бигай, правом притоке р. Дудыпты. Над тундрой, поросшей карликовой березой, в нескольких местах возвышались тонкие обветренные планки или лесинки со следами перекладин. В трех местах, значительно удаленных друг от друга по прямой (от первого до третьего более 70 м), они образовывали подобие ворот из четырех столбов, стоящих по углам квадратов, от крайних северных «ворот» в южном направлении к двум следующим «воротам». Редко стоящими вертикальными лесинами обозначено подобие «аллеи» — прохода, упиравшегося в растущую лиственницу — наиболее высокую в окружающей местности среди редко стоящих небольших деревьев. Около лиственницы был обнаружен поваленный деревянный столб. Вертикально поставленный на предполагаемое прежнее

место он оказался высотой с соседнее дерево. Нижняя его часть про­низывала большое деревянное изображение оленя. К столбу деревянными штырями крепилось множество деревянных птичек. Некоторые из них, валявшиеся на земле, хорошо сохранились и могли быть снова при­креплены к своим штырям. На площадке между столбиками северных «ворот», расчищенной сотрудниками экспедиции, найдено большое коли­чество деревянных скульптурок (разных размеров) рыб и оленей, среди которых один был двухголовым, антропоморфные скульптурки, а также несколько крупных зооморфных изображений: одно — напоминающее бобра или тюленя, другое — соболя или горноста. Здесь же лежали рога и кости оленя. В центре на палочке, воткнутой в землю, возвыша­лась грубо сделанная деревянная кормушка наподобие маленького корыт­ца.

Остальная часть обширного культового комплекса не была раскопана. Однако на основании уже сделанных наблюдений и находок можно пред­полагать, что на месте, где он обнаружен, некогда проводился много­людный обряд, призванный способствовать удаче в рыболовстве, охоте на дикого оленя и пушного зверя. Возможно, что здесь нами впервые выявлены следы своеобразного таймырского варианта охотничьих обрядов, подобных эвенкийскому икэнипкэ¹⁰ или шаманскому чуму эвенков, под­робно описанному А. Ф. Анисимовым¹¹.

Культовые места с изображениями идолов помимо Таймыра были ис­следованы также на Ямале, Гыданском п-ове и в других районах. Громад­ное значение имеют раскопки и обследования древних святыщ на о-ве Вайгач: на Болванском Носу в проливе Югорский Шар и около Болван­ской горы у р. Хэхэ-яха на севере острова. На Болванской горе найдено большое число деревянных идолов и следы многочисленных жертво­приношений. Большой интерес представляет тот факт, что вайгачские культовые места расположены около скальных провалов и трещин.

Объем статьи не позволяет остановиться на всех открытых памятниках. Но даже те, о которых удалось кратко рассказать, представляют важный вклад в развитие знаний по истории и культуре населения Крайнего Се­вера. По-видимому, пришло время посвятить их описанию объемную монографию. Изучение палеоэтнографических памятников следует считать одним из важнейших направлений исторических исследований в Арктике. Эти памятники зачастую требуют немедленного изучения, так как быстро разрушаются, а сведения о них исчезают из памяти людей. Необходимо дальнейшее развитие планомерных совместных археолого-этнографиче­ских исследований.

¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1878. С. 688.

² Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 84—96.

³ Леонтьев В. А. По земле древних кереков. Магадан, 1976. С. 214 и сл.

⁴ Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея: (Древности островов пролива Сенявина). М., 1982.

⁵ Хлобыстин Л. П. Работы на севере Западной Сибири // АО 1976 г. М., 1977.

⁶ Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири. Л., 1970. С. 284.

⁷ Базрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 134.

⁸ Грачева Г. Н., Студзицкая С. В., Хлобыстин Л. П. Погребение «идола» на оз. Лабаз (восточный Таймыр) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 51—54.

⁹ Ср.: Гурвич И. С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района Якут­ской АССР // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948.

¹⁰ Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // МАЭ. М.; Л., 1957. Т. 17.

¹¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.; Л., 1958. С. 191 и сл.

О ПРОГРЕССИВНЫХ ФОРМАХ ХОЗЯЙСТВА ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЗАПОЛЯРЬЯ (по материалам кольского полуострова)

Основным показателем уровня развития общества является степень развития его производительных сил — т. е. экономика. Исходя из этого общего положения, у археологов (преимущественно исследователей южных территорий) укрепилось мнение, что деление истории древнего общества на палеолит, мезолит и неолит определяется одним лишь экономическим фактором. По их мнению, к прогрессивным можно относить лишь те человеческие общности, которые перешли к производимому хозяйству — скотоводству или земледелию. С таких позиций они подходят и к оценке неолита: те культуры, носители которых не перешагнули указанного рубежа в их понимании, лишаются права называться неолитическими. В результате этого огромное пространство лесной зоны, в особенности его северная часть, миновали эпоху мезолита, по их мнению, только в железном веке, а обитатели полярной и приполярной зон пребывают в нем вплоть до XX в. Признавая приоритет производящегося хозяйства в общем историческом процессе человечества, все же кажется неправомерным создание столь однобокой модели развития общества. Думается, что подобная тенденция потенциально содержит идею неравноценности народов. Следует помнить о конкретных формах исторического процесса и только с их учетом подходить к оценке последнего.

Древние человеческие общности, жившие в условиях Севера, не стояли законсервированно на одном уровне общественного развития. Так же, как и племена юга, они развивались, создавая свою самобытную материальную и духовную культуру, правда в особых, нередко экстремальных природных условиях. Несомненно, в этот период природа более властно диктовала человеку свои законы, однако он сумел приспособиться и максимально использовать ее ресурсы.

Постараемся продемонстрировать это положение на примере Кольского п-ова. Археологические материалы показывают последовательное увеличение размера поселков, мощности культурного слоя и его насыщенность материалом — свидетельство роста численности коллективов, развития их экономики, длительности существования поселков. Основной экономики являлись охота и рыболовство. Особенно резкий скачок произошел в конце неолита — эпоху раннего металла, когда население перешло к развитому морскому промыслу. Различия в типах хозяйства населения — тундрового и таежного — заключаются в том, что у первого основой экономики становится морской промысел, дополняемый сухопутной охотой, рыболовством и собирательством, у второго, обитавшего среди лесов (южного и центрального), — озерное рыболовство, сухопутная охота и собирательство, о чем говорит размещение поселков и различный набор специализированных орудий труда.

Своими природными факторами Кольский п-ов способствовал раннему появлению и развитию морского промысла. Моря, омывающие его, исключительно богаты рыбой и морским зверем; имеют не замерзающие бухты и сильные отливно-приливные колебания правильного полусуточного характера. Во время отлива на обнаженной литоральной зоне нередко «обсыхает» рыба и морской зверь. Очень значительные размеры этого явления зафиксированы путешественниками. Еще в XIX в. Н. Дергачев

описывал движение сельди на нерест к берегам в тихие бухты: «В Кольскую губу осенью заходит сельдь в большом множестве, но там она служит пищей китам и акулам... В 1777 г. осенью на отмелях Абрамовской пахты в 7 верстах от г. Колы их выкинуло на берег, и весной жители г. Колы и поморы во избежания заразы очищали от них берег, а в 1825 г. их было так много, что черпали ведрами и лопатами»¹. О богатстве полуострова морским зверем у того же автора имеются в числе прочих следующие замечания: «Особенно много выбрасывает китов в Мотовскую губу, в гавань Новой Земли; в течение лета сюда выбрасывается по несколько китов. Все берега покрыты костями или истлевшими останками этих животных... В 1856 г. в Мотовской губе нашли выкинутыми на берег 18 китов, в числе которых один дал 2 тыс. пудов жиру»².

Имея в виду сильные полусуточные приливно-отливные колебания моря, можно предположить, что именно благодаря этому явлению оно обладало для человека огромной притягательной силой. Еще слабо оснащенные в техническом отношении люди имели возможность два раза в сутки получать почти готовую пищу, предоставляемую им морем. Следовательно, вполне допустимо, что население Кольского п-ова использовало морских животных как источник пищи еще в эпоху мезолита. Вероятно, тогда «наступление» на морскую фауну еще не было активным в отличие от эпохи неолита и раннего металла и выражалось лишь в своеобразной форме собирательства в литоральной зоне «даров моря».

Учитывая, что первые обитатели проникли на Кольский п-ов, по-видимому, прежде всего с северо-запада, следует думать, что они уже имели в этом отношении определенные навыки. Постепенно наблюдения обогащали людей положительным опытом, складалась сумма познаний, в частности об анатомии морских животных. Впоследствии производительные силы общества достигли такого уровня, который позволил перейти к активному наступлению на ластоногих. Таким образом, традиции морского промысла уходят своими корнями в мезолитическую эпоху.

Неолитические и в особенности памятники раннего металла содержат достаточное количество вещественных доказательств наличия морского промысла. Это подтверждают прежде всего богатейшие остатки морской фауны, встреченные на поселениях. До последнего десятилетия они были известны лишь в памятниках эпохи раннего металла — Оленеостровском могильнике Баренцева моря и расположенных в непосредственной близости от него Екатерининских стоянках.

При исследовании поселения Маяк II на северо-восточном побережье Кольского п-ова³ зафиксировано 271 348 определимых костей животных. Однако это только часть их, поскольку в подсчет попали лишь целые кости, тогда как разложившиеся экземпляры образовывали сплошные брекчи.

Изыскания на густо расположенных в пределах микрорайона поселениях, в частности в Дроздовской Губе, свидетельствуют о том, что уже в эпоху неолита, во всяком случае на развитом и позднем его этапах, люди знали морской промысел. Стратиграфия памятников и планиграфия материала показывают залегание неолитической керамики совместно с керамикой эпохи раннего металла, в непосредственной связи с костями ластоногих.

Основными орудиями охоты в это время служили крупные сланцевые наконечники копий, найденные в большом количестве (на некоторых поселениях по несколько сотен), при этом стандартных типов⁴, обработанные двусторонней ретушью или с помощью шлифования, а также крупные наконечники стрел и гарпунов, изготовленные из кости, остроги (рис. 1). Особого внимания заслуживают многочисленные необычайно длинные

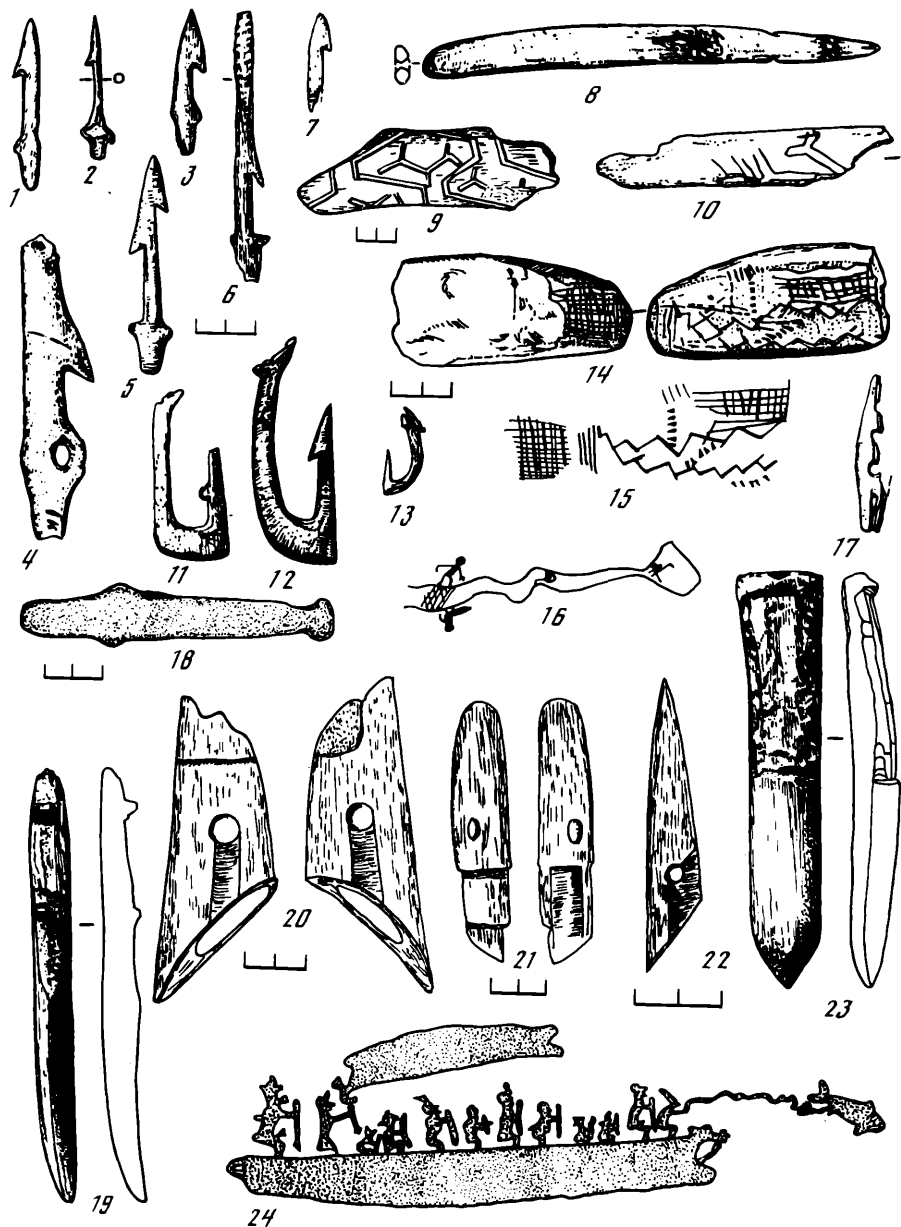

Рис. 1. Материалы памятников Кольского полуострова

1-7 — бородчатые гарпуны; 8 — игла для плетения сетей; 9, 10 — изображение оленей в заграждении; 11-13 — рыболовные крючки; 14 — камень с процарапанным рисунком рыболовного сооружения; 15 — развертка камня; 16 — сцены рыболовства; 17, 20-22 — поворотные гарпуны; 18 — плоская скульптура нерпы; 19, 23 — костяные кинжалы; 24 — сцена морского промысла на беломорских петроглифах (1-13, 17-23 — Маяк II; 14, 15 — Дроздовка; 16 — Ханты; 24 — Карелия. По Ю. А. Савватееву)

костяные кинжалы, не имеющие аналогов в памятниках материковой части Кольского п-ова. Существенно, что они отличаются от кинжалов нижнего неолитического горизонта того же поселения Маяк II. Последние очень своеобразны, крупного размера, сделаны из рогов оленя. Несмотря на значительное количество костяных охотничьих орудий, известных по памятникам лесной и лесостепной зоны, они не находят себе подобных. Их значительная величина, массивность и форма указывают на применение скорее всего при охоте на морского зверя.

Интересная деталь — наличие большого количества лопаток нерпы с округлым отверстием, пробитым, вероятно, копьём. На силу удара указывает одна из плечевых костей, пронзенная по диагонали. И хотя отсутствуют прямые доказательства использования особой категории предметов, но, как нам кажется, они могли быть применены в процессе охоты на морского зверя. Это крупные, сильно окатанные морем гальки, удлинённо-овальной формы, чрезвычайно часто встречающиеся на поселениях эпохи раннего металла и отсутствующие в неолитических горизонтах. Несомненно, такие предметы были необходимы жителям прибрежных селений. Не исключено, что они выполняли роль дубинок при битье зверя на лежбищах.

Обработка шкур состояла из следующих процессов: разделка мяса, очистка от мездры и шерсти и раскройка кож. Все это производилось, вероятно, кварцевыми скребками, костяными ножами и стругами, а также с помощью своеобразных шлифованных сланцевых и шиферных угловых ножей.

Судя по соотношению костных останков (лишь 3% принадлежит сухопутным), основными объектами охоты являлись: гренландский тюлень (преимущественно), морж, нерпа, морской заяц. Очевидно, немалое значение имела охота на белого медведя, о чем свидетельствуют его кости, обнаруженные на поселениях, и скульптура, изготовленная из камня и рога. Присутствуют поделки из костей кита, в частности довольно крупные разделочные доски, однако на кита вряд ли существовала специальная охота, а использовались лишь те, которых выбрасывало море.

Можно предполагать, что основным способом добычи зверя было битье его на лежбище, и в частности в период выкармливания потомства, поскольку на поселениях вместе с костями взрослых особей лежат и кости детенышей.

Охота на гренландского тюленя была особенно продуктивной в силу его регулярной широкой миграции от района нагула (северная часть Баренцева моря) к местам размножения (Белое море) и обратно. Даже в современных условиях это так называемое беломорское стадо исчисляется в несколько миллионов голов. Очевидно, так же били и моржей, которые держатся стадами и обычно на побережье, в конце лета в одних и тех же местах образуя лежбища. Наконец, круглый год, и в особенности в промежутках между массовыми забоями тюленей и моржей, охотились на нерпу, которая обитает преимущественно в прибрежных водах.

Учитывая огромное число фаунистических останков морского зверя и большой вес этих животных (например, вес гренландского тюленя 100—160 кг, моржа — до 1000 кг, нерпы — 70 кг), можно сделать вывод об исключительно большом количестве добываемой человеком биомассы, при этом вполне обеспечивающей общество не только мясной пищей, но и шкурами для шитья одежды, обуви, покрытия жилищ и, вероятно, для строительства лодок, столь необходимых для обитателей безлесной арктической зоны.

Морской промысел являлся экономической основой, однако дополнялся охотой на сухопутного зверя, и в первую очередь на оленя и лося.

Важное значение имело и рыболовство, на которое указывает масса разнообразных костяных рыболовных крючков и гарпунов, остроги. На поселении Дроздовка найден предмет из мыльного камня с графическим рисунком, изображающим реку, плывущую по ней рыбу и расставленные сети (рис. 1). На ряде поселений зафиксированы грузила. Вполне вероятно, что орнамент в виде широкой полосы косой сетки, нанесенный в верхней части сосудов, следует осмыслять как изображение сетей. Наконец, в рацион древних обитателей Кольского п-ова в этот период входили и продукты собирательства. В культурном слое стоянок выявлены крупные скопления раковин моллюсков. Очевидно, использовались грибы и ягоды, которыми изобилует тундра. Этот вид пищи был особенно необходим при потреблении жирного мяса морских животных.

При изучении приемов морской охоты особого внимания заслуживают поворотные гарпуны (рис. 1) как свидетельство высокого уровня развития морского промысла. Отмечено несколько типов этих орудий. Они были рассчитаны на то, чтобы, попав в тело ластоногого, при натяжении веревки повернуться в нем, увеличивая рану, а также на то, чтобы уменьшить возможность его освобождения. Появление поворотных гарпунов на Кольском п-ове датируется значительно более ранним временем по сравнению с восточными регионами (Сибирью и Дальним Востоком) — не позже середины II тысячелетия до н. э., чему, видимо, способствовали связи с западными соседями.

Для выезда в бурное северное море и преследования крупного, сильного зверя требовались максимально надежные лодки, даже если охота велась в прибрежных водах. На беломорских петроглифах Карелии лодки имеют явно иной характер, нежели на Онежских наскальных рисунках, — массивные, широкие, очень близкие по очертаниям к современным «карбасам». Вероятно, жители тундры пользовались и кожаными лодками, но настолько прочными, что они могли устоять в погоне за зверем, стремящимся вырваться в открытое море.

Способ производства материальных благ, как известно, подчиняется закону соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. В нашем случае сущность производственных отношений определялась коллективным владением средств производства — лодками и сетями.

Сетевое рыболовство требовало участия в процессе лова большой группы людей, тем более это относится к морскому промыслу — трудному и опасному. Крупные гарпуны, и в особенности поворотные, указывают на активную охоту с выездом в открытое море. В такой охоте должен был участвовать целый коллектив, о чем убедительно рассказывают беломорские наскальные рисунки⁵. Наступление на ластоногого велось сразу с нескольких лодок, в каждой из которых находилось от 5 до 12 гребцов.

Особенно яркую сцену морской охоты иллюстрирует один беломорский рисунок (рис. 1). Гребцы большой лодки только что загарпунили крупноттисками гребенки, гладкого штампа (рис. 1, 3). Два небольших фрагмента (маут), соединяющую его с гарпунщиком, еще не понеслось бешено вперед, увлекая за собой лодку, как это случится через несколько секунд. Одна из лодок уже потерпела аварию, она показана опрокинутой, без гребцов.

В этом и других изображениях морской охоты иллюстрируется коллективный способ добычи зверя. Трудный и опасный промысел требовал слитности коллектива, слаженности действий его участников, подчинения команде и мгновенного ее исполнения. В противном случае людям грозила не просто неудача, а неминуемая гибель.

Успешная морская охота, дополняемая охотой на сухопутного зверя и рыболовством, а также собирательством, очевидно, вполне обеспечивали общество круглый год необходимым питанием и позволяли создать благоприятные бытовые условия. Исходя из мощности культурного слоя поселений эпохи раннего металла, его сильной гумусированности, обширной площади, занимаемой поселениями (до 4000 м²), обилию останков фауны и орудий труда, следов жилых наземных сооружений, следует говорить о длительном существовании прибрежных поселков, расположенных в тихих удобных бухтах, до сих пор служащих пристанищем для морского зверя. Об этом же говорит обилие и разнообразие бытовых вещей, многочисленная керамика. Судя по некоторым предметам, есть основание предполагать существование ручных нарт, а возможно, и использование ездовой собаки.

По-видимому, морской промысел, бывший достаточно производительным, способствовал образованию у людей некоторого свободного от добычания пищи времени. Именно в поселках древних зверобоев наблюдается яркий расцвет изобразительного искусства, появляются изделия из мыльного камня — орнаментированные напершия и скульптура. Открыто большое количество совершенных зооморфных и антропоморфных круглых костяных скульптур, рисунков на кости, и в особенности богатой, порой очень сложной графики, в изобилии украшавшей бытовые предметы. Сознание неразрывной связи с морскими животными и их роль в жизни людей нашли свое отражение в идеологических представлениях — верованиях и искусстве древних обитателей побережья Ледовитого океана. На поселении Маяк в углублении скальной поверхности обнаружено захоронение позвонков нерпы, засыпанное сверху красной охрой. На поселении Маяк II найдена костяная скульптура нерпы и здесь же, а также на ряде других поселений — скульптура белого медведя.

Единственно доступной формой производящего хозяйства в рассматриваемом регионе могло быть только скотоводство в его северном варианте — оленеводство, вопрос о времени и месте появления которого вызывает острую дискуссию⁶. Особо ставится вопрос о происхождении лопарского (саамского) оленеводства. Существует точка зрения о его самостоятельном происхождении, а не заимствовании от сибирского. В отличие от ряда исследователей В. Г. Тан-Богораз, считал, что оленеводство представляет собой раннюю стадию скотоводства — мясную и шкурную. На более высокой стадии развития использовались в основном молоко и шерсть. По его мнению, начальная эпоха приручения домашних животных вообще исчисляется тысячелетиями⁷.

Однако определить точное время появления оленеводства, в частности саамского, трудно в связи с отсутствием у животного четких диагностических признаков, в особенности в начальной стадии приручения. Образ жизни домашнего оленя мало чем отличается от дикого. Даже в историческое время олени отпускались саамами на полную свободу в течение нескольких летних месяцев, пока их владельцы перекочевывали к озерам и морю для рыбного промысла. За это время олени дичали, часто смешивались с дикими и даже меняли окраску — пятнистую на сплошную серую с дымчатым оттенком. В этой связи привлекает внимание костяной предмет с поселения Маяк II, содержащий необычный рисунок — олени, помещенные в загородках с двумя выходами (рис. 1). В центральной изгороди фигуры особенно четкие, в боковых — слегка фрагментированы. В такой же манере исполнен олень на сосуде из Маяка II и наскальные изображения Чалмы-Варрд (поздний этап). Фигуру животного, помещенного в загородки, вряд ли можно трактовать как сцену охоты на дикого оленя, поскольку строительство загородок в зоне тундры было невозможно.

Скорее всего эти животные помещены в заграждения преднамеренно.

Можно допустить, что данное изображение донесло до нас первоначальную попытку приручить оленя. Это могло быть началом самобытного достижения заполярных жителей, которому суждено было большое будущее.

Итак, в результате изучения археологического материала можно заключить, что зарождение морского промысла на Кольском п-ове по сравнению с другими районами фиксируется довольно рано. Об этом свидетельствует наличие крупных поворотных гарпунов, указывающих на активный способ охоты на плаву, неизбежно вызывающий прогрессивное общественное развитие на основе так называемого присваивающего хозяйства. Огромное число костных останков красноречиво говорит о продуктивности охоты. На Кольском п-ове — одном из обширных регионов Заполярья — на протяжении всего изучаемого времени не было объективной возможности и острой исторической необходимости перехода к производящему хозяйству. Вместе с тем допустимо предположить, что к эпохе раннего металла отнесится начало приручения оленей.

В целом суровая, но очень богатая природа щедро вознаграждала человека за труд. Комплексное хозяйство с развитой охотой на сухопутного и морского зверя, дополняемые развитым собирательством, обеспечивали обществу нормальное развитие, что нашло отражение в самобытной материальной и духовной культуре северных племен. Очень показательным в этом плане является отсутствие ощутимого хронологического разрыва между неолитическими и раннеметаллическими культурами Заполярья и более южными лесными культурами вплоть до лесостепи, о чем информируют радиоуглеродные датировки.

¹ Дергачев Н. Русская Лапландия: Статистический, географический и этнографический очерк. Архангельск, 1877. С. 46, 47.

² Там же. С. 38.

³ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 7—16.

⁴ Гурина Н. Н. Морской промысел в хозяйстве древних племен Кольского полуострова // Тез. докл. XI конгр. ИНКВА. М., 1982. Т. 3. С. 117—118.

⁵ Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 1. Петроглифы. Л., 1970. 442 с.

⁶ Вайнштейн С. В. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. 2. (Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) // СЭ. 1971. № 5. С. 37—52; Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождения // СЭ. 1951. № 1. С. 63—87.

⁷ Тан-Богораз В. Г. Оленеводство: Возникновение, развитие, перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933. Вып. 1. С. 225.

Л. Г. ШАЯХМЕТОВА

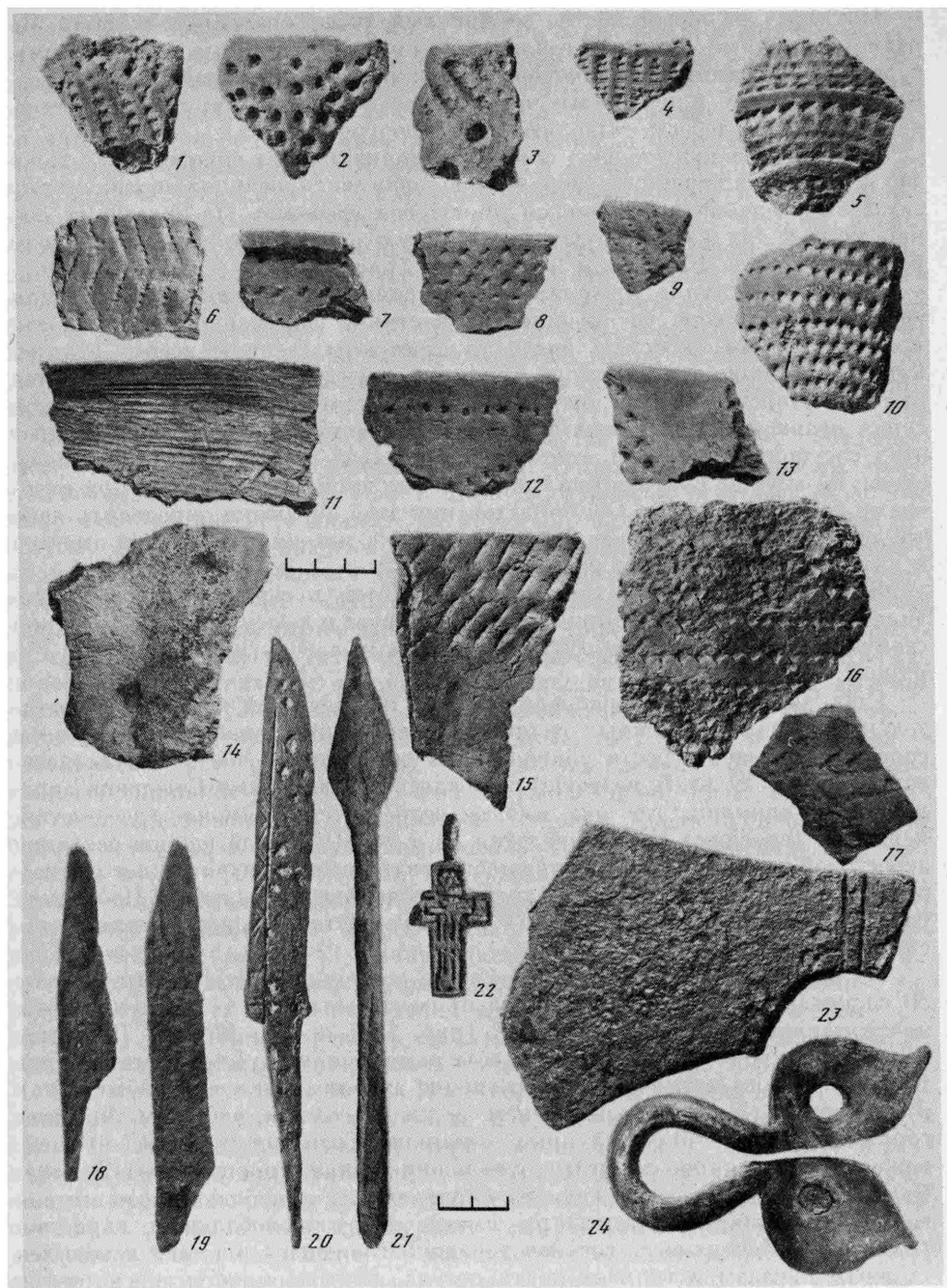
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕМ НАСЕЛЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1985—1986 гг. в результате археологического исследования центральной части Кольского п-ова отрядами ЛОИА АН СССР получены новые данные о древнем населении этого района. Значительный интерес представляют раскопки поселения Северная Салма (начальник отряда Л. Г. Шаяхметова). Оно расположено на северном побережье оз. Ловозера примерно в 10 км северо-восточнее пос. Ловозера. Впервые культурный слой там

был обнаружен в 1972 г. экспедицией ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР (шурф П. Э. Пессонен). В 1979 г., на этом месте проводила разведочные работы Кольская археологическая экспедиция под руководством Н. Н. Гуриной, подтвердившая наличие мощного (до 0,6 м) гумусированного слоя. Нашими раскопками установлено, что Северная Салма принадлежит к широко распространенному на Кольском п-ове типу древних поселений со смешанным культурным слоем и остатками нескольких разновременных комплексов, не расчлененных стерильными прослойками. Выделение разновременного материала в таких случаях может быть произведено с привлечением данных планиграфии при условии раскопок максимально широкими площадями. На настоящем этапе исследования памятника мы располагаем лишь ограниченными данными (размер раскопа 160 м²). Разделение комплексов керамики, относящихся к эпохе неолита и раннего металла, произведено типологически. Каменный инвентарь хронологической дифференциации поддается с трудом.

Наиболее ранний этап жизни на поселении Северная Салма представлен мелкими фрагментами керамики (не менее чем от 18 сосудов) с гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 1, 1—5, 10, 16). По цвету, обжигу, орнаментации сосуды разнообразны. Цвет их серый и коричневый, обжиг слабый и средний. Примеси: дресва, крупные зерна кварца, песок, редко шамот. О форме судить трудно, так как имеются лишь мелкие фрагменты стенок и венчиков. Встречен небольшой фрагмент плоского дна, орнаментированный рядами глубоких ямок и оттисками штампа, напоминающего гребенчатый¹. Сосуды, как правило, довольно крупные (диаметр горла 20—30 см), не профилированные. Венчики прямые, скошенные внутрь, редко скругленные, в нескольких случаях орнаментированы по срезу. Два экземпляра венчиков от маленьких сосудов (диаметр горла 6—8 см) полузакрытой формы. Толщина стенок 0,7—0,8 см, поверхность хорошо залощена, иногда окрашена охрой. Элементами орнамента являются отпечатки различного гребенчатого штампа: широкие 3—5-зубые, длинные узкие 5—7-зубые, короткие овальные («челночки»). Разнообразие оттисков достигалось за счет различной постановки штампа: перпендикулярной, наклонной или под углом к орнаментируемой поверхности. Глубокие округлые ямки имеют подчиненное значение и сочетаются с оттисками гребенки, гладкого штампа (рис. 1, 3). Два небольших фрагмента венчиков украшены только ямками (рис. 1, 2). Орнаментальные мотивы не сложны: ряды вертикальных, наклонных, горизонтальных оттисков гребенки или их сочетание (рис. 1, 1, 3, 5). Фрагменты 2 сосудов орнаментированы вертикальным зигзагом из оттисков 6-зубой гребенки (рис. 1, 1). Часть фрагментов украшена рядами различных вдавлений, нанесенных в отступающей манере (рис. 1, 10, 16). Особый интерес представляют фрагменты сосудов с рядами оттисков гребенчатого или гладкого штампа, нанесенных в особой «качающейся» манере². Аналогии рассмотренной группе керамики имеются в материалах поселения Цага I, Чаваньга I³, Нерпичья Губа⁴, но она имеет, как нам кажется, более поздний облик. При некотором сходстве с керамическими комплексами памятников юга и центра Кольского п-ова (ловозерская группа стоянок⁵, стоянки Терского берега⁶) описанная керамика имеет гораздо большее сходство с материалами северо-восточного побережья полуострова и Северной Норвегии⁷. В целом керамика этой группы органично включается в круг неолитических комплексов Кольского п-ова, отражающих своеобразие неолитической культуры региона.

Вторая группа керамики, резко отличающаяся от вышеописанной, представлена значительной серией фрагментов с примесью в тесте различного количества и размера волокон асбеста (рис. 1, 6, 11, 14).

Рис. 1. Инвентарь поселения Северная Салма

1—5, 10, 16 — неолитическая гребенчато-ямочная керамика; 6, 11, 14 — асбестовая керамика эпохи раннего металла; 7—9, 12—13, 15 — керамика эпохи раннего металла с примесью згирина; 18—21 — ножи; 22 — крестик; 23 — топор; 24 — ручка котла

Цвет сосудов серый, светло-коричневый, редко красновато-желтый. По размеру крупные (диаметр горла до 30 см), тонкостенные (0,4—0,6 см), судя по профилировке фрагментов — плоскодонные, баночной формы. Венчики прямые, скругленные, иногда слегка отогнуты наружу. В керамике с примесью асбеста выделяются две подгруппы.

Первая (незначительная) состоит из тонкостенных фрагментов с хорошо залощенной внешней поверхностью, орнаментированной вертикальным зигзагом («елкой») из оттисков тонкозубой гребенки. По орнаменту она напоминает так называемую классическую асбестовую керамику эпохи раннего металла Карелии и Финляндии (рис. 1, 6).

Вторая подгруппа представлена фрагментами сосудов с тонкой или грубой штриховкой по внешней и частично внутренней поверхности (рис. 1, 11, 14). Сосуды более толстостенны, венчик всегда отогнут наружу. В тонкоштрихованной керамике наряду с асбестом встречается примесь шерсти. Тонкая штриховка наблюдается и на незначительной серии неорнаментированных фрагментов с растительной примесью. Цвет этих сосудов коричневый, толщина стенок 0,4—0,6 см, венчики (2 экз.) отогнуты внутрь, срез прямой, украшен наклонными насечками или оттисками тонкой гребенки. Время бытования этой керамики определить пока трудно. Керамика с растительной примесью и тонкой штриховкой имеется в материалах стоянок на р. Вороньей⁸.

В Карелии пористая керамика появляется в середине II тысячелетия до н. э. Растительная примесь присутствует и в сосудах неолитической стоянки Ловозеро I (по Ю. В. Титову), и на мысе Семерка I (по Н. Н. Гуриной).

Различия между позднеолитической и асбестовой керамикой значительны — применение иных отошителей, изменение орнаментации, формы сосудов. Примесь асбеста появляется в центральной части полуострова, вероятно, в результате возросших контактов с племенами Северной Карелии и Финляндии, где она иногда встречается в ямочно-гребенчатой керамике (середина III тысячелетия до н. э.). Основной период развития асбестовой керамики связывается исследователями с эпохой раннего металла (II тысячелетие до н. э.), хотя встречается и позднее⁹. Последняя распространена также в северных и северо-восточных поселениях Кольского п-ова.

На поселении Северная Салма самую многочисленную группу (около 30 сосудов) составляет керамика с примесью эгирина — темно-зеленого, почти черного слоистого минерала (рис. 1, 7—9, 12, 13, 15). Подобная керамика широко представлена на всех памятниках эпохи раннего металла Кольского п-ова. Отмечается применение эгирина как в чистом виде, так и с шерстью (?), мыльным камнем, редко со слюдой, асбестом. Диаметр горла сосудов 28—40 см, крупных — меньше. Толщина стенок 0,7—0,8 см, реже 0,4—1. Днища округлые, утолщенные или уплощенные (2 экз.). Венчики прямые в ряде случаев скругленные, с небольшим наплывом внутри. Единичные экземпляры имеют снаружи небольшой карнизик (рис. 1, 7). Поверхность сосудов хорошо заглажена. Орнамент наносился главным образом в верхней части сосуда. Мотивы просты: косая сетка из прочерченных линий, 4—5 рядов косых насечек, различных ямчатых вдавлений (рис. 1, 12, 13, 15), наклонные ряды оттисков пунктирной гребенки (рис. 1, 8—9), часть фрагментов неорнаментирована. Аналогичная керамика встречена во всех районах Кольского п-ова, и в частности на поселении Мыс Семерка II, расположенном в 10 км юго-западнее Северной Салмы¹⁰. Рассмотренные группы керамики (асбестовая, пористая, с примесью эгирина), как нам кажется, связаны с одним периодом существования поселения. Об этом свидетельствуют совпадения

границ распространения (хотя это может быть связано с ограниченностью раскопанной площади), наличие фрагментов «гибридных» сосудов с использованием самых разнообразных примесей. В пользу сосуществования этой керамики, на наш взгляд, говорит и применение вместо асбеста слоистого камня, а также наличие в коллекции 2 неорнаментированных фрагментов крупного толстостенного (0,9 см) сосуда с прямым краем. Он содержит примесь асбеста и шерсти (?). Необычен фрагмент профилированной стенки сосуда черного цвета толщиной 0,7 см. Тесто его очень плотное с примесью волокон асбеста и незначительной добавкой слюды, внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Орнамент — горизонтальная линия из почти смыкающихся оттисков мелкозубчатой гребенки, выше, под углом к которой нанесены короткие оттиски гребенки, а ниже линии — горизонтальный зигзаг из тех же оттисков (рис. 1, 17). Определить место этого фрагмента среди описанных выше затруднительно.

Каменный инвентарь поселения не поддается достоверному расчленению, за исключением отдельных орудий. Есть несколько экземпляров наконечников стрел беломорского типа с пильчатой ретушью и копии этого типа из местного сланца, датируемых эпохой раннего металла¹¹. К этому же времени относится сланцевый наконечник с вогнутым основанием. В целом преобладают орудия из кварца и сланца, кремневые — единичны. Кварцевые орудия представлены скребками (до 50%) долотовидных форм, отщепами с ретушью. Скребки на отщепе — правильной формы, часто встречаются двойные; изготовленные из других пород (кремень, сланец, кварцит) — небольших размеров, концевые на отщепе — с округлым лезвием. Кроме перечисленных наконечников стрел встречено еще несколько типов: листовидные, треугольно- и листовидно-черешковые, часто шлифованные; в отдельных случаях обломки шлифованных, удлинненно-уплощенных форм. Угловые ножи, кроме одного, полностью зашлифованного, — в основном заготовки. Среди рубящих орудий большинство тесла прямоугольные, овальные или трапециевидные с частичной пришлифовкой лезвия. Интересен обломок желобчатого тесла. Значительна серия заготовок рубящих орудий, на многих — следы предварительного распиливания. Мелкие тесла и стамески более характерны для неолитического времени¹². Велико число обломков абразивных орудий, среди которых выделяется группа из сланца и песчаника, имеющая на рабочей плоскости следы от заточки узких предметов (возможно, металлических). Знакомство древнего населения Северной Салмы с производством металла подтверждает обломок глиняного тигелька.

О развитии культуры саамов Кольского п-ова в средние века имеются лишь самые скудные общие данные и единичные находки¹³. Поэтому большой интерес представляет серия металлических предметов этого периода, впервые полученная при раскопках поселения. Встречены ружейные кремни и кремни для кресал. Основная часть находок этой группы связана с самым верхом культурного слоя, и лишь единичные изделия найдены в нижнем горизонте. Металлические изделия неоднородны, выделяются примерно три разновременные группы*. 1. Железные ножи архаичной формы (6 экз.) с опущенным лезвием, плоские и довольно широкие, имеют прямую или горбатую спинку, без верхнего уступа между черешком и лезвием. Качество металла и форма изделий позволяют предположить их местное производство и отнести к достаточно раннему периоду.

* Выражаю благодарность за помощь в определении этой группы находок сотрудникам отдела славяно-финской археологии ЛОИА О. В. Овсянникову, В. А. Назаренко, В. И. Кильдюшевскому.

ду (возможно, I тысячелетие до н. э.)¹⁴. 2. Узкие железные ножи (3 экз.) с уступом имеют клинок треугольного сечения. От ножей 1-й группы отличаются формой, качеством металла и наличием прочерченного орнамента, что свидетельствует о городском ремесленном производстве. Боевой топор с прочерченным орнаментом (рис. 1, 23) по форме близок топорам из Новгорода XIII—XIV вв.¹⁵ На Кольском п-ове оружие аналогичной формы найдено в грунтовом могильнике (XII—XIII вв.) на левом берегу р. Варзуга¹⁶. Сверло для работы по дереву (рис. 1, 21) более позднего времени, не ранее XIV в. Следует упомянуть о наличии подобных орнаментированных ножей и топоров в материалах саамского поселения Юйкенття (Финляндия), существовавшего в 500 г. до н. э.—100 г. н. э. с последующим перерывом в 1000 лет и в XII—XVII вв. Х. Карпелан связывает их с деятельностью пиркаласцких торговцев (из Сатакунта)¹⁷. 3. Предметы XVII—XIX вв. — топор, крестик, ручка медного котла и др. (рис. 1, 22, 24) — свидетельство обитания Северной Салмы в позднее время.

Итак, о наиболее раннем этапе заселения Северной Салмы свидетельствует позднеолитическая гребенчато-ямочная керамика. Во II тысячелетии до н. э. здесь возникает второе более обширное поселение с разнотипной керамикой, связанной с основной частью каменного инвентаря. Вероятно, оно существовало и в эпоху раннего железа, хотя в материалах поселения прямых доказательств этого нет. Для Северной Салмы радиоуглеродным методом получена дата 2040 ± 40 (JE—2858) лет назад. Особый интерес представляет комплекс малоизученной на Кольском п-ове эпохи средневековья, впервые полученный при раскопках поселения. Эти материалы говорят о тесной связи жившего здесь населения с обитателями более южных районов (Приладожье, Новгород) и в то же время дают некоторое представление о средневековой культуре саамов.

¹ Гурина Н. Н. О некоторых общих элементах культуры древних племен Кольского полуострова и их соседей // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 83—91.

² Там же.

³ Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 80—86.

⁴ Шаяхметова Л. Г. Раннеолитическое поселение Нерпичья Губа I // Палеолит и неолит. С. 117—127.

⁵ Анпилогов А. В. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова // СА. 1981. № 1. С. 266—174.

⁶ Гурина Н. Н. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 80—88.

⁷ Simonsen P. Varanger-Funnene. Tromsø, 1961. 327 s. (Tromsø Mus. skr.; Н. 2).

⁸ Анпилогов А. В. Классификация керамики...

⁹ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. 1953. № 39. С. 347—408.

¹⁰ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 7—16.

¹¹ Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрии мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 18 с.

¹² Там же.

¹³ Гурина Н. Н. Время врезанное в камень. Мурманск, 1982. 119 с.

¹⁴ Карпелан Х. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. М., 1979. С. 143—152.

¹⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Продукция, технология) // МИА. 1959. № 65. С. 7—120.

¹⁶ Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии северо-запада СССР. Л., 1985. С. 84—88.

¹⁷ Carpelan Ch., Huure M., Katva K. Sompio Kuvataulujen selostukset Kuvataulut // Kemijoki 8000: Näyttelyopas. Helsinki, 1974. S. 57—63.

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Одним из крупных регионов, насыщенных наскальными рисунками, является Фенноскандия. Традиция нанесения изображений на каменную поверхность прослеживается здесь по крайней мере с V тысячелетия до н. э.¹ По стилистическим и тематическим особенностям выделяются две обширные зоны, обычно относимые к сферам охотничьего и земледельческого искусства. Большинство специалистов придерживаются гипотезы о разных центрах зарождения этих традиций, а также предшествующем появлении первого типа памятников². Для Крайнего Севера более характерны петроглифы охотничьей тематики. Намечается несколько очагов, локализующихся в Северной и Западной Норвегии, Центральной Швеции, Южной Финляндии, Карелии и Кольском п-ове (рис. 1).

На территории Швеции наскальные рисунки известны с конца XVII в.³ В настоящее время зафиксировано около 20 местонахождений (петроглифы и писаницы, иногда совместно). Самым крупным (не менее 2 тыс. изображений) является Немфорсен. Преобладают стилизованные изображения лосей, лодок. Антропоморфные фигуры схематичны и стереотипны: изображения в фас, выбивка по всей площади силуэта, прямые расставленные ноги, руки опущены вниз или подняты вверх. Во многих случаях присутствуют образы, характерные для земледельческой тематики, — повозки, батальные сцены, круги с крестами, спирали. Хронология шведских наскальных изображений еще недостаточно разработана, но верхняя граница вряд ли выходит за пределы I тысячелетия до н. э.

Довольно своеобразны писаницы Финляндии, известные по 48 местонахождениям, включающим около 400 изображений⁴. Самыми представительными являются образы лося и человека, иногда в композиционном единстве. Довольно много лодок и отпечатков рук. Есть антропоморфные изображения с проработанными чертами лица и круглыми головами, опущенными вниз руками и приподнятыми плечами. Некоторые композиции носят повествовательный характер. Встречаются изображения лосей с «линией жизни», рыбы, птицы, геометрические узоры. Время этой традиции определяется от конца V тысячелетия до н. э. до рубежа н. э.⁵

Петроглифы Карелии, опубликованные А. М. Линевским, В. И. Равдоникасом, Ю. А. Савватеевым, А. А. Формозовым, известны у нас в стране и за рубежом⁶. Обилие рисунков, разнообразие сюжетов и нередко ярко выраженный повествовательный характер делают их ценнейшим источником по изучению сакральной и материальной жизни древнего населения. Обычно подчеркивается оригинальность этого очага наскального творчества, но есть основания видеть так же и определенное сходство с изображениями более западных районов, в первую очередь Швеции и Западной Норвегии. Наиболее ранние петроглифы датируются III тысячелетием до н. э., большинство же можно отнести к началу — середине II тысячелетия до н. э.

Особенно богаты наскальными изображениями, известными с середины XVIII в. (в основном петроглифы) Северная и Западная Норвегия (более 70)⁷. Чаще всего встречаются отдельные рисунки, или группы до 60 фигур. Сенсационным было открытие в 1973 г. огромного (около 3 тыс. фигур) центра наскального искусства в Альта-фьорде⁸. Эта группа местонахождений имеет огромное значение, так как разностильность, разновременность,

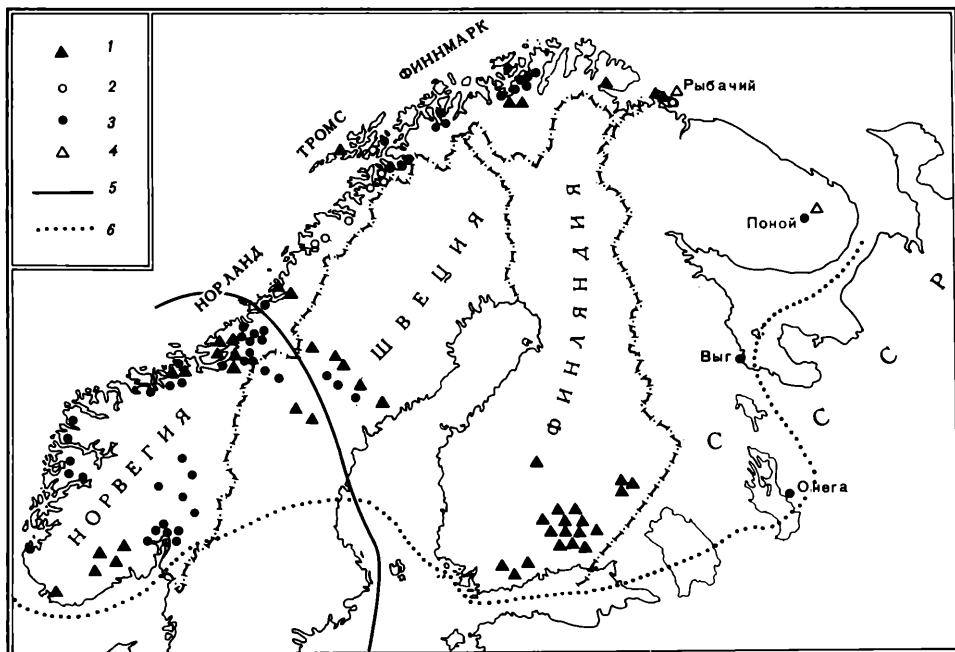

Рис. 1. Основные местонахождения наскальных изображений Фенноскандии (по данным Г. Хальстрема, П. Симонсена, Э. Бакка, П. Сарваса, Ю.-П. Таавитсайнена, Т. Миеттинена, с дополнениями В. Шумкина)

1 — рисунки красной охрой (писаницы), 2 — шлифованные изображения, 3 — выбитые изображения, 4 — гравированные изображения, 5 — северная граница сельскохозяйственного наскального искусства, 6 — южная граница охотничьей наскальной традиции

различная высота расположения (от 8 до 26 м), наличие рядом предположительно одновременных стоянок, делают наскальный комплекс Альта-фьорда ключом к хронологическому и стилистическому упорядочению всех североскандинавских рисунков. По предварительным данным⁹ выделяются 5 типов изображений: 1) шлифованные по контуру специальным орудием; 2) выбитые по контуру; 3) выдолбленные по контуру; 4) выбитые по площади всего силуэта; 5) писаницы. Чаще всего представлены лоси и олени, медведи, морские животные (тюлень, кит, дельфины), есть рыбы, птицы, хищники, змеи. Человеческие фигуры обычно выполнены в фас, нередки изображения лодок, лыж, много геометрических фигур: ромбы, прямоугольники, зигзаги. Встречаются изображения лосей с «линией жизни». Иногда присутствуют образы, заимствованные из земледельческого мира: колеса, круги. Датируются наскальные рисунки в пределах V — середины I тысячелетия до н. э.

В 1973 г. археологическим отрядом ЛОИА АН СССР в центральной части Кольского п-ова была обнаружена первая в этом районе группа петроглифов¹⁰. Рисунки (около 100) выбиты на 6 отдельных плоских камнях, расположенных на правом берегу р. Поной около д. Ивановки (саамское название места Чальм-Варрэ).

По техническим и стилистическим особенностям намечаются два разновременных пласта изображений. Первый (камень 1 и 2) характеризуется более реалистическим и простым отражением образа зверя, выполненного сплошной глубокой выбивкой. Это олени, имеющие одну пару ног. Пред-

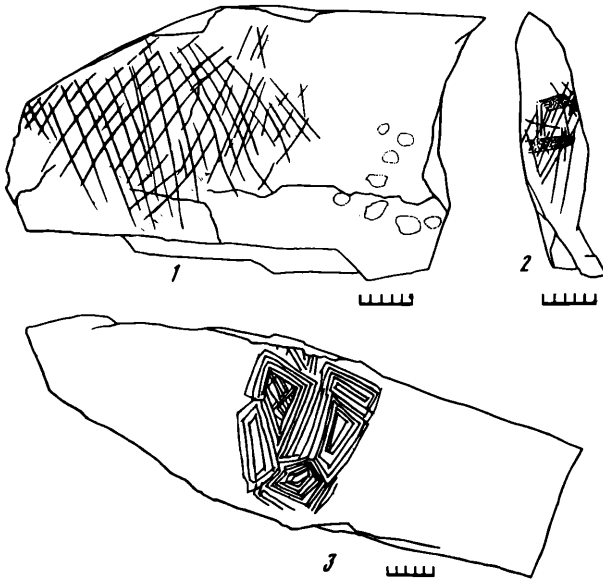
ставлены так же две человеческие фигуры, одна из которых имеет трехго-
лый головной убор. Налицо попытка показа примитивной композиционной
связи отдельных изображений (в частности, антропоморфных и звериных)
посредством соединения их сплошной выбитой линией. Некоторые анало-
гии с этими рисунками можно найти среди петроглифов Онежского озера
(Пери Нос) и на основании археологических и геоморфологических данных
относить их к завершающей стадии неолитической эпохи, датировать концом
III тысячелетия до н. э.

Поздние изображения (камни 3—6) представляют усложненные и за-
метно схематизированные образы. Наблюдаются определенные отличия,
выражающиеся в менее глубокой выбивке, «четвероногости» оленей и раз-
работанности приемов изображения людей. Некоторые из них, вероятно,
несут более значительную смысловую нагрузку. Многообразнее компози-
ционная связь отдельных фигур. В целом этот пласт, относящийся к эпохе
раннего металла (II тысячелетие до н. э.), более самобытен. Однако можно
отметить так же некоторые параллели с писаницами Финляндии и петро-
глифами Норвегии. Не исключено на этом этапе и определенное влияние
искусства земледельческих племен. Значение понойской группы петрогли-
фов определяется, помимо получения нового исторического источника,
включением Кольского п-ова в зону традиции охотничьего наскального
искусства.

В 1985 г. Североморским отрядом ЛОИА АН СССР на п-ове Рыбачий
была выявлена новая группа наскальных изображений¹¹. На правом берегу
р. Пяйве, в 1,5 км от места ее впадения в Баренцево море, на отвесных бло-
ках скального останца сохранились гравировки и рисунки, выполненные
красной охрой (рис. 2, 1—3), представляющие 25 сложных геометриче-
ских форм, а также 2 фигурки оленя. Большинство изображений распола-
гается на одном высотном уровне. Техническое и стилистическое едино-
образие рисованных фигур позволяет предположить их одновременность.
Гравированные изображения представляют собой подражание писаницам
и являются скорее всего более поздними. Учитывая, что они выполнены
(кроме одного — рис. 2, 1) металлическим орудием, их можно датиро-
вать не ранее конца I тысячелетия до н. э., возможно, саамским средне-
вековьем.

Рядом с писаницами на левом берегу р. Пяйве были выявлены 4 разве-
янных стоянки с кварцевым и кремневым инвентарем. Типологический
анализ материала позволяет датировать его средним этапом мезолита и от-
носить к культуре комса. В данном районе не обнаружено других следов
человеческой деятельности, поэтому нельзя исключить возможность, чтобы
обитателями именно этих мезолитических стоянок нанесли рисунки ох-
рой на соседних скалах. Высотные уровни расположения изображений
и поселений (26 м) не противоречат такому предположению. Определенные
анalogии рисункам пяйвинской группы можно отыскать в писани-
цах и петроглифах Северной и Западной Норвегии (Нуелв, Форселв
и др.).

В 1986 г. была установлена новая писаница на левом берегу р. Майки,
в 1,5 км к северо-западу от пяйвинской группы, в пещерном углублении
скальной гряды на высоте 31 м над уровнем моря. Изображение выполнено
красной охрой; представляет композицию из трех взаимосвязанных фигур:
двух антропоморфных и звериной (фантастической?). Подобные рисунки
встречены на скалах Финляндии (Тайпалсаари) и среди пещерных роспи-
сей Норвегии (Солсем, Граввик). На основании этих аналогий композицию
можно предположительно датировать II тысячелетием до н. э. Открытие
Пяйвинско-Майкинского очага наскального творчества усложняет пред-
ставление о развитии древнего населения заполярных территорий и наряду

Рис. 2. Техника исполнения наскальных изображений Пяйвинской группы

1 — сетчатый узор, выполненный предметом с округлым рабочим краем (галькой?); *2—3* — гравировки (на изображении *2* нанесена поверх остатков геометрического рисунка красной охрой). Контуры, окаймляющие изображения, точно соответствуют плоскости выступающих скальных блоков, на которых выполнены рисунки

с традиционными проблемами ставит целый ряд новых вопросов, решение которых требует значительных усилий.

При несомненном своеобразии каждого из центров наскального искусства Фенноскандии нельзя не заметить определенного сходства в технике исполнения, топографических условиях и тематике. Большинство исследователей полагают, что творческие импульсы охотничьей традиции распространялись с западного побережья Норвегии (Норланд-Тромсё)¹². Традиционно считается, что наиболее ранними изображениями являются крупные шлифованные анималистические фигуры. Дальнейшее развитие шло по линии нарастания схематизма, геометризации и стилизации. Такой путь вполне приемлем, но не следует забывать, что возможны и сосуществование и предшествование геометрических узоров натуралистическим рисунком.

Датирование наскальных изображений — задача чрезвычайно трудная. Неоднократно предпринимавшиеся попытки увязать их с геоморфологическими данными¹³ выполнялись очень непоследовательно и никогда не были доведены до конца даже для отдельного, достаточно обширного региона. Известные исследователи арктической археологии Г. Джессинг и Г. Хальстром были склонны датировать появление самых ранних рисунков в Фенноскандии не позднее VI тысячелетия до н. э., выявляя в них традиции искусства культуры маглемозе (например, Истад, Южная Швеция) и даже протягивали цепочку аналогий в западноевропейскую пещерную живопись мадленской эпохи¹⁴. В последнее время ученые оставили эту гипотезу, как малодостоверную, но не исключено, что в ней все же было заложено определенное рациональное зерно, особенно учитывая факт «родственности» древнейших обитателей Северной Фенноскандии с населением круга памятников аренсбургской традиции¹⁵. Исключительно интересным является мнение этих же исследователей, поддержанное в последнее время Ю. А. Савватеевым, о возможной более значительной древности геометрических рисунков Норвегии и Финляндии¹⁶.

Начиная со II тысячелетия до н. э., во многих территориальных группах ощущается влияние образов земледельческого мира¹⁷. Оно достигает Северной Норвегии, Швеции, Финляндии, Карелии и центра Кольского п-ова.

Несомненно, эти заимствования имели и обратную связь: на южных панно одновременно появляются рисунки охотничьей тематики и стилистики. Важно отметить, что на наскальных рисунках древнейшего пласта охотничьей традиции земледельческая символика отсутствует полностью. Это можно с полным правом отнести к пайвинской группе, наиболее ранним изображениям Западной Норвегии и Карелии.

Чрезвычайно важным является вопрос о восточных связях наскального искусства Фенноскандии. Хорошо известны гипотезы А. П. Окладникова и В. Н. Чернецова, которые, по разному расставляя акценты, говорили об истоках традиции нанесения рисунков на скальные поверхности, идущей из Сибири и Урала. Не соглашаясь в целом с идеей восточной первотрадиции, отвергнутой практически всеми современными исследователями, хочу подчеркнуть, что рисунки животных с «линией жизни» и некоторые другие элементы, характерные для сибирско-уральского круга наскальных изображений, появляются на значительной территории Скандинавии (кроме Карелии и центра Кольского п-ова) на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Одновременно здесь же наблюдаются и определенные черты в материальной культуре, которые можно объяснить проникновением каких-то групп восточного происхождения¹⁸. Сказанное ни в какой мере не означает попытку возвращения к циркумполярной теории, но создается впечатление, что, опровергнув и сдав в архив науки гипотезу, одновременно отбросили и те ценные наблюдения, которые были в ней заключены.

Для многих районов Фенноскандии исчезновение наскального искусства датируется не позднее конца I тысячелетия до н. э. Это касается Западной Норвегии, Швеции, Финляндии и Карелии. Однако по последним данным, эта традиция сохранялась саамами Северной Норвегии и Кольского п-ова вплоть до недавнего времени¹⁹. Если раньше существовал временной разрыв почти в полторы тысячи лет, то сейчас он все более решительно заполняется в связи с находками новых рисунков, датированных рубежом нашей эры и вплоть до XVI—XVII вв. (находки в Северной Норвегии П. Симонсена и, возможно, «саамский» камень в Ивановке). Без сомнения, со временем количество подобных местонахождений увеличится.

Одним из важных вопросов наскального образительного творчества является определение назначения изображений. Опасаясь спекулятивных построений по этой сложнейшей проблеме, замечу лишь, что все они, включая геометрические фигуры, носили не декоративный характер, а выполняли магическую функцию в древнем обществе.

Недавние открытия замечательных панно в Норвегии, Финляндии и на Кольском п-ове вселяют надежду на обнаружение новых местонахождений. Наиболее перспективными, исходя из топографии и распространения уже известных групп, на нашей территории являются северо-западные районы Ленинградской обл., Карелии и Кольского п-ова. Активизация работ в данном направлении может предоставить новые возможности изучения важной, но трудноуловимой сферы жизнедеятельности древних обществ.

¹ *Helskog K.* Boat and meaning: A study of change and continuity in Alta Fjord, Arctic Norway, from 4200 to 500 years B. C. // *J. Anthropol. Archaeol.* 1985. V. 4. P. 177—205.

² *Malmer M.* Archaeological study of North European rock art. Stockholm, 1981. 143 p.

³ *Hallström G.* Monumental art of Northern Europe from the stone age. Stockholm, 1960. 400 p.

⁴ *Miettinen T.* Pictures of Finnish rocks. Helsinki, 1982. P. 14—15.

⁵ *Saarnisto M.* Geologia der Fundstätt Astuvansalmi // *SM.* 1969. Bd. 76. S. 34.

⁶ *Саварева Ю. А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983. 212 с.

⁷ *Hallström G.* Monumental art of Northern Europe from the stone age. Stockholm, 1938. 544 p.; *Simonsen P.* The rock art of Arctic Norway // *Boll. Centro Comino study prehist. Brescia*, 1974. V. 2. P. 129—150.

⁸ *Simonsen P.* New elements for evaluating the origin and end of Northern Scandinavian rock art // *J. S. K.* 1978. V. 29. P. 31—36.

- ⁹ *Simonsen P.* The rock art ... P. 129—150.
- ¹⁰ *Гурина Н. Н., Шумкин В. Я.* Кольская экспедиция // АО 1973 г. М., 1974. С. 9—10; *Гурина Н. Н.* Наскальные рисунки Кольского полуострова // Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 117—135.
- ¹¹ *Шумкин В. Я.* Новые наскальные изображения Северной Европы // Задачи советской археологии. М., 1987. С. 292—293.
- ¹² *Simonsen P.* Arktiske Helligstninger i nord-norge // J. S. K. 1958. V. 49. P. 83; *Idem.* New elements ... P. 31—36; *Idem.* The rock art ... P. 129—150; *Helskog K.* Boat and meaning. P. 177—205.
- ¹³ *Bakka E.* Geologically dated rock carvings at Hammer near Steinkjer in Nord Trondelag. Bergen, 1975. 41 p.; *Idem.* On the chronology of the hunters carvings // Viking. 1973. V. 37. P. 184—185; *Idem.* On shoreline dating of arctic rock carvings in Vingen, Western Norway // NAR. 1979. V. 12, № 2. P. 115—122; *Welinder S.* On the chronology of the hunters carvings // Ibid. 1976. V. 9, № 2. P. 135—137.
- ¹⁴ *Hallström G.* Monumental art ...; *Gjessing G.* Rock pictures in northern Fenno-Scandinavia and their eastern affinities // I. S. K. 1978. V. 29. P. 14—30.
- ¹⁵ *Freundt E. A.* Komsa-Fosna-Sandarna // Acta archaeol. 1948. V. 19. P. 8—44; *Шумкин В. Я.* Ключевые вопросы каменного века Кольского полуострова // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 165—168; *Idem.* Die Steinzeit auf der Kola-halbinsel und das Problem der Saamen // Congr. sextus intern. fenno-ugristarum. Syktyvkar, 1985. P. 162; *Шумкин В. Я.* Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2. С. 15—33.
- ¹⁶ *Савватеев Ю. А.* Наскальные изображения Фенноскандии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. 36 с.
- ¹⁷ *Fett N., Fett P.* Relations W. Norway — W. Europe documented in petroglyphs // NAR. 1979. V. 12, № 2. P. 65—92; *Malmer M.* Archaeological study...
- ¹⁸ *Gjessing G.* Rock pictures ... P. 14—30; *Шумкин В. Я.* К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // КСИА. 1988. Вып. 193.
- ¹⁹ *Simonsen P.* New elements... P. 31—36; *Idem.* The rock art... P. 129—150.

А. А. КУРАТОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ

АРХЕОЛОГИЯ ОСТРОВА МОРЖОВЕЦ И ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙШЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВОВ БЕЛОГО МОРЯ

В 1983 г. экспедиция ЛОИА АН СССР впервые провела на о-ве Моржовец рекогносцировочные работы¹. Моржовец — холмистый остров (10—13 м над зеркалом моря) с множеством озер и тремя реками, расположен в горле Белого моря. Осмотрен весь периметр берега на протяжении 45 км; внутренняя территория обследована частично. Именно в прибрежной полосе обнаружены 19 первобытных местонахождений и остатки 19 поздних деревянных обетных крестов поморов. Памятники располагались неравномерно, преимущественно на южном и юго-западном побережье острова, обращенных к матерiku. Культурный слой стоянок разрушен, все находки собраны с поверхности развееванного ветром песка и мелкого галечника, в южной части острова — с торфяной поверхности. Местонахождения группировались следующим образом: пункты 1—2 — на Каменном мысе (23 предмета: кремневые отщепы, пластины, проколки, ретушер); пункты 3—6 — около оз. Рыбного (66 предметов: кремневая ножевидная пластина, нож, нуклеус и пр.); пункты 7—16 — около оз. Малое Чаичье, в устье р. Золотуха (142 предмета: кремневые наконечники стрел, боковые и концевые скребки, ножевидные пластины с ретушью, ножи, нуклеусы и пр.); пункты 17—18 — на Северном мысе (27 предметов: кремневый наконечник стрелы с пильчатой ретушью, листовидный наконечник, скребок, нуклеусы и пр.); пункт 19 — в устье р. Литовки, на правом берегу (18 пред-

метов: кремневые наконечники стрел, скребки, микроскребок, сработанный нуклеус и пр.). Характер кремневого инвентаря свидетельствует о том, что здесь была своя индустрия камня. Найдены пластинчатые одноплощадные нуклеусы, краевые сколы с нуклеусов, многочисленные отщепы и кремневые чешуйки. Сырьем служил карбоновый кремль, возможно, местного происхождения. Его обработка велась традиционными способами и проходила все стадии первичной и вторичной обработки. Из 276 предметов на долю кремневых орудий пришлось 43 изделия (коллекция хранится в Архангельском областном краеведческом музее, инв. номер 2735 КП). Среди кремневых изделий особый интерес представляют листовидные наконечники стрел и их фрагменты (рис. 1, 2, 3, 5, 6). Один наконечник относится к типу беломорских, с вогнутой базой и характерной пильчатой ретушью (рис. 1, 1). Аналогии таким наконечникам встречаются во многих памятниках беломорской культуры, имеются они и в инвентаре стоянок Зимнего берега, например в Нижней Золотице. Кремневые ножи на пластинчатых отщепках представлены однолезвийными и двулезвийными образцами (рис. 1, 7, 16). Группа кремневых концевых и боковых скребков делится на пластинчатые (рис. 1, 9—13) и из отщепов (рис. 1, 17—20, 22); выделяется массивное скребковидное орудие с желвчатой коркой на спинке и тщательной обработкой рабочего края (рис. 1, 8). Разнообразные по форме и следам обработки скребки имеют многочисленные и устойчивые аналогии в инвентаре стоянок Зимнего берега², а также в памятниках всего беломорского ареала. В коллекции имеются кремневые проколки, заостренные с одной стороны ретушью (рис. 1, 15). Уникальной находкой является небольшой пластинчатый отщеп с закругленным боковым краем, тонко обработанным ретушью; верхний край орудия оформлен в виде зубца (рис. 1, 14). Обращает на себя внимание фрагмент широкой пластины с крупными зубцами на одном из боковых краев (рис. 1, 21). В целом имеющийся в нашем распоряжении кремневый инвентарь из местонахождений на о-ве Моржовец свидетельствует об относительно раннем, в пределах II—I тысячелетий до н. э., проникновении сюда человека и скорее всего речь идет о сезонном промысловом освоении данного микрорайона. Такой выход древних охотников и промысловиков к берегу моря прослеживается на целой серии памятников арктического побережья от Кольского п-ова до п-ова Канин и далее до Югорского Шара³. Изучение соловецких древностей позволило связать в этнокультурном отношении Архангельское Беломорье (южный берег моря), с одной стороны, и территорию Карелии и Кольского п-ова, с другой, причем древние миграционные потоки были направлены, вероятно, с юго-востока на северо-запад⁴. Тогда же происходила сезонная миграция с Зимнего берега на о-ве Моржовец. Об этом свидетельствуют находки, сделанные в 1983 г. на левом берегу р. Большая Кедовка. В 450 м выше устья реки собран небольшой подъемный материал (32 предмета), состоящий из кремневого ножа, кварцевого скребка, отщепов и пластин. Несколько находок было сделано в выдувах дюн, в 500 м выше устья р. Майды. Наряду с кремневыми отщепами обнаружены два обломка кремневых наконечников беломорского типа. Небольшие коллекции (кремневые отщепы и орудия) были собраны также в районе д. Койда и д. Ручьи. Определить хронологию всех этих находок довольно трудно, однако по ряду признаков (карбоновый кремль, характер обработки орудий, беломорские типы наконечников стрел) кремневая индустрия Моржовца и указанных материковых местонахождений относится к одному культурному комплексу. Кроме того, исследования, проведенные на западном и северном побережье Канина Носа, дают основания, правда в предварительном плане, говорить о том, что здесь представлены довольно многочисленные стоянки охотников на северного оленя со времени мезолита до эпохи раннего металла.

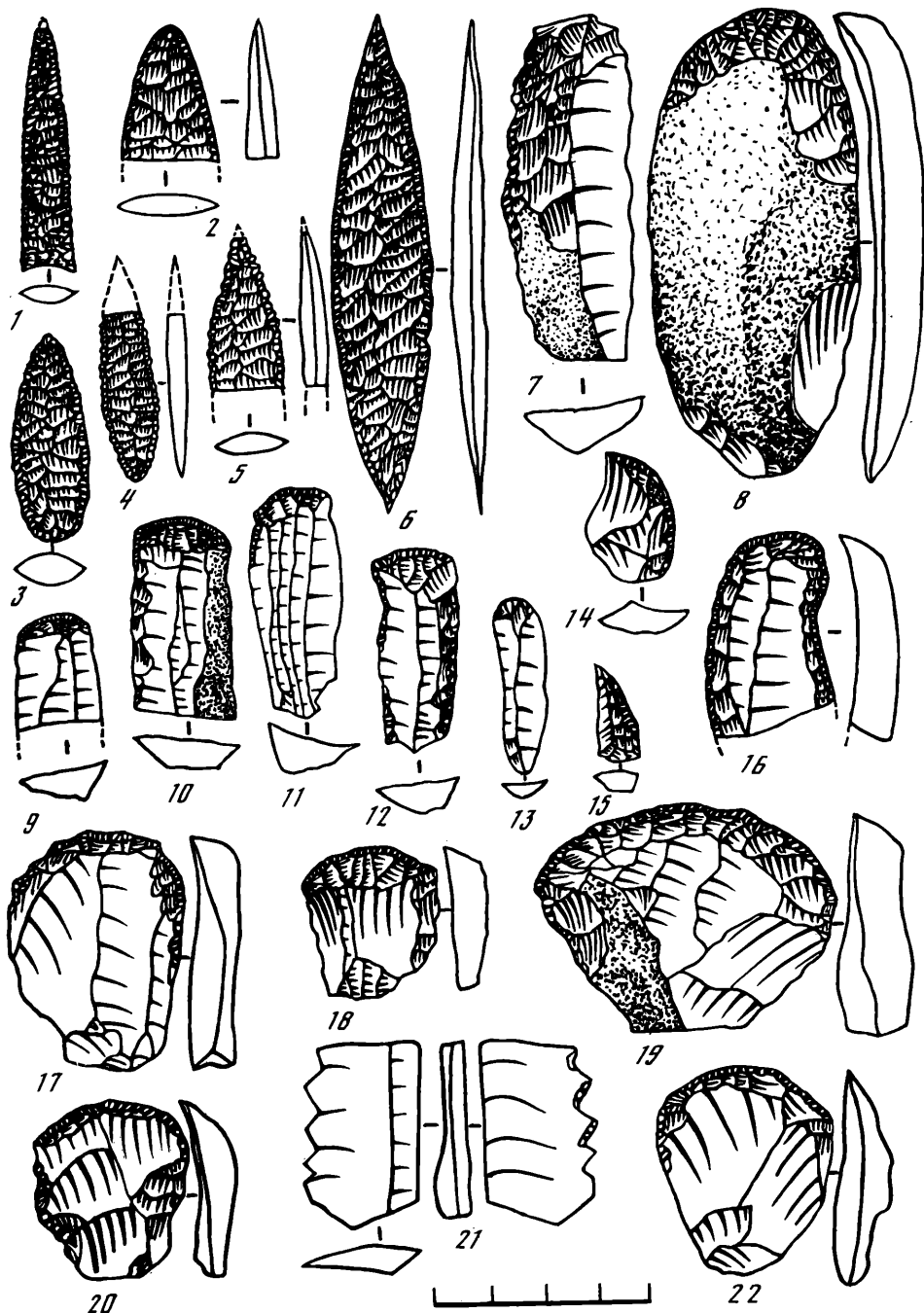

Рис. 1. Кремневый инвентарь с о-ва Моржовец и из сборов у устья р. Майды (на материке)

Пункты находок на о-ве Моржовец: 1, 15; 5, 8, 11, 16; 6, 7, 13; 10, 10; 11, 17, 18; 13, 9, 12, 14, 19, 21, 22; 14, 1, 3; 18, 2, 5, 6, 20; Майда-4

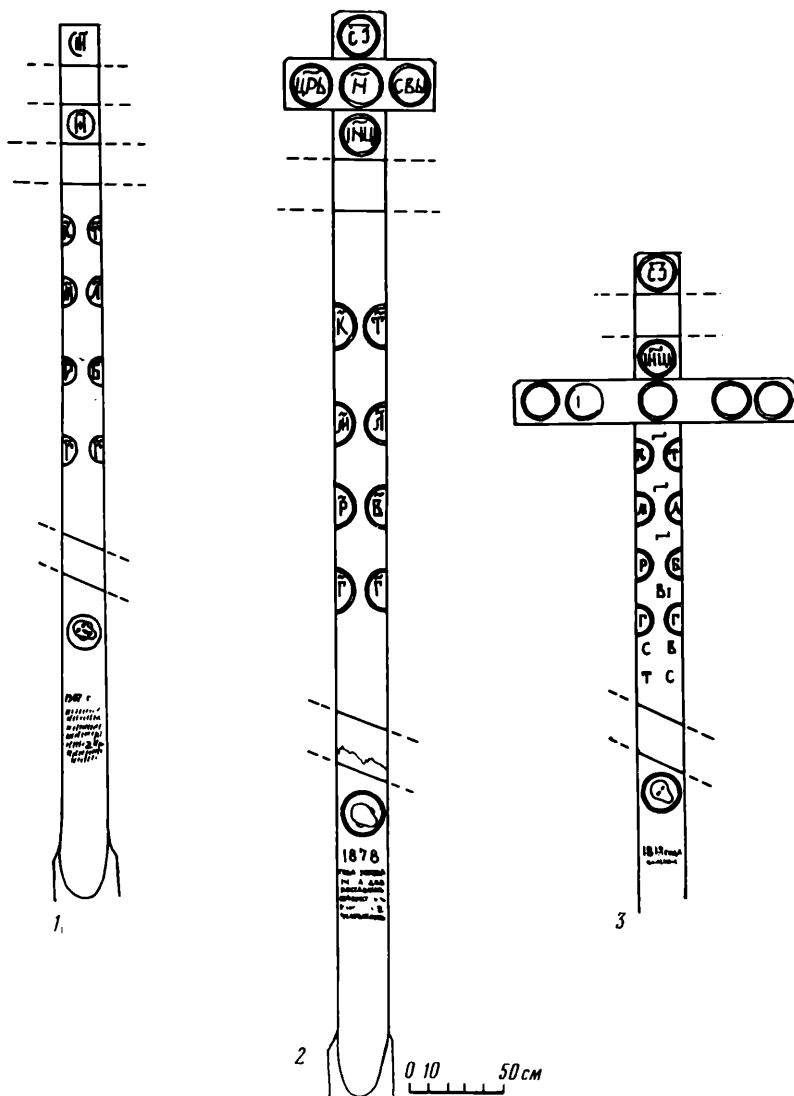

Рис. 2. Обетные кресты на о-ве Моржовец

1—3 — мыс Каменный

Остров Моржовец с давних пор входил в район морских зверобойных и рыбных промыслов сначала двинян и монастырских крестьян, а затем и жителей селений Зимнего берега, в первую очередь сел Ручьи и Койды. На северной оконечности Зимнего берега находилось крупнейшее становище — Кеды (Большая Кедровка у устья рек Кедровка и Малая Кедровка). В первом пункте зафиксированы остатки креста с неразборчивой надписью, во втором — стоящий крест с датой «1923». От становища Кеды к югу по берегу моря были обследованы тони до с. Майда (Прорывы, Послонка, Корабельная, Засопки) и от Майды в сторону с. Мегры (Майдица, Чебурай, Логовка, Орал, Швейкин ручей, Подкрасное). Здесь выявлены лишь два креста (устье Майдицы и Подкрасное), аббревиатуры на которых сохранились плохо. Кресты на Моржовце также плохой сохранности. На мысе Ка-

менный Нос удалось найти лишь срубленные кресты вблизи остатков промысловых изб предвоенного времени. Наиболее хорошо сохранился крест с надписью «1878 года месяца июня 1 дня поставлен сей крест... 21 человеком» (рис. 2, 2). Другие даты в этой группе крестов: «18...», «188...», «1907...», «1926 г. 26...» (рис. 2, 1, 3). Всего на Каменном Носу стояло не менее 17 крестов, но, к сожалению, данный уникальный комплекс, несомненно с большой «летописной» информативностью, безвозвратно погиб. В северной части острова (мыс Северный) был зафиксирован фрагмент креста с датой «1919 г... апреля...», а в северо-восточной — отдельные фрагменты креста с надписью: «18.8 года пдл... переноси крест сей... мца октя 4 дн.». Как показал опыт работы в Беломорье, необходимы комплексные исследования с фиксацией памятников широкого хронологического диапазона (археологии и памятников культуры), что позволит в дальнейшем воссоздать целостную картину освоения Арктики на различных этапах отечественной истории.

¹ Овсянников О. В. Археологические работы в Беломорье // АО 1983 г. М., 1985. С. 23.

² Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29. С. 176—184.

³ Сводку материала по этому вопросу см.: Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хлобыстин Л. П. Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // АО 1984 г. М., 1986. С. 32—33; Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // СЭ. 1976. № 2. С. 103—111.

⁴ Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. 1948. № 10. С. 125—142; Она же. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // МИА. 1953. № 39. С. 408—420; Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы: Опыт классификации // СА. 1970. № 1. С. 34—48 и сл.; Она же. Основные проблемы археологии Архангельского Беломорья // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1983. С. 78—83.

И. В. ВЕРЕЩАГИНА

МЕЗОЛИТ НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

В данной статье подводятся некоторые итоги изучения мезолитических памятников обширного региона, границами которого на западе и юге является бассейн Северной Двины и ее правого притока Вычегды, на востоке — Северный Урал в Пай-хой, на севере — побережье Белого и Баренцева морей.

В настоящее время в результате работ целого ряда исследователей: Г. А. Чернова, Г. М. Бурова, В. И. Канивца, В. Е. Лузгина, А. А. Куратова, А. Я. Мартынова, Э. С. Логиновой, Л. Л. Косинской, А. В. Волокитина и автора статьи — на этой территории известно свыше 130 мезолитических стоянок.

Основными задачами нашего исследования являлось определение общих и локальных особенностей хронологического и культурного плана, а также попытка решения вопросов о времени и путях заселения рассматриваемой территории в эпоху мезолита. При этом учитывались топография и стратиграфия, площадь стоянок и характер планиграфического распределения инвентаря. Анализ последнего базировался на единой предварительной классификации и типологии, количественном сопоставлении раз-

личных его таксонометрических подразделений, прежде всего на опорных стоянках.

В результате анализа выявились следующие общие черты мезолита всего региона: 1) приуроченность подавляющего большинства стоянок к боровым террасам различной высоты; 2) слабая выраженность культурного слоя вследствие неглубокого залегания в песчаных аллювиальных отложениях с кислой средой и отсутствие по этой причине изделий из растительных и других органических материалов, за исключением I Висского торфяника; 3) разнотипность стоянок по площади, характеру распределения инвентаря, его количеству и составу, что, очевидно, объясняется различной продолжительностью обитания и разносезонностью; 4) характер кремневого материала, отражающего первичное расщепление, его количество и размеры во многом предопределялись используемым кремневым сырьем, которое при общем богатстве сырьевой базы было различным; 5) в производстве орудий — господство развитой пластинчатой техники, проявляющееся в преобладании пластин и изделий на них над прочими непластинчатыми типами заготовок; большое разнообразие орудий на пластинах; 6) широкое использование преднамеренного рассечения пластин на части, что наряду с малыми размерами изделий свидетельствует о вкладышевом характере большинства орудий; 7) пластины и сечения использовались в большинстве случаев без вторичной обработки; 8) среди приемов вторичной обработки доминируют мелкая краевая ретушь и резцовый скол; 9) в наборе орудий типичными и преобладающими являются пластины и их сечения различных пропорций, использовавшиеся, судя по характеру и расположению ретуши и следов сработанности, для резания, строгания, скобления и т. д.; 10) для большинства стоянок свойственны резцы одного типа — на углу пластины или сечения; 11) к числу характерных, но представленных в меньшем количестве относятся скребки на различных типах заготовок с преобладанием концевых и однолезвийных, скобели-долотца и резчики на конце пластин, различные острия неустойчивых типов; наконечники стрел на пластинах, близкие постсвидерским, встречающиеся не на всех стоянках, но почти на всей территории; 12) рубящие орудия имеются также далеко не на всех памятниках, типологически разнообразны и неустойчивы; 13) единичны пластины со скошенным краем, пластины-скобели с глубокими ретушированными выемками, пластины с пильчатой краевой ретушью, геометрические микролиты (трапеции и прямоугольники).

В целом набор инвентаря можно назвать охотничьим. Помимо специализированных орудий охоты, представленных кремневыми и фрагментами деревянных наконечников стрел, деревянными луками-самострелами, метательными дубинками, существенное место в нем занимают орудия, предназначенные для обработки продуктов охоты, изготовления орудий труда и других бытовых нужд. Основными объектами охоты, судя по фаунистическим останкам на стоянках соседних территорий, близких в природном отношении, являлись различные популяции северного оленя, лось, боровая и водоплавающая дичь. Характер стоянок свидетельствует о сезонном, в различной степени кратковременном обитании на них небольшого коллектива людей, ведущих подвижный (примитивно-кочевой) образ жизни. Учитывая богатство северной флоры, существенное место в хозяйственной деятельности занимало собирательство. Несомненным представляется знакомство населения с рыбной ловлей, хотя прямые подтверждения этого очень фрагментарны и сохранились только в I Висском торфянике.

Наряду с общими чертами, присущими всем мезолитическим стоянкам, намечаются две группы памятников, в инвентаре которых определились заметные различия.

Для стоянок первой группы типичен более пластинчатый и микролитический характер инвентаря. Пластины и изделия из них составляют 65—87% всего инвентаря (без чешуек), преобладают пластины правильного ограничения, узкие (0,5—1,0 см) и средние (1,0—1,5 см) при большом количестве микропластин (до 0,5 см).

На памятниках второй группы возрастает степень использования других типов заготовок, отщепов, пластинчатых отщепов и сколов. Пластины оставляют 30—60%. Доминируют пластины средней ширины при существенной роли широких и узких. Значительно чаще использовались неправильные, ребристые, краевые, первичные пластины. Увеличение размеров последних свидетельствует о возможном самостоятельном их использовании, т. е. о некотором упадке вкладышевой техники. В группе сечений в первом случае преобладают длинные и средние, а во втором — короткие и средние.

На стоянках второй группы повышается роль вторичной обработки. В наборе орудий этих памятников резко уменьшается количество резцов, но чаще встречаются скребки, скобели и прочие орудия неясного назначения на непластинчатых типах заготовок.

Рубящие орудия в первом случае обработаны преимущественно посредством сколов и крупной ретуши. На стоянках второй группы появляются изделия из аргиллита, опоки, сланца, шлифованные частично или полностью.

К первой группе предположительно отнесены большинство стоянок бассейна Вычегды, Северной Двины: Курьядор, Пезмог I, Кузьвомын, Ульяново, Чертас I, Озыяг, Филичаевская II, III, IV, Приозерный IV, V, Черная речка 3; некоторые стоянки бассейна Печоры и Большеземельской тундры: Мартюшевская IV, Адак I, II, Зыбунюр II, Колва II, Адзэва 1, 13, 42 и другие кратковременные пункты с малочисленным инвентарем.

Ко второй группе отнесена большая часть стоянок бассейна Печоры и Большеземельской тундры: Топыднюр V, Петрушинская, Черепанькади, Коллавис 8, 14, Адак III, Пижма II, Черная I и другие, и лишь некоторые в бассейне Вычегды: Чертас II, Нидзь II, Ягкодж III.

Такие стоянки, как Турунюр I, Сандибей-ю I, по целому ряду показателей занимают промежуточное место, сочетая в инвентаре те и другие признаки. Наличие таких комплексов позволяет предполагать постепенное развитие индустрии, а выявленные отличия рассматривать как хронологические. Имеющиеся различия в наборе орудий и нестабильность количественных показателей внутри каждой группы носят скорее всего факультативный характер, т. е. объясняются функционально-промысловыми причинами, сезонностью, особенностями используемого сырья и т. д.

Наиболее ранней, на наш взгляд, является первая группа стоянок, а более поздней — вторая. Исходя из аналогий с памятниками соседних территорий, общего характера и набора орудий, среди которых отсутствуют какие-либо ранние типы изделий орудий, все стоянки относятся к позднему мезолиту, в пределах VII—V тысячелетий до н. э. Предположительная датировка ранней группы стоянок — VII—VI тысячелетия до н. э., поздней — VI—V тысячелетия до н. э. Не противоречат этому и радиоуглеродные даты: пять из них получены по деревянным изделиям из I Висского торфяника (вторая половина VII — конец VI тысячелетия до н. э.) и одна по углю со стоянки Явроньга I (вторая четверть VII тысячелетия до н. э.)¹.

Выявилась территориальная локализация разновременных стоянок: более ранние из них чаще встречаются в юго-западных районах, в бассейне Северной Двины и Вычегды, а более поздние — на северо-востоке, в бассейне Печоры и в Большеземельской тундре. Возникает предположение о бо-

лее позднем заселении бассейна Печоры. Некоторые подтверждения этому находим в данных палеогеографии, свидетельствующих о сравнительно позднем восстановлении ландшафтных зон и благоприятных условий для обитания в северо-восточных районах².

Вопросы периодизации и культурной принадлежности памятников отдельных районов рассматривались многими учеными³. Наиболее полно, применительно к стоянкам всего региона, они отражены в работах Г. М. Бурова. Им выделены два культурных типа (даже культуры): висский и камсковычегодско-печорский. Происхождение первого связывается с культурами балтийского круга типа Кунда и Суомусярви, второго — с Камским бассейном⁴. Существенные возражения вызывают основные принципы выделения висской культуры: расположение стоянок на водораздельных озерах и более низкий гипсометрический уровень по сравнению с памятниками на речных террасах; наличие изделий из растительных материалов и шлифованных топоров, более укрупненный и отщеповый характер кремневого инвентаря.

Прежде всего представляется методологически преждевременным и недостаточно убедительным выделение культуры всего по нескольким ненадежным, типологически вычлененным комплексам: стоянки Синдорского озера — Вис I, II, III и особенно I Висский торфяник, по мнению Г. М. Бурова, давший чистый комплекс инвентаря, а также стоянки Явроньга в бассейне Пинегги. По той же причине нельзя в полной мере достоверно оценить коллекции по степени пластинчатости и микролитизации инвентаря. Во-вторых, предметы из I Висского старичного торфяника представляют собой случайный набор вещей, попадавших с сухоходольной мезолитической стоянки Вис I на протяжении не менее тысячелетия, судя по датам и различной глубине их залегания. Основные типы орудий с сухоходольных стоянок, в том числе и шлифованные топоры, в полной мере встречаются и на вычегодско-печорских памятниках.

Наличие деревянных изделий объясняется всего лишь благоприятными условиями для их сохранности. Малочисленность некоторых категорий кремневого инвентаря (наконечники стрел, проколки и др.) на речных стоянках предполагает существование их заменителей из кости или дерева, а вкладышевый характер инвентаря — использование костяных или деревянных основ-рукоятей.

На территориально ближайших памятниках Восточного Прионежья, происхождение которых связывается с западным кругом культур, кремневый и каменный инвентарь существенно отличается от стоянок Синдорского озера и всего региона, а количественная неравноправность коллекций деревянных изделий ограничивает возможности их сравнения.

В результате сравнительного анализа мы пришли к выводу о большой близости в культурном отношении всех известных мезолитических памятников рассматриваемого региона. Во всяком случае, при современном состоянии изученности не удалось выявить какие-либо культурные их группы. Однако это вовсе не означает, что заселение территории в позднем мезолите, учитывая значительную ее широтную протяженность, происходило из одного центра. Наоборот, представляется более вероятным проникновение мезолитического населения на Крайний европейский Северо-Восток с достаточно большой территории восточных районов Верхнего Поволжья и Прикамья. В какой-то мере этому благоприятствовали особенности планировки речной сети в обоих регионах, в частности наличие широтных и меридиональных водных магистралей. Не противоречат этому предположению многочисленные аналогии с позднемезолитическими памятниками Волго-Камского бассейна. Наибольшее сходство отмечается с памятниками Прикамья⁵ и особенно Камско-Вятского междуречья⁶,

проявляющееся не только в общем характере инвентаря, соотношении различных его категорий и конкретных типов, но и в тенденциях развития материальной культуры во времени. Очевидное сходство видится с культурной группой памятников с микролитическим инвентарем Нижнего Прикамья и прилегающих районов Поволжья⁷, а также по целому ряду признаков (но не по всем) со стоянками позднебутовской культуры⁸. На западе наиболее близкими являются стоянки Сухонской мезолитической культуры⁹, что, очевидно, свидетельствует о тесных контактах населения в силу территориальной близости и даже о возможной общности их происхождения.

Тем не менее эти аналогии не объясняют в достаточной мере выявленного единства мезолитических стоянок на Крайнем Северо-Востоке, тем более что в Волго-Камье исследователями выделены различные культуры и культурные группы. В качестве возможных объяснений, учитывая слабую и неравномерную изученность территорий, видится следующее: во-первых, в силу обитания в одинаковых природных условиях, одноплановой хозяйственной деятельности и тесных контактов населения в позднем мезолите происходит в какой-то мере нивелировка культурных традиций; во-вторых, некоторые отмечаемые различия этих культур и культурных групп, возможно, являются скорее хронологическими или фациальными, нежели культурными.

Многие вопросы хронологии и взаимосвязи различных культур нуждаются в уточнениях, что возможно лишь при непрерывном параллельном их рассмотрении, корректировке на соседних территориях и дальнейшем пополнении источниковедческой базы.

¹ Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северо-Двинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 76—79; Буров Г. М. Археологические культуры севера европейской части СССР: (Северо-Двинский край). Ульяновск, 1974. 86 с.

² Никифорова Л. Д. Пространственно-временная палеогеографическая схема позднеледникового и голоцена северо-востока Русской равнины // Тез. докл. XI конгр. ИНКВА. М., 1982. С. 236—237.

³ Канивец В. И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 1973. Вып. 4. С. 3—23; Мартынов А. Я. Древняя история Северо-Двинского бассейна в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985; Верещагина И. В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. 1973. Вып. 5. С. 3—21; Она же. Мезолитические памятники Северной Двины // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 89—94.

⁴ Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967; Он же. Археологические культуры севера... С. 85—88.

⁵ Бадер О. Н. Стоянка Нижне-Адищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. 1951. № 22; Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 368 с.

⁶ Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.

⁷ Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 94—100; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; Гаврилова И. В. Мезолитические местонахождения в бассейне реки Костромы // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 98—102.

⁸ Кольцов Л. В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984; Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1. С. 46—66.

⁹ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983. С. 13—69.

ПОЛЯРНЫЙ И ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Из всех регионов Уральских гор наименее изучен в археологическом отношении, в частности, в отношении неолита и бронзы Полярный и Приполярный Урал. Указанный район представляет практически «белое пятно», если не считать одного-двух местонахождений, нанесенных на археологическую карту. С позиций имеющихся на сегодня сведений можно предполагать, что данная территория была освоена крайне слабо, однако этому противоречит довольно интенсивное заселение прилегающей к нему территории с востока и запада — от правобережья Печорского до левобережья Обского бассейна. В большей мере это относится к зоне Полярного Приуралья, заселение которого началось уже с раннего голоцена. В настоящее время в районе Большеземельской тундры и Печорского Приполярья известны разновременные памятники каменного века, расположенные в бассейнах многих рек и речушек. Основная их масса открыта и введена в литературу Г. А. Черновым¹. Самые ранние, с которых, очевидно, началось освоение края (без учета палеолитических «землепроходцев»), относятся к мезолиту. Сейчас их насчитывается около 40: в Центральной части Большеземельской тундры, в бассейнах рек Колвы и Усы, с притоками Сандибей-Ю и Адызвы. Опорным памятником следует считать Сандибей-Ю I, материал которого опубликован И. В. Верещагиной². Последний содержит многочисленный и выразительный комплекс кремневой индустрии, в котором автор отмечает типичный набор орудий труда, позволяющий считать этот памятник чисто мезолитическим; дающим возможность вычленивать мезолитические комплексы из смешанных индустрий.

Прямым аналогом ему являются небольшие по площади и набору кремневого инвентаря стоянки восточной части Печорского Приполярья (бассейн р. Усы).

В целом для мезолита Полярного Приуралья характерен высокий уровень микrolитизации, преобладание вкладышей режущих орудий, наличие ножицков, резцов на углу сломанной пластинки, концевых скребков, скобелей (рис. 1, 1—44). Весь набор орудий находит определенные аналогии в памятниках мезолита Волго-Окского бассейна, относимых Л. В. Кольцовым ко 2-му и 3-му этапам его развития. Наиболее же надежным признаком является наконечник стрелы свидероидной формы³. В. И. Канивец делит мезолитические памятники на две хронологические группы, датируя раннюю — концом VI, а позднюю — V тысячелетием до н. э.⁴. Однако в свете новых материалов нижнюю границу мезолита, очевидно, надо удреветить (см. статью И. В. Верещагиной).

Для воссоздания картины освоения Полярного Приуралья в мезолитическое время нужно учесть следующее: 1 — наличие значительного количества стоянок; 2 — их размещение в центральной части Большеземельской тундры и отсутствие на Крайнем Севере; 3 — кратковременный характер этих стоянок; 4 — аналогии с памятниками центра Русской равнины.

С переходом к неолиту связано освоение новых территорий — бассейнов рек, впадающих в Баренцево море, и низовьев Печоры. Особый интерес представляет бассейн р. Коротаихи, непосредственно прилегающий к Полярному Уралу. Впрочем, неолит изучен еще крайне слабо. Опорным памятником его по-прежнему следует считать Печорскую стоянку, материал о которой опубликован еще в 1957 г.⁵ К материалам последней обращались

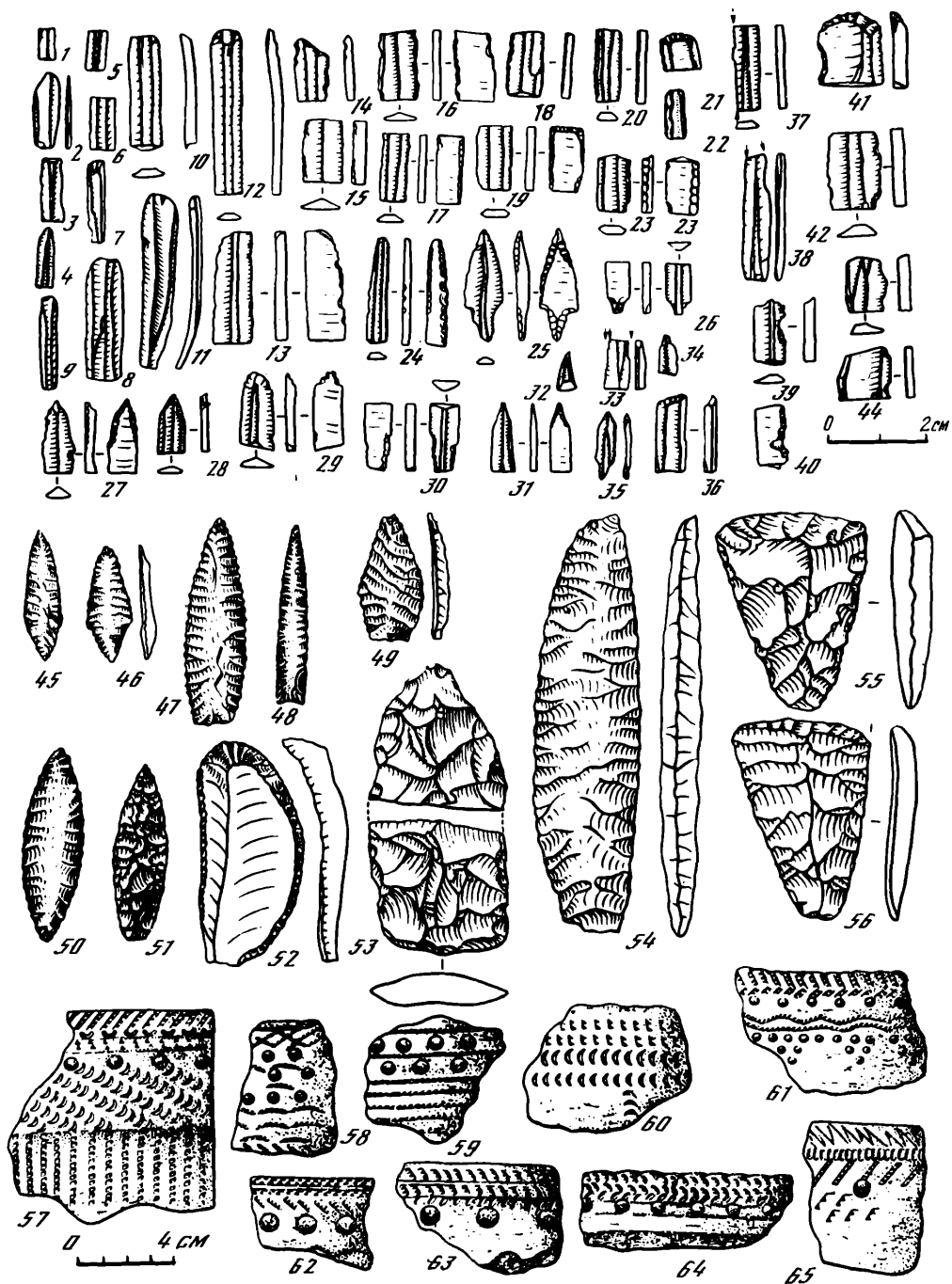
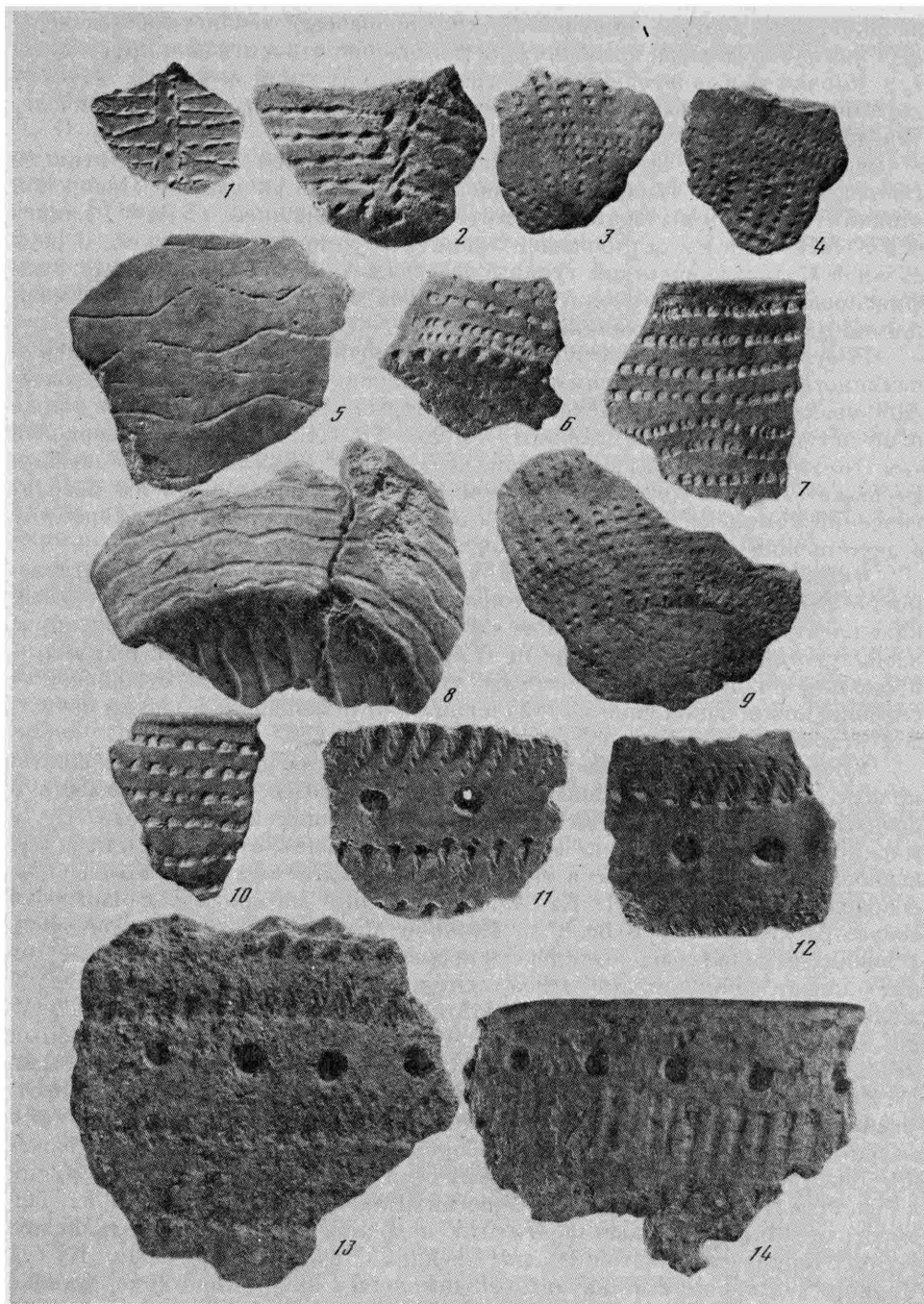

Рис. 1. Каменный инвентарь и керамика

1-44 — мезолитическая индустрия стоянок Большеземельской тундры; 45-56 — каменная индустрия стоянок ортинского типа эпохи бронзы; 57-65 — комплекс керамики ортинского типа эпохи бронзы со стоянки на р. Щучьей (рис. 1-65 — по Г. А. Чернову)

Рис. 2. Типы керамики

1, 2, 5–8, 10 — кошкинская со стоянки Суманья III; 3, 4, 9 — раннеолитическая гребенчатая со стоянки Суманья III; 11–14 — неолитическая с Печорской стоянки (по Н. Н. Гуриной)

неоднократно, поэтому лишь напомним, что она представляет собой целостный чистый комплекс, позволяющий достоверно относить ее к кругу культур ямочно-гребенчатой (точнее гребенчато-ямочной — рис. 2, 11—14) керамики и датировать, очевидно, концом IV или началом III тысячелетия до н. э.

За последующие 30 лет из смешанных материалов других памятников Большеземельской тундры (опираясь в основном на данные Печорской стоянки) удалось вычленить неолитические комплексы (Куя V, Сандибей-Ю VIII и др.) и датировать их ранне-неолитическим временем. В ряде стоянок Большеземельской тундры на реках Адызве, Коллавис и др.⁶ зафиксировано наличие неолитических типов орудий, аналогичных имеющимся на Печорской стоянке.

На основании соответствующего типа ямочно-гребенчатой керамики и каменного инвентаря (преимущественно наконечников стрел) здесь выделяет неолитические комплексы и И. В. Верецагина⁷. Г. А. Чернов также отмечает неолитические стоянки — Колва 12—14, в связи с имеющейся там типичной ямочно-гребенчатой керамикой⁸. Являясь, по-видимому, смешанными, они содержат, с одной стороны, свойственный им мезолитический комплекс микросечений, а с другой — неолитическую керамику с двусторонне обработанными наконечниками.

Этими скудными сведениями и ограничивается пока наше представление о неолите Полярного Приуралья. Вместе с тем стоянки и местонахождения, густо покрывающие территорию Большеземельской тундры, изобилуют орудиями и изделиями из кремня, как пластинчатой техники — проколки, ножи, скребки, скобели, угловые резцы, так и отщеповой — скребки, ножи, наконечники стрел и копий, отличающиеся высоким качеством вторичной обработки.

Основное значение указанных материалов заключается в возможности, правда, пока лишь постановки ряда кардинальных вопросов неолита и бронзы Севера и уточнения направления будущих исследований. Несомненно, часть изделий, и по-видимому значительная, относится к неолиту. Однако только на основании типологической классификации этот вопрос разрешен быть не может. Как показали новые материалы, в частности собранные И. В. Гавриловой на Нижней Мезени⁹, т. е. в аналогичных условиях Приполярья, комплексы первоклассных каменных орудий, не имеющие ни малейших признаков технического упадка, доживают до эпохи железа и еще достаточно прочно бытуют в ананьинское время. Следовательно, для выделения разновременных материалов необходим комплексный метод исследования и, может быть, на Севере больше чем где бы то ни было.

Не ясна далее культурная характеристика раннего неолита. Имеются ли здесь памятники, сопоставимые с ранне-неолитическими стоянками соседних территорий — типа Черноборской и Прилукской, т. е. содержащие специфическую ямчатую керамику и мезолитоидные типы орудий в сочетании с типично неолитическими. Какова возможная зона их распространения? Отдельные фрагменты подобной керамики опубликованы Г. А. Черновым со стоянок на Средней Печоре и на реках Куе и Черной¹⁰, а также с Хэйятинского поселения на р. Коротаихе. Однако хронологическая позиция их не ясна.

Маркирует ли ранний неолит комплекс крупнопластинчатых форм каменного инвентаря? Проникла ли на эти стоянки и в каком количестве камская керамика, подобно тому как это наблюдается в Вычегодском крае? Судя по некоторым иллюстрациям, она как будто бы встречается, но наверняка это не установлено.

Бассейн р. Коротаихи в связи с проблемой освоения Полярного Урала особенно привлекателен. Вместе с тем имеется лишь глухое упоминание

Г. А. Чернова о том, что среди 84 местонахождений есть и неолитические. Поэтому и вопрос, на какой именно период неолита падает освоение наиболее северных широт Урала, остается открытым.

Материал эпохи раннего металла этой области более информативен. Л. П. Хлобыстин¹¹ выделил 4 керамических комплекса эпохи бронзы, из которых наибольшее внимание привлекает ортинский, представленный в первую очередь эпонимным поселением Ортино, расположенным в низовьях Печоры¹². Для ортинской керамики характерны ромбовидные фигуры и специфические арочные вдавления. Обязательным элементом является 1—2 ряда ямок под венчиком (рис. 1, 57—65). Для ортинской кремневой индустрии свойственны крупные (макролитовидные) формы инвентаря — наличие ромбических и листовидных наконечников стрел и копий, и оригинальных, так называемых копьевидных скребков (рис. 1, 45—56).

Не имея параллелей на севере Европы, ортинская керамика с трудом поддавалась культурно-генетическому определению, пока исследования на севере Западной Сибири не пролили свет на этот вопрос.

Остальные комплексы севера Приуралья менее информативны, однако важно, что в них усматриваются признаки, также уводящие в Западную Сибирь, к памятникам сумпаньинского и гаринско-борского типов.

Итак, можно констатировать, что усиленное освоение Полярного Приуралья началось в мезолитическое время и непрерывно продолжалось в последующие исторические эпохи, когда население проникло уже за 68° северной широты. Мезолитические и неолитические памятники имеют аналогии в Волго-Окском бассейне центра Русской равнины, где господствуют соответствующие мезолитические культуры и керамика ямочно-гребенчатого типа. В эпоху бронзы связи с культурами Западной Сибири в широтном направлении значительно расширились, что неизбежно должно было привести к большему использованию путей через Уральские горы. Вместе с тем благодаря слабой изученности именно неолита, ряд вопросов, и в первую очередь этногенетических, остается нерешенным. Так, неясны пути перехода от мезолита к неолиту. Представляется несомненным местное автохтонное развитие, но, очевидно, были и пришельцы, вторая волна населения принесшего ямочно-гребенчатую керамику.

Второй круг задач связан с концом неолита. Не выяснены судьбы его носителей и преемственность культур неолита и бронзы, а также роль европейского компонента при явно увеличивающемся сибирском.

В уральском Заполярье сведениями о мезолите и раннем неолите мы не располагаем. Но все же некоторые данные, свидетельствующие о первых попытках освоения уральского и западносибирского Севера¹³, позволяют предполагать, что отсутствие информации объясняется лишь результатом их слабой изученности.

Поздненеолитическое время представлено группой стоянок на р. Северная Сосьва. Среди них наиболее известны Сортынья I и Честыйяг, которые хотя и прочно вошли в литературу, но описаны чрезвычайно скупо¹⁴. Весьма важны также материалы стоянки на р. Щучьей (низовья Обского бассейна — наиболее северного памятника Полярного Зауралья¹⁵). Керамика там разновременна, но судя по имеющимся аналогиям с Сортыньей I, частично относится к позднему неолиту. Считалось, что для Сортыньи I и Честыйяга характерна развитая гребенчатая керамика. В настоящее время исследования Сортыньи I Е. А. Васильевым выявили чистый комплекс керамики так называемого кошкинского типа, с преобладающим орнаментом «отступающей палочки», а также с прочерчиванием и наколами, сопровождающийся пластинчатой индустрией. Радиоуглеродная дата — середина III тысячелетия до н. э.

На поселении Честыйяг I раскопаны 3 жилища, содержащие керамику с прочерченным орнаментом. Гребенчатая керамика отсутствует. Радиоуглеродная дата — конец IV — начало III тысячелетия до н. э. Таким образом, исследования Е. А. Васильева показали, что сложные, актуальные проблемы зауральского неолита, связанные с кошкинской керамикой, должны решаться и для приполярной зоны¹⁶. Это изучение хронологического и культурного соотношения двух орнаментальных стилей, которые давно и остро стоят для обширной территории уральской и поволжской эйкумены. Поздненеолитический возраст прочерченной керамики (кошкинский) можно считать доказанным (рис. 2, 1, 2, 5—8, 10). Однако это не снимает вопроса о ранненеолитической прочерченной керамике (например, на поселении Евстюхина и других памятниках), наличие которой в свое время не только постулировалось, но и доказывалось¹⁷. Нельзя также отказаться от поздненеолитической гребенчатой керамики, несмотря на ранние хронологические даты для части ее (рис. 2, 3, 4, 9), поскольку она, бесспорно, составляет генетическую основу керамики ранней бронзы. Из всего сказанного выше следует, очевидно, признать параллельное развитие двух орнаментальных стилей с раннего неолита вплоть до эпохи металла. Однако эти положения требуют доказательств. Кошкинская керамика ранее считалась характерной только для лесостепного Зауралья. Теперь территория ее распространения расширилась до таежной зоны уральского Заполярья. Все эти новые данные не укладываются в схему культурно-хронологического членения памятников, предусмотренную восточноуральской культурой.

В эпоху ранней бронзы на территории Зауралья и Западной Сибири формируется значительное количество археологических культур. Не составляет исключения и север Западной Сибири, где они складываются в результате развития местных поздненеолитических «гребенчатых» культур. Наиболее интересным для нас является формирование восточной части ареала ортинской культуры, распространенной, по мнению ее исследователей¹⁸, на территории европейского и азиатского Приполярья по обе стороны Уральского хребта. Ортинская керамика зафиксирована в Обском бассейне на ряде стоянок в низовьях Оби (Пернашор и др.), где прослеживаются типичные черты, уже известные по ее западным памятникам, — сплошная орнаментация из разных узоров гребенчатого штампа со специфическими арочными вдавлениями и 1—2 рядами ямок под венчиком. Для территории ее распространения важное значение имеет Иоркутинская стоянка на п-ове Ямал, содержащая выразительный керамический комплекс¹⁹. Для реального пути проникновения носителей указанной культуры на запад через полярную зону имеют значение стоянки Щучья и Усть-Хэйягинское поселение, содержащие комплекс керамики ортинского круга (рис. 1, 57—65) и характерную кремневую индустрию.

Таким образом, имеющийся материал по освоению Полярного Урала свидетельствует о двух самостоятельных линиях культурного развития — с востока и с запада. Происходило оно еще в неолите и осуществлялось не изолировано, а в непосредственных контактах с близлежащими и более отдаленными культурами, отмечены связи и в широтном направлении. Генетически обе линии уводят к югу, но в разные его регионы — центру Русской равнины и лесостепь Западной Сибири. Будучи двусторонними и развиваясь на иной, по-видимому, не родственной основе, последние неизбежно проходили через Урал. Так, например, в стоянках Большеземельской тундры (Сандибей-Ю VI и др.) и далее к западу содержится вафельная керамика ымыяхтахской культуры²⁰, а фигурка с бобовидным

профилем, широко известная в Финляндии, Карелии и вообще на европейском Севере, найдена в Большом Ларьякском поселении²¹.

Основное продвижение людей через Урал, вероятно, шло по пониженной части Уральского хребта на Среднем и Южном Урале, где водные пути Обского и Волго-Камского бассейнов ближе всего подходят друг к другу. Однако не исключена и более северная трасса, непосредственно связывающая северные широты — через левый приток Оби р. Щучью и правый приток Печоры р. Усу, берущую свое начало на водоразделе. В эпоху ранней бронзы характер широтных контактов принципиально меняется (одновременно увеличиваясь количественно), что подтверждается формированием ортинской культуры.

К сожалению, все изложенные археологические материалы находятся в некотором противоречии с реконструкцией, созданной преимущественно филологами на основании единой семьи уральских языков, некоего этнического единства, куда входят народы Приполярья и Заполярья. Последнее предшествовало, по мнению признающих его филологов, разделению народов на современные языковые группы²². В материальной же культуре, как это видно, такое единство не прослеживается. Наоборот, определенная культурная консолидация возникает позже, при переходе к эпохе металла.

В свое время, пытаясь археологически объяснить языковое сходство народов уральской семьи, в качестве единого этнокультурного субстрата рассматривалось мезолитическое население Приаралья как базовой территории мезолитического населения Евразии²³. Однако эта реконструкция не подтвердилась. Нет возможности далее сопоставить такое предполагаемое единство с какой-либо археологической эпохой. По-видимому, правы исследователи, связывающие происхождение прибалтийской финской ветви с носителями культур ямочно-гребенчатой керамики, а обьгорского этноса — с нижеобской — сортыннинской культурой.

На европейском Севере данная проблема рассматривается на примере саамов и самодийцев, сходство языка которых объясняют наличием какого-то уралоязычного этноса, явившегося этническим субстратом по отношению к первым двум. Это также не находит археологического подтверждения, поскольку генетическую увязку саамов с культурами эпохи раннего металла Кольского п-ова и Карелии можно считать доказанной²⁴. К самодийцам же, попавшим в Заполярье из лесостепных широт Западной Сибири относительно поздно, эти культуры никакого отношения не имеют. Проблема происхождения автохтонного населения уральского Приполярья и Заполярья в известной мере археологически разрешена — точка зрения на единый субстрат соответственно уральской языковой семье подтверждения не получает.

В сложном процессе этногенеза миграция являлась одним из главных его факторов. Однако важно не только ее констатировать, поскольку начиная с неолита переселение в большинстве происходит на территорию, уже занятую аборигенами. Необходимо проанализировать возникновение взаимоотношений, усложняющих и корректирующих развитие культуры и сложение этноса.

¹ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985. С. 1—168.

² Верещагина И. В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. 1973. Вып. 5.

³ Кольцов Л. В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4. С. 17—26.

⁴ Канивец В. И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 1973. Вып. 4. С. 3—23.

⁵ Гурина Н. Н. Некоторые новые данные о заселении севера европейской части СССР // СА. 1957. № 2. С. 115—121.

- ⁶ Хлобыстин Л. П. Крайний северо-восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172. С. 54—66.
- ⁷ Верещагина И. В. Памятники с микролитическим инвентарем... С. 14—17.
- ⁸ Чернов Г. А. Новые археологические памятники на реках Колве и Сандибей-Ю // МАЕСВ. 1978. Вып. 7. С. 100—103.
- ⁹ Гаврилова И. В. Археологические исследования на Нижней Мезени // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. Вып. 10. С. 87—89.
- ¹⁰ Чернов Г. А. Новые археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 76—83; *Он же.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // СА. 1951. № 15. С. 308—315.
- ¹¹ Хлобыстин Л. П. Крайний северо-восток ... С. 59—62.
- ¹² Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 71—76.
- ¹³ Бадер О. Н., Сериков Ю. Б. Самая северная палеолитическая стоянка Зауралья // АО 1974 г. М., 1975. С. 138; Хлобыстин Л. П. О древнем заселении Арктики // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 11—17.
- ¹⁴ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 10—18.
- ¹⁵ Чернов Г. А. Археологические находки на реке Щучьей // КСИИМК. 1956. Вып. 40. С. 90—105.
- ¹⁶ Васильев Е. А. Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М., 1987. С. 59—60.
- ¹⁷ Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 161.
- ¹⁸ Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 43—50.
- ¹⁹ Королев Ю. П., Хлобыстин Л. П. Воркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. 1969. Вып. 115.
- ²⁰ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников ... Рис. 12, 19.
- ²¹ Мошинская В. И. Некоторые новые данные по вопросу о древних контактах в уральской среде // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 118—122.
- ²² Симченко Ю. Б. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М., 1980. Разд. I, гл. I. С. 11—28.
- ²³ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении Уральского неолита // ИАЭСА. М., 1968. С. 41—53.
- ²⁴ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. 1953. № 39. С. 347—408.

А. М. МУРЫГИН

ПОСЕЛЕНИЕ МОРЕ-Ю В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

В 1967 г. В. И. Канивец произвел сборы материала в яреях правого берега р. Море-ю¹, на 20-метровой террасе, в береговом обнажении которой отмечен культурный слой с угольками и костями животных. Керамика, кремль и металлические вещи были приурочены к четырем котловинам выдувания — «массивам», внутри которых они концентрировались в нескольких пунктах.

Находки распределялись по массивам неравномерно: 94,2% их на 3-м массиве, причем 86,1% от числа найденных на этом участке — в пункте I. Всего здесь обнаружено 4 предмета из металла и 98,2% керамики. На 1-м массиве — 88,4% всех металлических изделий и только 2 фрагмента сосуда. В числе металлических предметов — бронзовая поясная накладка, обломок бронзового браслета, 3 обломка бронзовых гривен и серебряное (?) шейное украшение, железное тесло-мотыжка, обломки 4 ножей, ромбовидный черешковый наконечник стрелы, звенья цепи, 2 бронзовых культовых изображения — человеческая личина в конусовидном головном уборе и хищная птица с опущенными крыльями. Набор инвентаря, по-видимому, относился к погребальному или жертвенному комплексу массива I и являлся центром частично разрушенного поселения.

К числу датированных предметов относятся «Х»-видная поясная наклад-ка и круглопроволочный браслет с орнаментированным концом, которые находят аналогии в материалах агафоновской стадии развития (конец VI—VII вв. н. э.) ломоватовской культуры Верхнего Прикамья². Имеются: гривна из круглого дрота, один конец которой загнут крючком³, а другой сломан, гривна из узкой бронзовой пластинки, тесло-мотыжка, наконечник стрел и обломок гривны из спиральной витой проволоки. Наиболее вероятной датой всех находок можно считать треть четверть I тысячелетия н. э., скорее всего VI—VII вв. н. э. Условия залегания данных предметов не позволяют датировать этим временем керамику.

Среди 366 орнаментированных фрагментов керамики выделяются не менее 47 сосудов, 89,4% которых найдено на 3-м массиве, а из числа последних 57,1% — в пункте I. Дальнейшие подсчеты ведутся от 42 наиболее сохранившихся сосудов.

По форме верхней части сосуды делятся на 4 группы. А — чаши с непрофилированной шейкой, открытым (А1) или суженным (А2) краем (4 экз.; рис. 1, 7, 9) и с намеченной прямой шейкой (А3) (рис. 1, 10). Б — чашевидные с почти прямой или слегка отогнутой слабо профилированной шейкой (7 экз.; рис. 1, 2, 4—6, 8). В — чашевидные с утолщенной шейкой, нависающей над плоскостью плечика в виде брусковидного (В1), трапециевидного (В2), подтреугольного (В3); валикообразного (В4) карнизика (29 экз.; рис. 1, 11, 12; 2). Г — котловидный сосуд с высокой цилиндрической шейкой, ушками с тремя выступами, ребром на тулове.

Сосуды с примесью дресвы — цвет темно-серый, редко желтоватый, плотные, в 4 случаях слоистые (рис. 1, 5, 9), внешняя и (или) внутренняя поверхность покрыта расчесами. Диаметр по венчику у 21 экз. варьирует в пределах 19—36 см. Орнамент покрывает венчик, шейку и плечики, за исключением одного, у которого он завершился вертикальными треугольными фестонами (рис. 1, 1). Зоны богато украшенных сосудов имеют бизональную композицию, ямки здесь служат разделителем двух зон орнамента и нанесены на свободном поле (рис. 1, 1—4, 9, 11, 12; 2, 1—5, 9). Отмечены также многозональность в украшении шейки (рис. 1, 1—3, 4, 11, 12; 2, 1—8), применение в орнаменте окаймляющего или удвоенного зигзага, нанесение на шейку зигзагообразной линии (рис. 1, 3, 8, 12; 2, 4, 7).

В украшении венчика преобладают наклонные и слегка дуговидные оттиски многозубого печатного штампа (64,3%). Реже многозубым и двузубым штампом выполнен узор в виде гладкого шеврона-елочки, глубоко врезанного в поверхность венчика (рис. 1, 2, 3, 9; 2, 5, 9, 11), и аналогичный узор с хорошо видимыми неглубокими оттисками многозубого штампа (рис. 1, 7) (всего — 21,4%). Немногочисленны сосуды, украшенные по венчику пальцевыми или крупными гладкими наклонными овальными и округлыми вдавлениями (9,5%; рис. 1, 5; 2, 8). По одному отмечены узоры из наклонных насечек, выполненных зубчатых или краем круглого гладкого штампа (2,4%; рис. 1, 1), и в виде двоянных оттисков, сделанных, видимо, рыбьим позвонком (2,4%; рис. 1, 10).

Судя по орнаменту, на тулове большинство сосудов (73,8%) можно объединить в сравнительно однородный культурно-типологический комплекс (таблица 1, 2), внутри которого выделяются три формально-типологические группы (ФТГ).

ФТГ I (18 экз.; 58,1% от числа посуды комплекса). Сосуды украшены ямками, наклонными овальными, каплевидными, линзовидными, бобовидными вдавлениями (нанесены перпендикулярно и под углом к поверхности сосуда), каннелюрами, зигзагом из печатных многозубых оттисков. Немногочисленны узоры в виде розетки из каплевидных вдавлений (рис. 2, 3) и многозубого штампа, двоянных наклонных многозубых оттисков,

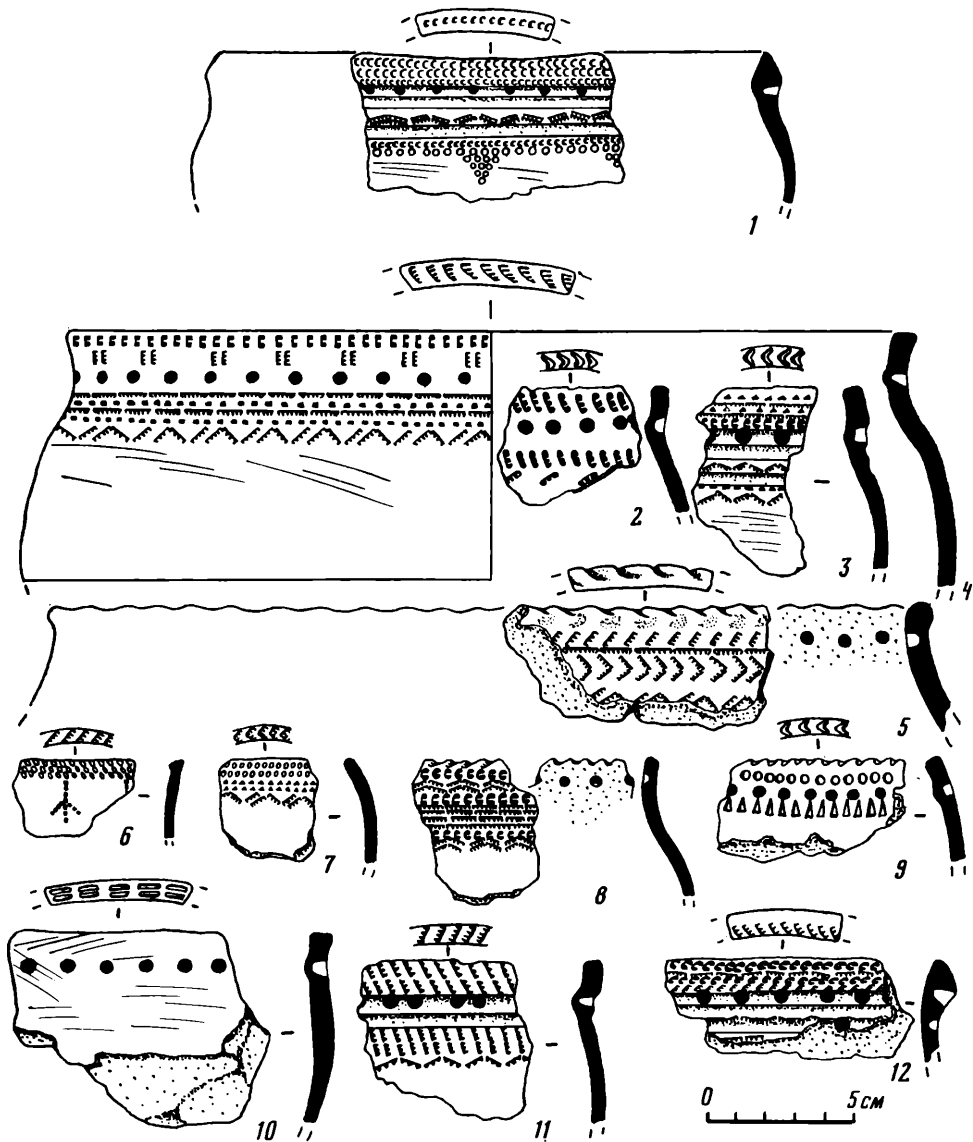

Рис. 1. Керамика поселения Море-ю

в виде птичьей лапы, свастики, собаки или оленя, выполненных многозубым штампом, а также узор из ряда редко поставленных ямок (рис. 2, 4). По форме шейки преобладают сосуды группы В — 94,4% (В1 — 66,7%, В2 — 27,7%). Один сосуд относится к группе А1.

ФТГ II (4 экз.; 12,9%). Сосуды украшены ямками, каннелюрами, зигзагом и наклонными оттисками многозубого штампа. Единично отмечены узоры в виде шеврона и сдвоенных наклонных многозубых оттисков. По форме шейки сосуды относятся к группе В.

ФТГ III (9 экз.; 29,0%). Сосуды украшены ямками, каннелюрами, однозубыми, овально-двухзубыми и многозубыми печатными оттисками. Ими выполнены узоры в виде наклонных, горизонтальных, вертикальных оттисков, шеврона и зигзага. Единично отмечен узор из второго ряда редко

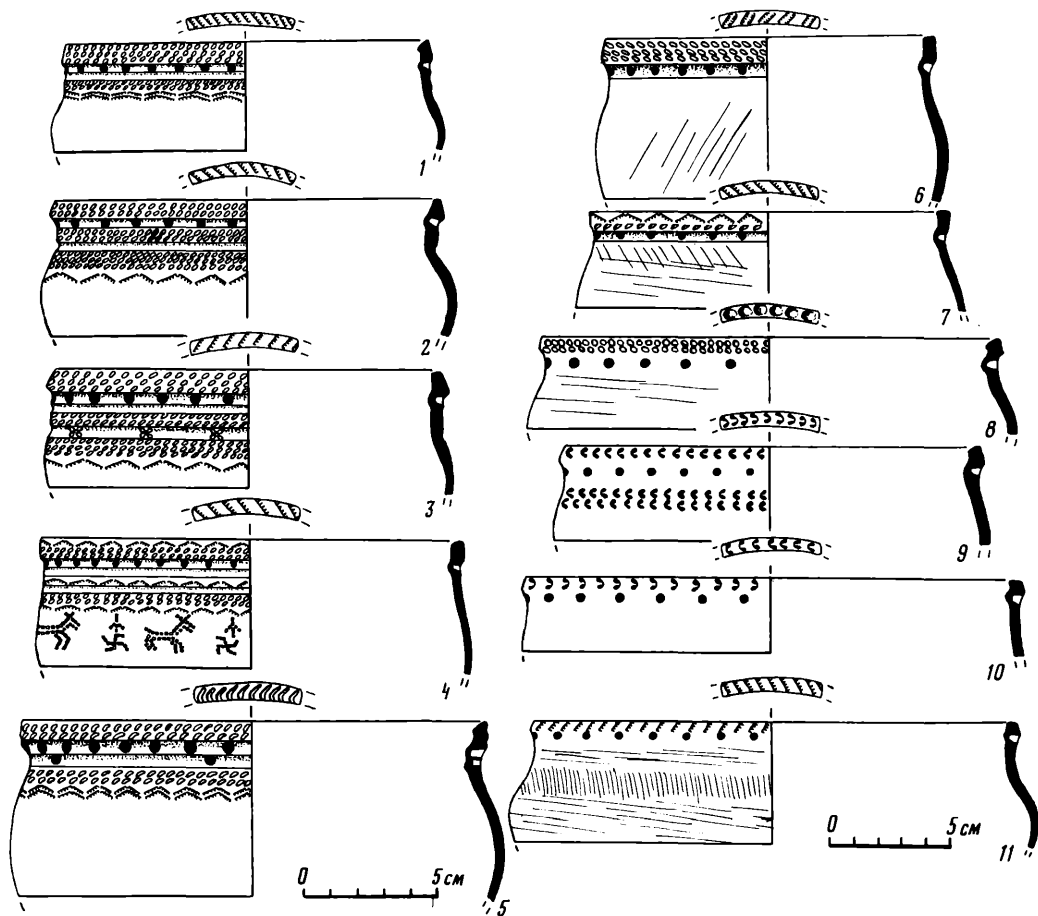

Рис. 2. Керамика поселения Море-ю

поставленных ямок (рис. 1, 12). По форме шейки преобладают сосуды группы В — 77,7% (В1 — 33,3%, В2 — 11,1%, В3 — 33,3%). Два сосуда относятся к группе Б (22,3%).

Все три ФТГ сосудов близки по узорам и технике нанесения орнамента, по его композиционному построению. В каждой из ФТГ представлены две разновидности композиции: К1 — орнамент нанесен только на шейку, К2 — на шейку и плечики, ямки разделяют орнаментальный пояс на две зоны.

По узорам из рядов наклонных овальных вдавлений к ФТГ I, в которой этот признак имеет наибольший вес (таблица 1, 2), тяготеют еще два сосуда, дополнительно украшенные многозубым штампом в виде птичьей лапы, зигзага и горизонтальных линий (рис. 1, 6, 7). По форме шейки они относятся к А2 и Б. К рассмотренному культурно-типологическому комплексу следует, видимо, присоединить еще три сосуда (рис. 1, 4, 5, 8), хотя они не вполне соотносятся ни с одной из ФТГ комплекса. В то же время по узорам и технике их нанесения (печатные оттиски овального и прямоугольного двузубых и многозубого штампов, горизонтальные, наклонные, вертикальные мотивы, шеврон, простой и с заходящими концами зигзаг) наиболее вероятно принадлежность этих сосудов к ФТК III.

Таблица 1
Техника орнаментации сосудов
I, II, III формально-типологических групп, %

Группа	Гладкие вдавления	Каннелюры	Зубчатый штамп			Ямки	Итого
			многозубый	овально-двузубый	однозубый		
ФТГ I	47,4	24,6	17,7	—	—	10,3	100,0
ФТГ II	—	30,8	53,8	—	—	15,4	100,0
ФТГ III	—	21,3	34,4	22,9	6,7	14,7	100,0

Таблица 2
Мотивы в орнаменте сосудов
I, II, III формально-типологических групп, %

Группа	Ряд наклонных	Ряд горизонтальных	Зигзаг	Ряд вертикальных	Шеврон	Прочие	Итого
ФТГ I	46,3	34,3	13,7	—	—	5,7	100,0
ФТГ II	34,6	46,1	11,5	—	3,9	3,9	100,0
ФТГ III	19,7	47,5	19,7	4,9	6,6	1,6	100,0

Характерной отличительной чертой двух из них (рис. 1, 5, 8) является нанесение ямочного узора изнутри, по типу «жемчужин», распространенного в разновременных культурах Западной Сибири эпохи железа. По форме шейки последние три сосуда относятся к группе Б.

Помимо того, встречен сосуд с сильно утолщенной валикообразной подтреугольной шейкой ВЗ (рис. 1, 1), украшенный ямками, каннелюрами, печатным многозубым штампом, отступающими и печатными круглокрестовыми вдавлениями. В узорах, наряду с горизонтальным расположением элементов, применялась вертикальная группировка оттисков в треугольные фестоны.

Остальные сосуды поселения типологически довольно аморфны по отношению к выделенным трем ФТГ, не имеют очевидной связи с определенной территорией или культурой, их типологическая принадлежность должна решаться, видимо, отдельно в каждом конкретном случае и применительно к региону. К таковым относятся сосуды, украшенные только ямками (рис. 1, 10) и зубчатым штампом, простой ямочно-многозубой орнаментацией (рис. 1, 2), ямками в сочетании с клиновидными и неглубокими округлыми вдавлениями палочкой (рис. 1, 9).

Культурно-историческое и хронологическое место рассматриваемых керамических материалов определяется при обращении к культурам эпохи средневековья таежного Припечорья, Большеземельской тундры и Западной Сибири.

По форме и орнаменту сосуды ФТГ I поселения Море-ю (рис. 1, 6, 7; 2, 1—8) аналогичны керамике типа Бичевник I⁴, которая во многом определяла культурное своеобразие населения таежного Припечорья в середине I тысячелетия н. э., возможно, в V—VI вв. н. э.⁵ Сосуды ФТГ II (рис. 1, 11; 2, 11) находят ближайшие аналоги в керамике археологи-

ческих памятников таежного Припечорья⁶ и Большеземельской тундры⁷, являясь по общему стилю орнаментации типоморфным, возможно, более поздним вариантом керамики типа Бичевник. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие на керамике ФТГ II овальных вдавлений и появление на их месте наклонных многозубых оттисков.

Культурное положение керамики ФТГ III неоднозначно (рис. 1, 3, 4, 12; 2, 9, 10). По форме шейки (группа В), каннелированию, ямочно-зубчатому стилю орнаментации, композиции эта керамика наиболее близка посуде ФТГ II и в меньшей степени ФТГ I. Однако такие признаки, как преобладание сосудов с валикообразной шейкой (ВЗ), горизонтальные оттиски однозубого и многозубого штампа, и в особенности овально-двузубые оттиски, нанесенные в одном случае в манере, близкой отступающей технике (рис. 1, 12), зубчатый зигзаг с характерно заходящими концами (рис. 1, 4, 5), наличие «жемчужин» в орнаменте (рис. 1, 5, 8) выделяют керамику ФТГ III в особую культурно-типологическую группу. Большинство типобразующих признаков сосудов ФТГ III находят параллели прежде всего в глиняной посуде Большеземельской тундры и на п-ове Ямал, а некоторые из них — в керамике типа Бичевник.

Сосуд ФТГ IV (рис. 1, 1) по форме шейки и орнаментации имеет аналоги в той части керамики Большеземельской тундры, п-ова Ямал и Обского Крайнего Севера, которую следует рассматривать как керамику «субарктического» типа, имея в виду под этим термином ее наиболее вероятное происхождение и выраженную географическую приуроченность к тундровым и лесотундровым районам. На Печорской равнине единичные пункты с находками такой керамики тяготеют к приполярным районам крайне северной тайги.

«Субарктическая» керамика имеет гипертрофированно утолщенную валиком шейку; наряду с обычными круглодонными чашевидными сосудами найдены сосуды горшковидной формы с уплощенным дном и с кольцевым поддоном. В орнаменте распространены каннелюры, оттиски овального двух-, четырехзубого отступающего и печатного прямоугольного многозубого штампа, глядикие арочные оттиски, крутой зигзаг и горизонтальные оттиски многозубого штампа, своеобразная манера очень тесной постановки наклонных многозубых оттисков; на ряде сосудов прослежены узоры из фигурных штампов и вертикальные композиции. В числе характерных памятников с подобной керамикой следует указать стоянки Колвавис II и 26⁸, Падимейвис 2⁹, Коротайха 59 и 80¹⁰, Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (керамика II типа)¹¹. Типологические отличия внутри «субарктической» керамики объясняются, видимо, определенной культурно-хронологической и локальной вариабельностью типа, влиянием со стороны инкультурных традиций обского населения. Представляется, в частности, что в рамках «субарктического» типа может существовать керамика более раннего возраста, чем середина I тысячелетия н. э.

Острорезберный сосуд не сопоставим по форме с остальной керамикой поселения, хотя близок ей по узорам из наклонных и зигзагообразных линий оттисков многозубого штампа. Подобные формы вообще не типичны для лесной и тундровой зон европейского Северо-Востока. Они известны в могильниках VI—VIII вв. н. э. Среднего Приобья¹². Появление таких сосудов в Большеземельской тундре свидетельствует, возможно, о культурном влиянии или прямом проникновении обского, предположительно самодийского, населения на Крайний Север в середине I тысячелетия н. э. Подтверждением этому служит находка на поселении бронзовой личины, находящейся близкие параллели в позднекулайском культовом литье¹³.

Аналогии большей части керамики поселения в материалах V—VI вв. н. э. лесного Припечорья и V—VIII вв. н. э. Среднего Приобья

делают наиболее вероятной датой глиняной посуды памятника третью четверть I тысячелетия н. э. Такой датировке не противоречат хронологические рамки одновременного существования металлического инвентаря. Очевидная типологическая близость сосудов ФТГ I—IV, составляющих 88,1% керамики поселения, при наблюдаемой специфике их ареалов позволяет поставить вопрос о выделении на Печорской низменности во второй половине I тысячелетия н. э. особой археологической области, или общности родственного по происхождению населения, с двумя основными культурно-хозяйственными вариантами, дифференцированными на основе специализации в производственной сфере и по соотношению тех или иных этнокультурных компонентов. Первый вариант представлен керамикой типа Бичевник (ФТГ I, II), которая не имеет четкого ареала, что проявляется в интерзональном размещении памятников — они одновременно тяготеют к лесному Припечорью и Большеземельскому Заполярью. Второй вариант включает керамику «субарктического» типа (на поселении — ФТГ IV) и, возможно, сосуды ФТГ III, которые имеют выраженную тенденцию к локализации в тундровой полосе и лесотундре не только европейского Северо-Востока, но и обско-ямальского Севера.

¹ *Канивец В. И.* Отчет о работах I Печорского археологического отряда 1967 г. // Арх. АН СССР. Ф. 1. Оп. 13. № 161. С. 18; Материалы сборов хранятся в фондах сектора археологии ИЯЛИ КФАН СССР, № 383.

² *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 90, рис. 1, 65, 83.

³ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 59, 60, рис. 13, 5.

⁴ *Канивец В. И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар, 1965. Рис. 58—60; *Мурыгин А. М.* Поселения бичевского типа на Печоре и Вычегде и их место в истории североуральского населения // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. Рис. 3—4.

⁵ *Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья // Сыктывкар, 1984. С. 16; *Мурыгин А. М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984. С. 27, 28.

⁶ *Канивец В. И.* Канинская пещера. М., 1964. Рис. 43, 1, 4.

⁷ *Мурыгин А. М.* Хэйбидя-Пэдарское ... Рис. 15, 3; 16, 10.

⁸ *Чернов Г. А.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры // Тр. КИЧП. 1948. № 4, вып. 1. Табл. XI, 13—15; XII, 18—20; XVI, 51—59, 61, 62.

⁹ *Чернов Г. А.* Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985. Табл. 15, 1.

¹⁰ Там же. Табл. 14, 11, 21, 24, 28, 29; 15, 2, 6; 16, 14, 17—20.

¹¹ *Мурыгин А. М.* Хэйбидя-Пэдарское ... Рис. 13; 14; 15, 1, 2, 4—6; 16, 2, 11, 12, 16.

¹² *Чиндина Л. А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. С. 57, 59, рис. 36, 10; *Беликова О. Б., Плетнева Л. М.* Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. Томск, 1983. С. 91, рис. 55, 6; 104, 1.

¹³ *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. Табл. 12, 52.

Е. Н. РЯБЦЕВА, В. А. СЕМЕНОВ

АДАКСКОЕ ПЕЩЕРНОЕ СВАТИЛИЩЕ НА РЕКЕ УСЕ И ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПОЛЯРНОГО УРАЛА

Материалы, накопленные к настоящему времени арктической археологией, убедительно свидетельствуют об активном освоении заполярных областей Крайнего европейского Северо-Востока начиная еще с эпохи мезолита¹.

Определенное значение для реконструкции палеоэтнических процессов, протекавших на данной территории в донецкий период, имеют и археоло-

гические материалы Адакского пещерного святилища, расположенного на правом берегу р. Усы (правый приток Печоры), в Интинском р-не Коми АССР. Адакская пещера образовалась в скальных выходах гряды Чернышова, сложенной из косо поставленных известковых блоков, и как бы завершает цепь уральских пещерных святилищ. Она открыта и частично исследована В. И. Канивцом в 1969—1971 гг., обнаружившим 1892 предмета из камня, кости, глины, стекла и металла, отложившихся в святилище между финальным периодом эпохи бронзы и первыми веками II тысячелетия н. э.²

В 1984—1985 гг. авторами статьи закончено исследование памятника, определившее наибольшую сохранность лишь нижней части культурного слоя, насыщенного кремневыми, сланцевыми, костяными наконечниками стрел и керамикой. Материалы более позднего времени оказались вымытыми паводковыми и тальными водами и осели у подножия пещеры³. В целом коллекция из Адакского пещерного святилища составила около 1900 предметов (без остеологического материала), включающих 356 костяных наконечников стрел и несколько сотен их мелких обломков, 264 археологически выразительных кремневых наконечников стрел и более 200 их осколков, 3 сланцевых изделия, сосуд лебяжского типа, костяную пластину, 229 изделий из меди и бронзы, а также 362 предмета в обломках из проволоки и листовой меди, 117 железных предметов и их обломков, 11 изделий из серебра и 43 из стекла. Среди отдельных типов изделий выявляется следующее соотношение: бронзовая стрела — 1, медные пронызки различных типов — 42, лапчатые подвески — 5, бронзовые бусы — 41, бубенчики — 10, бронзовые бляшки — 9, фрагменты медных цепочек — 7, накладки — 57, обломки бронзовых зеркал — 3, серебряные монеты — 2, культовые изображения — 8. Железные изделия представлены различными типами и категориями: наконечники стрел — 2, иглы — 30, кольца (часть кольчужных) — 8, накладки — 2, пряжки — 1. Кроме того, в коллекцию вошли 43 стеклянные бусины различных типов⁴.

Естественно, что не все перечисленные предметы имеют четкую датировку и надежную культурную атрибуцию, поэтому для анализа нами привлечены лишь изделия, способные детализировать хронологию культурных остатков Адакского святилища и установить направления этнокультурных связей населения. Ранний этап функционирования Адакского святилища маркируется сосудом позднелебяжского типа, орнаментированным по венчику гребенчатым штампом и подчетыреугольными ямчатыми вдавлениями. Сосуд может быть датирован переходным периодом от финальной бронзы к раннежелезному веку (рис. 1, 35). Подобная керамика отмечена и на других пещерных святилищах Северного Приуралья⁵. К этому же периоду, очевидно, относится и фрагмент сосуда с прочерченным волнистым орнаментом (рис. 1, 34), находящийся в прямой аналогии на ряде стоянок Большеземельской тундры⁶. Кремневый инвентарь святилища представлен наконечниками стрел: ланцетовидными с округленным основанием (рис. 1, 4, 7, 10, 13, 14), вытянутыми, с прямым широким основанием (табл. 1, 8, 9), треугольными с прямым основанием (рис. 1, 6), имеющими широкий круг аналогий в памятниках поздней бронзы Беломорья, Большеземельской тундры, других пещерных святилищ Приуралья⁷. Характерно, что большинство обнаруженных в Адакской пещере наконечников стрел незакончены, лишь края некоторых из них были дополнительно подработаны пыльчатой регушкой (рис. 1, 15). Формы наконечников, близкие выше описанным, бытовали на данной территории в раннежелезном веке. К этому же времени относится, видимо, и основная масса шлифованных наконечников стрел из кости (рис. 1, 17—33) овального, ромбического и подтреугольного сечения с черешком, находящим

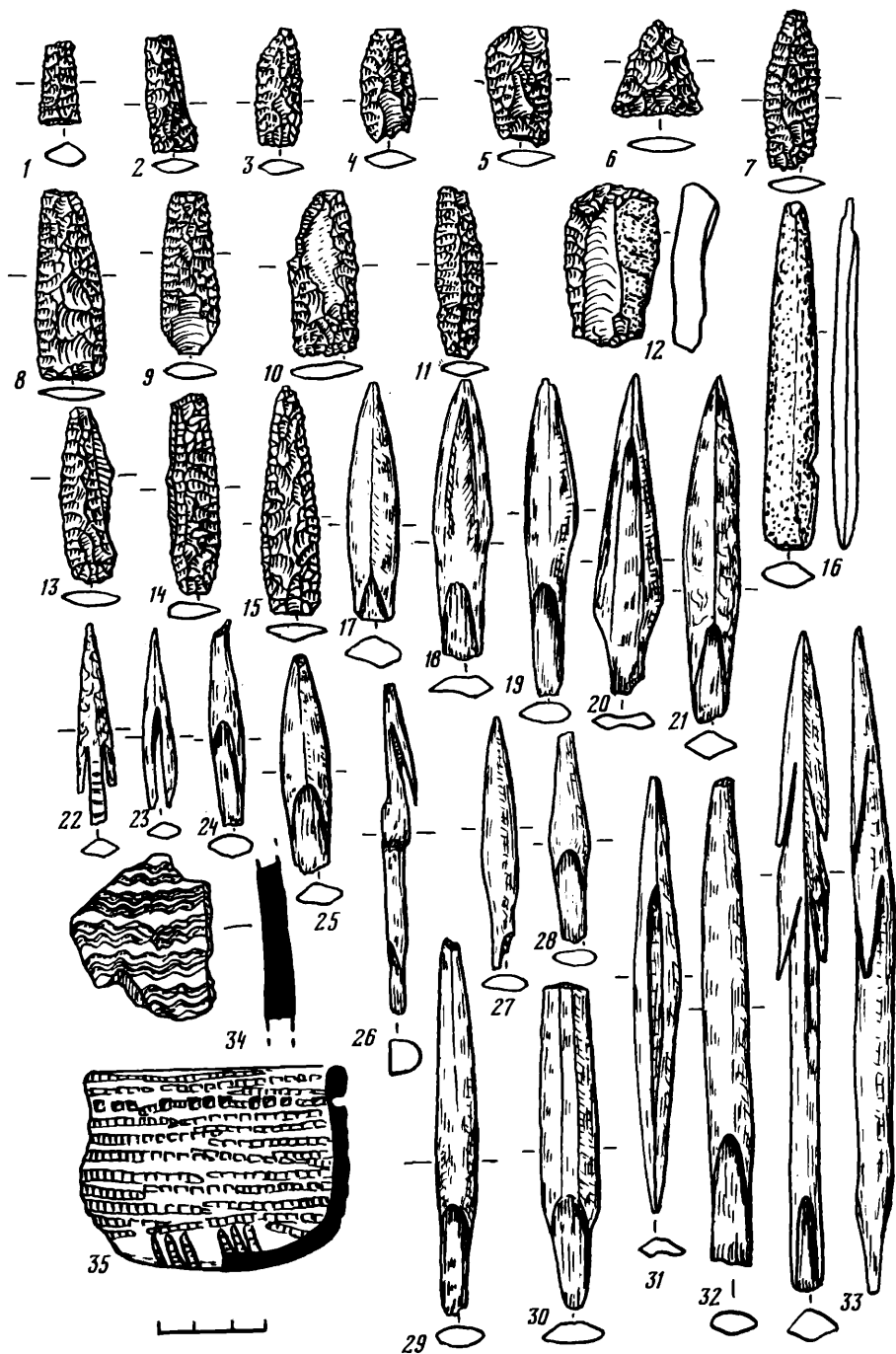

Рис. 1. Адакское святилище. Инвентарь раннего этапа
 1-15 — кремьнь; 16 — сланец; 17-33 — кость; 34, 35 — керамика

параллели в нижнем культурном слое Канинского пещерного святилища на Печоре⁸. Своеобразие же костяных изделий из Адакской пещеры определяется находками одно- и двузубых наконечников стрел, среди которых выделяется орудие явно votивного назначения (рис. 1, 26). В комплексе с кремневыми и костяными наконечниками стрел в нижнем культурном слое Адакского святилища было открыто и несколько сланцевых наконечников ромбического сечения, близких по форме орудию, обнаруженному Г. А. Черновым на стоянке Ярейтйская в Большеземельской тундре⁹. Функционирование святилища в конце I тысячелетия до н. э. может быть установлено по находкам предметов плоского литья, близких антропоморфным изображениям «древовидного» стиля из могильника Каменный Мыс и Степановского клада в Томском Приобье, датированных бронзовыми наконечниками стрел так называемого кулайского типа III—I вв. до н. э.¹⁰ Несмотря на то что адакские изображения отличаются значительно меньшими размерами, их идентичность подобным западно-сибирским древностям, на наш взгляд, подтверждается находками наконечников стрел кулайского типа в самом Адакском святилище¹¹. В кулайской культуре находит аналогии и обломок костяного наконечника стрелы, украшенного прочерченным вертикальным зигзагообразным орнаментом¹².

Следующий, наиболее достоверный период использования пещеры датируется по бронзовым украшениям, обнаруженным также на ранне-средневековых памятниках Прикамья и Западной Сибири. Так, среди древностей Прикамья V—IX вв. н. э. находят аналогии сильно стилизованные миниатюрные пронизки — «медведки»¹³. Бронзовая накладка геральдической формы с растительным орнаментом в центре и окантовкой по краю близка находкам на Балминском селище в Удмуртии, относящемся к азелинско-мазунинской группе памятников (узкая дата селища — середина VIII в.)¹⁴. К кругу ломоватовских якорьковидных накладок относится и обломок бронзовой накладки со шпеньком на обратной стороне, вероятное время существования которой конец VI—VII вв.¹⁵ К эпохе раннего средневековья следует отнести бронзовый поясной наконечник, состоящий из двух подпрямоугольных, несколько сужающихся к центру пластин с закругленными краями. Более ранним временем датируется л-образная накладку с тремя полусферическими выпуклинками на концах, находящая прямую аналогию в Старо-Кобановском могильнике (конец IV—V вв.) мазунинской культуры¹⁶. Труднее устанавливать хронологию кольцевых и скобообразных бронзовых пронизок, появляющихся в Прикамье в пьяноборское время¹⁷. Правда, в таких же широких пределах датируются и обнаруженные в святилище полусферические нашивки, конические и овально-выпуклые круглые бронзовые накладки с петелькой на обратной стороне, встречающиеся в Северном Приуралье, Западной Сибири и в Прикамье¹⁸. Нижняя граница бытования подобных предметов позволяет предположить возможность функционирования самого Адакского святилища еще в начале нашей эры. Этому не противоречит и находка на памятнике обломка бронзового зеркала с процарапанным изображением рыбы или морского животного, находящего аналогии в усть-полуйских древностях¹⁹. В течение почти всего I тысячелетия н. э. использовались треугольные трехлопастные черешковые наконечники стрел, но верхняя граница их бытования, определяемая IX в. н. э., не позволяет более определенно хронологизировать адакскую находку²⁰. Не поддаются узкой датировке и два предмета плоского литья: личина, вписанная в круг, и обломок изображения головы хищника, так как прямых аналогий этим находкам не известно²¹. Вероятно к VII—VIII вв. относятся стеклянные бусы²².

Целый ряд украшений: цилиндрические, бочонковидные, колесовидные

бронзовые бусы, трубчатые бронзовые пронизки, спиральные пронизки, перстнеобразные круглопроволочные бронзовые и серебряные височные кольца с заходящими и несомкнутыми концами, лапчатые привески (от шумящих подвесок) бытовали на памятниках лесной зоны европейской части СССР в конце I тысячелетия н. э. и в начале II тысячелетия н. э. В таком же диапазоне датируются и железные кольчужные кольца. В пещере зафиксирован набор украшений первой половины II тысячелетия н. э. Бронзовые бусы «флакончики» являются характерной особенностью юго-восточного Приладожья X — первой половины XI в.²³ Бронзовые цилиндрические бусы с тремя напаянными по краям и в центре полосками меди кроме вымской культуры встречены в курганах Ленинградской обл. и на памятниках древней корелы, датируются XII—XIII вв.²⁴

Умбоновидные бронзовые накладки с концентрическим круговым орнаментом обнаружены также в древнемордовском Лядинском могильнике, Петкойском и Кичилькоськом могильниках перми вычегодской²⁵. В погребении 6 Кичилькоського могильника 5 аналогичных бляшек составляли один комплекс с саманидской монетой, чеканенной при Нух ибн Насре в 942—953 гг.²⁶ Бронзовая накладка неправильной шестиугольной формы с пятью ромбическими выступами и шпеньком на обратной стороне имеет аналогию в Лоемском могильнике лузской пермцы, датированном Э. А. Савельевой XII—XIV вв.²⁷ В Ыджидельском могильнике перми вычегодской выявлены параллели бронзовой прямоугольной накладке с округлым держателем, полусферической бронзовой накладке со шпеньком на обратной стороне, накладке из оловянистой бронзы с личиной на щитке и крестовидным накладкам с насечками на лепестках²⁸. Широкий круг аналогий имеет крупная лапчатая бронзовая привеска подтреугольной формы, орнаментированная по краям и в центре ложной зернью. На европейском Северо-Востоке подобные привески известны в могильниках вымской культуры, где датируются XII—XIII вв. Возможно, что лапчатые привески, как и крестовидные накладки, шумящие подвески и трубчатые пронизки относятся к одному общеуральскому кругу древностей и время их бытования может быть сближено.

Привески-бубенчики представлены в Адакской пещере различными видами: грушевидный крестопрорезной с насечками в нижней части и едва заметными гранями в верхней (конец X — начало XII в.)²⁹; шаровидный с крестовидной прорезью в нижней части; с лопастями, орнаментированными двумя парами перекрещивающихся насечек X — XI вв.³⁰, известен в Приладожье и Владимирских курганах; конические бубенчики с нарезкой возле ушка и в нижней части; грушевидные гладкие с короткой шейкой, раздутым туловом и широкой прорезью; грушевидные с удлинённой верхней частью, напаянными полосками меди под ушком и над прорезью выявлены в могильниках вымской культуры и, по мнению Э. А. Савельевой, являются этнографической особенностью перми вычегодской³¹. Вероятно, к более позднему времени относится шаровидный бубенчик с пластинчатым ушком.

Фрагмент круглой привески из свинцово-оловянистого сплава с узором семилепестковой розетки по новгородской аналогии из слоя 20—30-х годов XIII в. (15-20-1186) и полоцкой находке из слоя 40—50-х годов XIII в. датируется тем же временем³². Косорешетчатые привески из оловянистой бронзы по новгородской хронологии относятся к последней четверти XII — середине XIV вв. и зафиксированы в Прибалтике, Костромской и Вологодской областях, Северном Приуралье как новгородский импорт³³. Обломок медного пластинчатого браслета, орнаментированного двумя линиями оттисков треугольного пуансона³⁴, по аналогии с новго-

родскими датируется X—XII вв. Уникальная серебряная пластина с позолотой и чернью, с орнаментом «плетенки» по краю. В вымской культуре они являются обкладкой деревянных наверший (рукоятей ножей?)³⁵. Но на адакской пластине имеется еще гравировка антропоморфного изображения с двумя солярными знаками. Важна половинка дирхема, чеканенного при Саманидах приблизительно в 914 — конце X в., и германского денария из Свера, изготовленного при герцоге Ордульфе (Оддо) в 1062—1073 гг.

Этническая принадлежность населения, длительно использовавшего Адакскую пещеру, не может быть достоверно определена. Следует лишь подчеркнуть западносибирские параллели на раннем этапе существования святилища и преимущественно северо-приуральские связи в эпоху средневековья. В то же время требует объяснения наличие большого числа параллелей находкам из пещерных святилищ и «кладов» с вотивными предметами бассейна Печоры, в памятниках арктической зоны Северного Приуралья как донецкого периода, так и начала II тысячелетия н. э. Возможно, такая близость объясняется формированием на Северном Урале специфического этнического пласта угро-самодийского происхождения с сильными «пермскими» этнокультурными связями в эпоху средневековья. Разумеется, подобный вывод не отрицает возможности одинакового семиотического статуса вещей, использованных в сакральных целях, в разнотнической среде.

- ¹ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985. С. 104—106.
- ² Канивец В. И. Изучение древностей Печорского Приполярья // АО 1969. г. М., 1970. С. 8—9; Канивец В. И., Логинова Э. С. Отчет о работе I Печорского археологического отряда в 1969 г. // Арх. КФАН СССР. Ф. 1. Оп. 13. № 198; Канивец В. И. Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1970 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 2. № 14; Он же. Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1971 г. // Там же. № 47.
- ³ Семенов В. А., Рябцева Е. Н. Разведки и раскопки в Коми АССР // АО 1984 г. М., 1986. С. 28—29.
- ⁴ Материалы раскопок Адакской пещеры в 1984—1985 гг. хранятся в музее археологии СГУ, коллекция № 23.
- ⁵ Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. С. 74, рис. 25, 7.
- ⁶ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников... С. 161, табл. 18, 29.
- ⁷ Канивец В. И. Канинская пещера. С. 52, рис. 15, 1—3, 6, 7 и др.; Чернов Г. А. Атлас археологических памятников... С. 146, табл. 3, 15, 19, 23.
- ⁸ Канивец В. И. Канинская пещера. С. 108, рис. 38, 1, 3, 5, 9, 10 и др.
- ⁹ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников... С. 152, табл. 9, 1.
- ¹⁰ Троицкая Т. Н. О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 152; Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск, 1977. С. 88, табл. 31, 14—20.
- ¹¹ Канивец В. И. Отчет о работе I Печорского археологического отряда в 1970 г. С. 23.
- ¹² Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. С. 83, табл. VII 1.
- ¹³ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 231, табл. XXIII, 26, 27.
- ¹⁴ Лещинская Н. А. Средневековое поселение на левобережье р. Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 35—43, табл. 1, 25, 26.
- ¹⁵ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура ... С. 219, табл. XI, 25, 26.
- ¹⁶ Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-кобановский могильник — памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов, 1986. С. 64—125, Табл. 13, 31.
- ¹⁷ Ашишмина Л. И., Клюева Г. Н. Икский могильник — новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века... С. 49, рис. 3, 33.
- ¹⁸ Там же. С. 49, рис. 3, 1, 2; Голдина Р. Д. Ломоватовская культура... С. 219, табл. XI, 14, 15; Великова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. Томск, 1983. С. 157, рис. 22, 11; С. 208, рис. 73, 6.
- ¹⁹ Чернецов В. Н. Бронза усть-полудийского времени // МИА. 1953. № 35. С. 155, табл. XIII, 1, 3.
- ²⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие: (Лук; стрелы, самострел, VIII—XIV вв.) // САИ. М., 1966. Вып. Е1—36. С. 59, табл. 30, 13.

- ²¹ «Хищники» из Истяцкого клада, опубликованного В. Н. Чернецовым имеют определенные стилистические отличия.
- ²² По предварительному заключению З. А. Львовой (Гос. Эрмитаж).
- ²³ *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 26, 27.
- ²⁴ *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии // МАР. СПб., 1896. № 20. Табл. XI, 14, 21; *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 89, рис. 15, 9.
- ²⁵ *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. СПб., 1893. № 10. Табл. III, 29.
- ²⁶ *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971. С. 37.
- ²⁷ *Савельева Э. А.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972. Табл. 19.
- ²⁸ *Савельева Э. А., Зеленский В. С.* Хронология погребальных комплексов Ыджыдзьельского могильника // Памятники материальной культуры на европейском северо-востоке. Сыктывкар, 1986. С. 106, рис. 4, 44, 47, 49, 53. (Тр. ИЯЛИ; Вып. 10).
- ²⁹ *Мальм В. А., Фелнер М. В.* Привески-бубенчики // Очерки истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 136 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- ³⁰ Там же. С. 134.
- ³¹ *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. С. 108.
- ³² *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 40—41, рис. 14, 12; *Штыгов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 69, рис. 34, 14.
- ³³ *Седова М. В.* Ювелирные изделия ... С. 42.
- ³⁴ Там же. С. 115.
- ³⁵ *Савельева Э. А., Зеленский В. С.* Хронология погребальных комплексов ... С. 102, рис. 3, 2.

В. В. ПИТУЛЬКО, М. М. ШЕСТОПАЛОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ПОЛЯРНОМ УРАЛЕ

Летом 1985 г. во время работ геологической экспедиции института Ленгипротранс на Полярном Урале, в среднем течении р. Лонгот-яган был собран археологический материал, происходящий, по-видимому, из жертвенника.

Река Лонгот-яган является одним из крупных левых притоков р. Обь в ее нижнем течении и впадает в нее восточнее г. Лабытнанги. Долина Лонгот-ягана имеет сложное геологическое строение, и ее слабовсхолмленный рельеф определяется сочетанием моренных отложений и задержанных дюн, образованных эоловыми отложениями.

Жертвенник был открыт случайно, во время шурфовки одного из моренных бугров при впадении в р. Лонгот-яган безымянного ручья, примерно в 130 км вверх по течению от места впадения Лонгот-ягана в Обь, на его левом берегу. Было установлено, что находки залегают в слоях глубиной до 20 см; собран подъемный материал, включающий бронзовые и железные изделия.

Всего обнаружено 28 предметов: 4 — из железа, 6 из белого металла (облужены или изготовлены из сплава с очень большой примесью олова), остальные — бронзовые, часто с заметной примесью олова, иногда свинца. Сохранность находок хорошая, несмотря на заметные различия в их возрасте. Собранные предметы (за исключением наконечников стрел) представляют собой комплекс украшений, выполненных различными способами литья. По-видимому, все они или большая их часть имеют местное происхождение.

Прежде всего отметим находку коньковой подвески (рис. 1, 1). Подвеска двуглавая, полая, с волнистым орнаментом по тулову, внизу 6 петель для шумящих привесок, две из которых сохранились, мордочка уплощена, имеет подпрямоугольные очертания, грива отсутствует, ушки переданы сканными колечками. Шумящие привески колоколовидные, подвешены на

Рис. 1. Предметы из жертвенника на р. Лонгот-яган

трехзвенной цепочке. Подобные коньковые подвески, литые по восковой модели, имеют очень широкое распространение и достаточно хорошо изучены. Л. А. Голубева относит такие украшения ко второму варианту третьего типа¹, Е. А. Рябинин — к серии ІВ XX типа². Достаточно стилистически близкими к нашей можно считать находки в Мутаюля, Малой Каменке³, Ага-Базаре⁴; географически наиболее близки находки на реках Пинеге⁵, Печоре⁶ и на р. Выми в Ыджыдельском могильнике⁷; большое число подобных находок сделано в Новгороде, где располагался один из центров их производства. Период бытования этих изделий охватывает время с конца XII до конца XIV в., но пик их производства и употребления приходится на XIII в.⁸ и, видимо, на основании имеющихся аналогий находку можно датировать указанным временем.

«Рогатая» шумящая подвеска изготовлена из белого металла, имеет прямоугольный щиток, декорированный имитацией сканых проволочек, «рога» обломлены, внизу располагалось шесть колечек для шумящих привесок (рис. 1, 2). Подвеска, идентичная данной, найдена в могильнике Уна-Пай на Оби⁹; близкие аналоги этим украшениям находят в бассейне р. Камы¹⁰. В. Н. Чернецов датировал подвеску из могильника Уна-Пай X—XII вв. (по комплексу сопутствующих находок)¹¹, А. А. Спицын, описывая коллекцию Теплоуховых, указывает, что «рогатые» подвески в различных вариантах существуют в XII—XIII вв., а их поздние формы и в XIV в.¹² Однако наша подвеска все же ближе к ранним вариантам таких изделий и, следовательно, для нее можно принять дату, предложенную В. Н. Чернецовым — X—XII вв.

Следующую группу предметов составляют полые подвески-уточка (рис. 1, 4, 5), отлитые в двусторонней форме: в обоих случаях хорошо сохранился литейный шов. Одна из них, выполненная из высокооловянистого сплава со значительной примесью свинца, имеет сплошное тулово с раковистой поверхностью (рис. 1, 4); вторая отлита из бронзы, имеет прорезное тулово, орнаментирована, на спине располагается отверстие для подвешивания (рис. 1, 5). Подобные находки встречены, например, в могильниках Ленк-Понк и Уна-Пай на Оби¹³ и датируются, по мнению В. Н. Чернецова, в первом случае IX—XIII вв., во втором — X—XIII вв.¹⁴

На рубеже I и II тысячелетий н. э. зооморфные подвески «постепенно отходят от реалистически трактованного прототипа и, принимая все более схематичные очертания, превращаются в ажурные колоколовидные привески», которые исчезают в начале II тысячелетия н. э.¹⁵ Именно к такому типу украшений относятся привести (рис. 1, 7, 8, 9), две из которых украшены стилизованным зооморфным изображением (рис. 1, 7, 8). Предметы, полностью аналогичные им, происходят из уже упоминавшихся могильников Ленк-Понк и Уна-Пай¹⁶.

Лапчатые подвески (рис. 1, 3, 6; 2, 1, 2), найденные на р. Лонгот-яган, выполнены в различной технике литья — по отпечатку, по утрачиваемой модели, в открытой односторонней форме. Определение хронологической позиции этой группы находок осложнено тем, что изделия такого рода имеют очень широкий период бытования. Две из них (рис. 2, 1, 2) отлиты из олова и имеют скорее всего позднее происхождение. Эта точка зрения подтверждает мнение В. Н. Чернецова о последовательности развития металлообработки в Нижнем Приобье, где металлургия меди и, возможно, железа исчезает в первой половине II тысячелетия н. э. и сохраняется только литье из олова¹⁷. Уверенно датировать имеющиеся находки, таким образом, невозможно, но дата от XV в. и позднее выглядит вполне реальной.

Две другие подвески (рис. 1, 3, 6) значительно интереснее. Для подвески, украшенной глазчатым декором на выступах «пальцев», можно указать аналогии как в материалах могильника Уна-Пай¹⁸, так и среди предметов, происходящих из тазовской бронзолитейной мастерской¹⁹ (к последним близка подвеска на рис. 1, 3). На основании этих аналогий по крайней мере одну из подвесок можно датировать X—XIII вв., что, по нашему мнению, подтверждают и даты других находок, приведенные выше.

Пронизки со вздутиями представлены несколькими видами (рис. 1, 10—13). Подобно коньковым и лапчатым, они имеют широкий ареал и бытовали в течение длительного времени. В частности, такие пронизки встречены в Прикамье²⁰ и в могильнике Уна-Пай на Оби, где датируются X—XIII вв.²¹

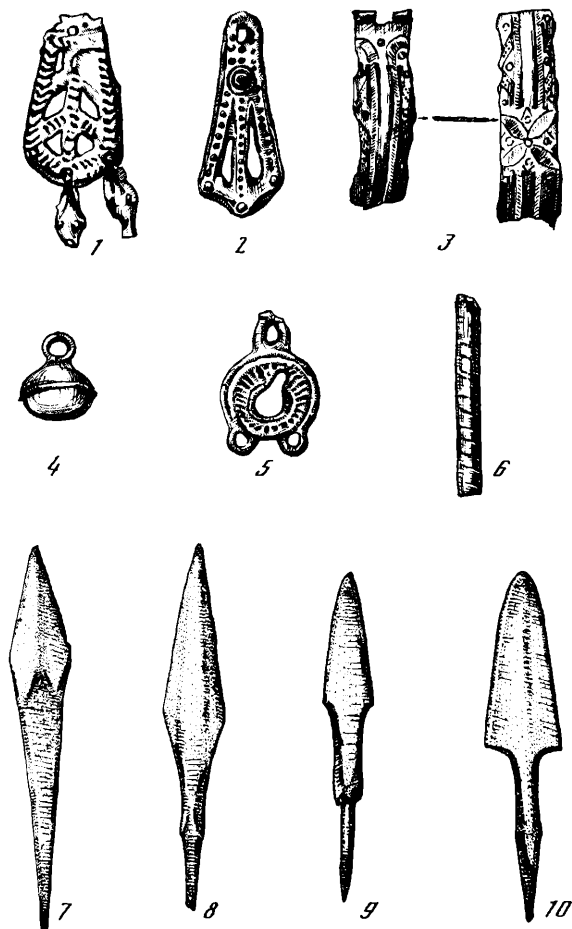

Рис. 2. Предметы из жертвенника на р. Лонгот-яган

Нашивные бляшки представлены в коллекции двумя вариантами (рис. 1, 14, 15). Крестовидные нашивные бляшки первого варианта широко известны в Западной Сибири — в могильниках Уна-Пай и Барсове городке, в Ликинском могильнике на р. Лозье, на зимовье Мамеева и материалах бронзолитейной мастерской в низовьях р. Таз, а также в ряде других пунктов. В. Н. Чернецов, определяя возраст таких украшений, отметил, что они «бытуют бесконечно долго»²². Л. П. Хлобыстин, датируя аналогичную находку из Тазовской мастерской, подчеркивает, что подобные бляшки употреблялись нганасанами до недавнего времени, однако «период их массового бытования укладывается в X—XIII вв.»²³ Второй вариант бляшек (рис. 1, 15) относится к типу нашивок-тройчаток, также найденных в тазовской мастерской, их можно было бы датировать XIII в. Однако, как и в случае с крестовидной бляшкой, однозначной датировке

этих предметов препятствует наличие явно более позднего комплекса находок (рис. 2, 1—10), с которыми они могут быть связаны, так как известно, что как одни, так и другие бытовали до сравнительно недавнего времени²⁴.

Однопрорезной бубенчик (рис. 2, 4), найденный на р. Лонгот-яган, принадлежит к древнерусскому типу подобных изделий; большое их количество было выявлено при раскопках Новгорода, где они встречаются в слоях XII—XIV вв. Но в отличие от древнерусских наш бубенчик не литой, а клепаный из двух половинок и, возможно, является местным подражением новгородским образцам.

Пластинчатый браслет (рис. 2, 3), украшенный довольно сложным чеканным орнаментом (розетка в центре, продольные полосы, по краям — зазагообразные полосы, точки), может быть определен XIII—XIV вв. на основании аналогий в курганных древностях Северо-Запада, где были встречены браслеты, декорированные с использованием таких же элементов орнамента²⁵.

Наконечники стрел (рис. 2, 7—10) — железные, кованые, практически идеальной сохранности. Все четыре наконечника принадлежат к черешковому типу, перо ромбовидное (в разных вариантах), у трех из них зафиксирован на черешке хорошо выраженный упор; в двух случаях перо наконечника с вогнутыми плечиками. Заметно выделяется наконечник с широким пером, имеющий ромбовидное, сильно уплощенное сечение (рис. 2, 8).

Наконечники, подобные открытым на р. Лонгот-яган, по данным А. Ф. Медведева, были широко распространены на территории Восточной Европы вплоть до конца XIV в.²⁶, но, судя по материалам Мангазеи, бытовали и в последующий период. Прямые аналогии с этими находками указать трудно. Уплощенные черешковые ромбические наконечники, близкие к наконечнику, представленному на рис. 2, 8, были встречены, например, при раскопках Мангазеи²⁷, где они датируются XVII в. Можно привести и этнографические параллели, демонстрирующие широкое распространение орудий такого типа у народов западносибирского Приполярья.

Что касается округлой бронзовой бляшки (рис. 2, 5) с отверстием в центре и петлями для привесок, то ее возраст из-за отсутствия точных аналогий может быть определен лишь условно в пределах X—XIV вв.

В этническом отношении комплекс находок с р. Лонгот-яган следует характеризовать как угорский в своей основе, хотя некоторые его элементы (крестовидные нашивные бляшки, нашивки-тройчатки) были широко распространены и в самодийской среде. Помимо угро-самодийских можно отметить и пермские (рогатые подвески, полое зооморфное литье) и, наконец, древнерусские (браслет, бубенчик) элементы. Последние наиболее интересны, так как выходят за рамки привычного круга аналогий (Нижняя Обь, Прикамье) и отражают контакты древнерусского населения с «Югрой и Самоядь», получившие развитие с XI в., а также могут быть связаны с началом русской колонизации Прикамья и Урала. Первые памятники, связанные с освоением этой территории, датируются в Прикамье концом XIII в.²⁸

Большинство представленных в коллекции изделий отличаются значительным периодом бытования. В целом же исходя из возраста группы узкодатированных предметов, время возникновения жертвенника можно отнести к началу II тысячелетия н. э., основной же период его функционирования явно охватывает XIII—XIV вв.

¹ Голубева Л. А., Варенов А. Б. Полые коньки-амулеты древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 234; Голубева Л. А. Зооморфные украшения финноугров // САИ. М., 1979. Вып. Е1—59. С. 11.

- ² *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // САИ. М., 1981. Вып. Е1—60. С. 35—36.
- ³ Там же. Табл. XXI, 2, 3, 6.
- ⁴ *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения ... Табл. 15, 6.
- ⁵ Арх. ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 1909. № 80.
- ⁶ *Находки В. А.* Русанова на Печоре // ВОЖМ. Кол. 988/6.
- ⁷ *Савельева Э. А.* Археология Коми АССР. Сыктывкар, 1984. Рис. 19, 20.
- ⁸ *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения ... С. 42—43.
- ⁹ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. 1957. № 58. Табл. XIV, 9.
- ¹⁰ *Спицын А. А.* Древности каской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб., 1902. № 26. Табл. XIII, 8; XXXII, 8, 15.
- ¹¹ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье ... С. 230.
- ¹² *Спицын А. А.* Древности камской Чуди ... С. 40—41.
- ¹³ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье ... Табл. XXIX, 19—24; XV, 30.
- ¹⁴ Там же. С. 202.
- ¹⁵ Там же. С. 230.
- ¹⁶ Там же. С. 202, табл. XXIX, 25—28, 29—34; XV, 31.
- ¹⁷ Там же. С. 243.
- ¹⁸ Там же. Табл. XIV, 5; XV, 3.
- ¹⁹ *Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.* Древняя «ювелирная» мастерская в западно-сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1979. Рис. 2, 19, 20.
- ²⁰ *Спицын А. А.* Древности камской Чуди ... Табл. X, 24—27.
- ²¹ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье ... Табл. XXXII, 5—8.
- ²² Там же. С. 181.
- ²³ *Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.* Древняя «ювелирная» мастерская ... С. 255.
- ²⁴ Там же. Рис. 2, 1, 4.
- ²⁵ *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии // МАР. СПб., 1896. № 20. Табл. XIII, 29, 32.
- ²⁶ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие: (Лук и стрелы, самострел, VIII—XIV вв.) // САИ. М., 1966. Вып. Е1—36.
- ²⁷ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазей. Л., 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Табл. 67, 8, 9.
- ²⁸ *Оборин В. А., Балащенко Л. А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Прикамья // Учен. зап. Перм. ун-та. 1968. Т. 191. С. 43, 44.

Л. П. ХЛОБЫСТИН, г. М. ЛЕВКОВСКАЯ

КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ТАЙМЫРА И ИХ ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ (по материалам многослойного поселения Усть-Половинка)

В 1972 г. в западной части п-ова Таймыр на р. Пясины, около устья ее левого притока — р. Половинки, Заполярной экспедицией ЛОИА АН СССР были произведены раскопки многослойного поселения, получившего наименование Усть-Половинка, занимающего одно из выдающихся мест среди памятников Евразийской Арктики. Специфические условия осадко-накопления создали возможность для сохранения в его песчаных напластованиях пяти стратифицированных культурных слоев эпохи железа, а также законсервировали угли и палинологические остатки, которые позволили получить радиоуглеродные определения возраста наслоений и характеристику изменений климата и растительности, происходивших в I тысячелетии до н. э. — II тысячелетии н. э.

Поселение находится на береговом валу, сложенном в основании тонкими аллювиальными прослойками песка. В них были вырыты котлованы четырех полуземляных жилищ, относящихся, судя по радиоуглеродным датам, к первой половине — середине I тысячелетия до н. э. После гибели

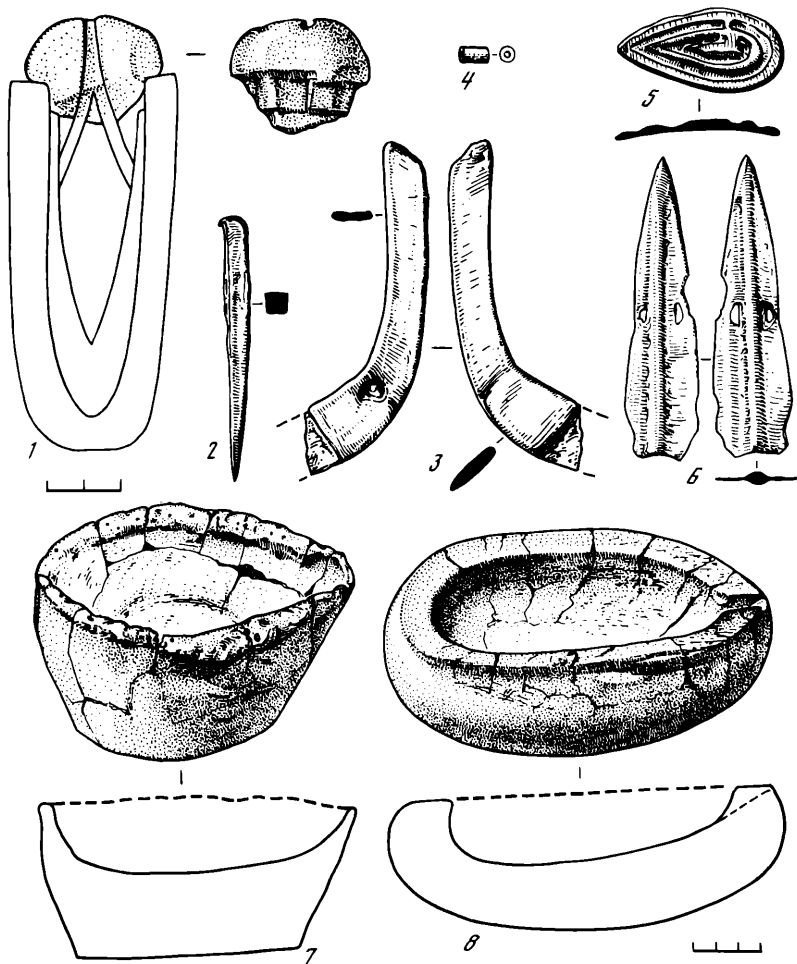

Рис. 1. Изделия пясинской культуры с поселения Усть-Половинка

1, 7, 8 — керамика; 2, 3, 5, 6 — металл; 4 — паста

жилищ гумусно-углистые прослойки полов с культурными остатками оказались погребенными землей с крыш и обломками верхних частей осыпавшихся стенок. Затем углубления на месте котлованов стали заполняться эоловыми слоистыми песками с частыми прослойками погребенных почв. С четырьмя прослойками почв связаны культурные слои, из них три имеют радиоуглеродные даты. Толщина напластований на местах котлованов от 0,8 до 0,91 м. поскольку стратиграфические разрезы четырех раскопов однотипны, характеристика стратиграфии может быть дана в виде сводного разреза:

1. Современный дерново-почвенный слой из серого песка, толщина 2—5 см. 2. Серые пески иногда с прослойкой другого цвета, толщина 15—20 см. 3. Темно-серый гумусированный песок, I погребенный почвенный слой, сильно деформированный криогенными процессами, толщина 2—7 см; от него спускаются мерзлотные клинья, нарушающие нижележащие напластования. 4. Светло-серые и коричневатые слоистые пески, толщина 5—16 см. 5. Серый гумусированный песок и связанная с ним

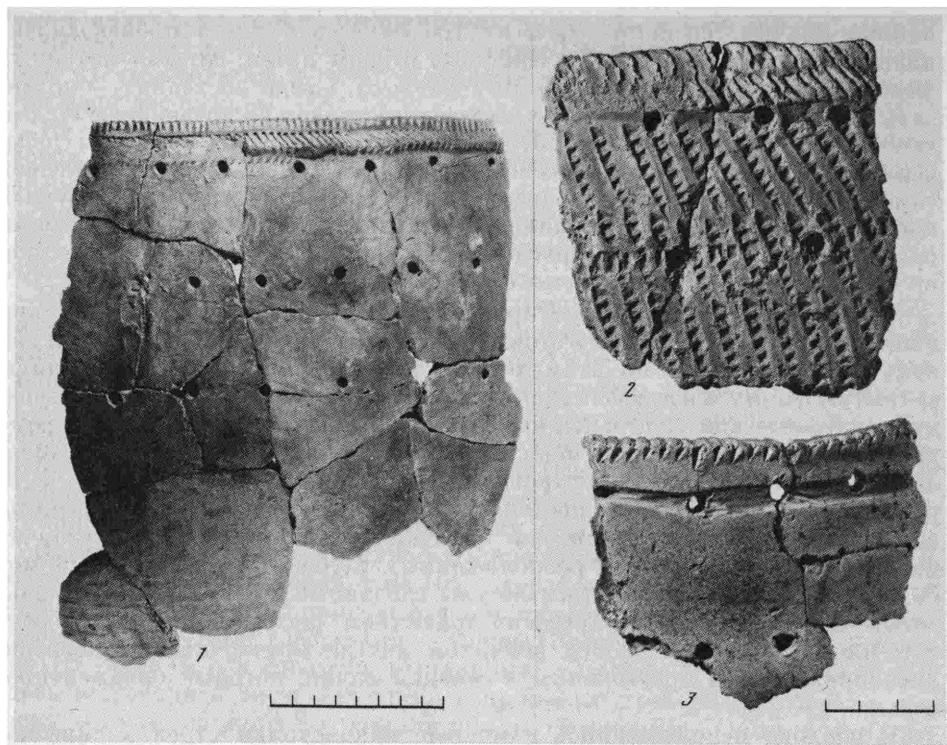

Рис. 2. Керамика пясинской культуры с поселения Усть-Половинка

углистая прослойка I культурного слоя всех раскопов, толщина 3—9 см — дата 920 ± 100 ЛЕ — 1148. 6. Пачка слоистых песков с тонкими прослойками погребенных почв, толщина 11—22 см; с ней связана углистая прослойка II культурного слоя, I, III и IV раскопов — дата 1660 ± 180 ЛЕ—1102. 7. Гумусная или углистая прослойка, являющаяся II культурным слоем I раскопа и I культурным слоем II раскопа, толщина 8—12 см, дата — 2100 ± 50 ЛЕ—1147. 8. Пачка желтых и коричневатых слоистых песков с прослойками погребенных почв, толщина 16—36 см; с ней связана углистая прослойка, являющаяся II культурным слоем II раскопа. 9. Темный или пятнистый песок, заполняющий котлованы жилищ, по-видимому, образовавшийся из дерна покрытия жилищ и осыпи стенок; толщина в центре котлованов от 3 до 6 см, значительно увеличивается к краям котлованов. 10. Углистые прослойки, отмечающие полы жилищ и являющиеся IV культурным слоем I, II и IV раскопов и III культурным слоем III раскопа, имеют даты 2830 ± 70 ЛЕ—1104, 2490 ± 100 ЛЕ—1146, 2440 ± 90 ЛЕ—1149 и 2290 ± 100 ЛЕ—1103.

На основании находок из культурных слоев Усть-Половинки, дополненных материалами других таймырских стоянок, были выделены три культуры: пясинская, малокореннинская и усть-половинкинская.

К пясинской культуре относятся отложения на дне котлованов жилищ и III слой II раскопа Усть-Половинки. По радиоуглеродным определениям эта культура датируется VIII—III вв. до н. э. Носители пясинской культуры были охотниками на северных оленей, занимались рыбной ловлей, а также являлись бронзолитейщиками и изготовителями железных орудий. В жилищах Усть-Половинки найдены круглодонные тигли и плоско-

донные льячки (средний объем их 120 см³), в которых производилась плавка бронзы (рис. 1, 7, 8), обильные отходы литья, остатки литейных форм и бронзовые изделия (рис. 1, 1—3, 5, 6). Среди последних — коленчатый нож с бронзовой ручкой и железным клинком — древнейшее железное орудие в Арктике (рис. 1, 3). Металлурги пясинской культуры добывали медь на юге Таймыра: из месторождения Норильск I и из залежей самородной меди на плато Хараелах. В качестве лигатур использовали мышьяк, сурьму, висмут и свинец, доставлявшиеся из дальних районов. В пясинской металлургии прослеживаются западносибирские традиции, но ее бронзовые изделия имеют своеобразный облик.

Керамика (рис. 2) сочетает признаки западносибирских керамических комплексов с принципами изготовления, характерными для ымяхтахской культуры, проникшей на Таймыр из Якутии. Горшки имели яйцевидную закрытую форму и изготовлялись способом выбивания, от которого оставались рубчатые или вафельные отпечатки на поверхности сосудов. Кроме дресвы, в качестве примеси использовались и шерсть животных. Украшали край венчика и верхняя треть горшков. Орнамент состоял из 2—4 горизонтальных рядов плотно поставленных отпечатков гребенчатого штампа или линий наколов отступающей палочки. Типичным является узор из нескольких поясков редко расположенных глубоких ямок, который мог быть основным или наноситься на уже сделанные гребенчатые и накольчатые орнаменты, что свойственно традициям западносибирской гребенчато-ямочной керамики. Под венчиком иногда прочерчивался желобок, либо прилеплялся треугольный в сечении валик, который орнаментировался.

В обиходе использовались каменные наконечники стрел и скребки, появились грубые орудия из галек, подобные палеолитическим чопперам и чоппингам.

В целом пясинская культура предстает как возникшая на стыке двух больших историко-культурных регионов, западносибирского и восточносибирского, в результате слияния культур, созданных различными этническими группами.

Малокореннинская культура является продолжением развития традиций пясинской культуры. Как и памятники последней, ее стоянки обнаружены только по берегам р. Пясины. В напластованиях Усть-Половинки материалы залегают в 2 культурных слоях, радиоуглеродные даты которых определяют время ее существования концом III в. до н. э. — III в. н. э.

Керамика малокореннинской культуры отличается от пясинской увеличением числа налпных валиков, небрежностью нанесения орнамента, заглаженностью поверхности, увеличением примеси дресвы и почти полным отказом от применения примеси шерсти. Заметна деградация в технике обработки каменных орудий. Продолжается бронзолитейное производство, началось изготовление кованых железных ножей.

В первых культурных слоях поселения выявлена керамика, названная усть-половинкинской. Горшки имеют четко выраженную вогнутую горловину, округлое тулово и уплощенное дно. Стенки их тонкие и хорошо заглаженные. Сосуды украшены расположенными на горловине и плечиках рядами тонких треугольных налпных валиков. По радиоуглеродной дате время существования этого типа керамики определяется X—XII вв. н. э. Такая керамика найдена и на стоянках рек Дудыпта и Хета. Ее появление на Таймыре может объясняться влиянием культур Якутии и Эвенкии, где сосуществовали аналогичные образцы. Возможно, подобная керамика изготовлялась древними тунгусами.

На раскопе II была взята колонка из 21 образца для спорово-пыль-

цевого анализа, с целью установления динамики изменений климата и растительности в период с первой половины I тысячелетия до н. э. до середины II тысячелетия н. э. В настоящее время поселение расположено в подзоне лесотундры.

На спорово-пыльцевой диаграмме разреза разграничивается 12 палино-подзон, отражающих тенденции изменения растительности, обусловленные определенным сочетанием эдафических и климатических факторов.

Времени формирования аллювия, залегающего в основании разреза, а также осадков, непосредственно его перекрывавших, соответствуют две подзоны (12, 11).

Вначале (подзона 12) облесенность территории была значительной. Позже площади лесов сократились (в спектрах подзоны 12 содержание пыльцы древесных пород — 44%, подзоны 11 — 3—15%). Резко возросли площади зеленомошных болот (в осадках подзоны 12 спор насчитывается 37%, подзоны 11 — 57—99%, доминируют очень мелкие споры зеленых мхов). Большое распространение (нижний максимум) получили группировки, образованные березой тощей (*Betula exilis* Sukacz.), которая в настоящее время наиболее широко распространена в подзоне южных кустарниковых тундр и в северной части полосы редколесий.

Во время формирования нижних культурных слоев поселения (верхи подзоны 11; литологический слой 10) водоразделы были заняты моховыми гипновыми болотами. Ерниковые формации, образованные ольховником (*Alnus fruticosa* Rupr.), березами — тощей (*Betula exilis* Sukacz), карликовой (*B. nana* L.) и другими растениями, тяготели к склонам долины. Здесь встречались лиственничники с примесью древовидной березы, изредка — луга, на которых доминировали гвоздичные, росли злаки, валерьяна, капустные, астровые и прочие растения. Облесенность территории была невелика.

По палинологическим данным сокращение лесов и распространение болот началось еще до формирования нижних культурных слоев и продолжалось позднее. Оно было вызвано похолоданием климата и связанным с ним уменьшением мощности сезонно-талого слоя на водоразделах. Данная климатическая осцилляция имела место в районе поселения около 2500 лет назад. Она коррелируется с фазой ухудшения климата, которая получила радиоуглеродные датировки около 2500—2400 лет назад в разрезах Большеземельской тундры¹, ЭССР² и ЛатвССР³. Помимо климатического фактора на древесной растительности, по-видимому, губительно сказывалась и деятельность древнего населения.

Во время формирования культурного слоя IIa раскопа III (контакт литологических слоев 8 и 9), а также слоя 9 произошло некоторое улучшение климата (низы палинозоны 10). Это привело к сокращению площади моховых болот и распространению группировок, образованных цветковыми травянистыми растениями (осоками, капустными, бобовыми, злаками). В районе появилась ель (в спектрах насчитывается до 10% пыльцы ели).

Слой 8, разделяющий культурные слои IIa и II, образовался в фазу понижения летних температур, в спектрах (образец 15) появилось много недоразвитой пыльцы. Доминировали сначала (верхи подзоны 10) ценозы, образованные различными травяно-кустарниковыми растениями. Позже (подзона 9a) возросли площади моховых болот и березняков, уже не росла ель, почти исчезла лиственница. Это похолодание отмечалось в нашем районе ранее 2100 ± 50 лет, во многих районах земного шара — около 2200 лет назад.

Новое улучшение климата (подзона 9b) — время образования культурного слоя II (литологический слой 7). Началось сокращение ерниковых

формаций, образованных карликовой березкой, распространение лиственничников, осоковых болот и разнотравных (синюха, гвоздика, крупка) лугов. Осадки, разделяющие культурные слои II и I, сформировались в оптимуме этого потепления. Зафиксировано дальнейшее сокращение ерниковых формаций, максимальное распространение в районе лиственничников сначала (зона 8) толокнянковых, позже (палинозона 7) лиственничников разнотравных и даже ельников (в спектрах насчитывается до 37% пыльцы ели). Сейчас ближайшее местонахождение ельников удалено от района более чем на сотню километров. С этим же потеплением связан в раскопе I культурный слой II с датой по C¹⁴: 1660±180 лет. Потепление с экстремумом около 1700 лет назад отмечалось глобально⁴.

Слой 5 (палинозона 6) формировался в фазу наибольшего распространения ценозов увлажненных местообитаний (болота, поймы), образованных кустарниковой ольхой. Уменьшилась облесенность территории (содержание пыльцы древесных пород и кустарников по сравнению с предыдущим этапом сократилось с 52 до 30%). В районе почти полностью исчезла ель. Значительное распространение получили травянистые группировки с господством гвоздичных и пестрого разнотравья (синюха голубая, бобовые, крупка, армерия, камнеломка, грушанка, капустные, горец, астровые, багульник, яснотковые, плауны и др.). На болотах росли осоки и карликовая березка. В долине встречались лиственничники и заросли карликовой ольхи. В это время климат был несколько холоднее и влажнее, чем в предшествующий этап. I культурный слой, имеющий дату 920±100, формировался уже после экстремума данного похолодания (верхи палиноподзоны 6; конец похолодания — начало потепления).

Этот культурный слой перекрыт отложениями слоя 4, образовавшимися в фазу наибольшего за весь рассматриваемый период облесения (в спектрах палиноподзоны 5 насчитывается до 75% пыльцы древесных пород). В это время ерниковые формации занимали небольшие площади. В лиственничниках с примесью ели и древовидной березы, возможно, произрастали также сосна, кедр сибирский, изредка встречалась пихта, северный предел распространения которой в настоящее время — южная часть подзоны северной тайги. Под пологом леса господствовали грушанки, медвежье ушко, разнотравье. Эта фаза заметного смещения ареала пихты к северо-востоку и значительного улучшения климата соответствует потеплению, отмечавшемуся повсеместно около 1000 лет назад и получившему название «малый климатический оптимум» или «время викингов», когда среднегодовые, среднеиюльские и зимние температуры были выше современных. Данное потепление закончилось около 800 лет назад⁵.

Начало нового похолодания зафиксировано по образцам, отобранным из ярко выраженной пачки погребенных почв (слой 3), от кровли которой вниз идут мощные мерзлотные клинья. Аналогичные пачки погребенных почв с криогенными деформациями обнаружены на таймырских стоянках (Тагенар VI и др.) и поселении Мыс Входной I в проливе Югорский Шар, где такая пачка формировалась позднее 1080±40 и 1010±40 (JЕ—4051, 2537) лет. Уже в низах слоя 3 в спектрах возросло содержание спор зеленых мхов, сократилось количество пыльцы древесных пород. С этого уровня на диаграмме начинается выклинивание кривых пыльцы ели, сосны, кедра сибирского, пихты, подъем кривых пыльцы ольховника, березы тощей, сокращение количества пыльцы вересковых. В образце из кровли пачки уже нет пыльцы пихты, почти нет и ели — 2%. Это похолодание соответствует малой ледниковой эпохе. Климат ее не был однородным. Исследователями фиксируется 2 или 3 потепления с температурами не выше современных. Наиболее резкое понижение летне- и среднегодовых температур отмечалось 250—300 лет назад.

Данные по поселению Усть-Половинка указывают на синхронность изменений климата позднего голоцена Западного Таймыра и европейской части СССР. Тесинская культура существовала в период похолодания, но все последующие культурные слои Усть-Половинки связаны с начальными фазами потепления.

¹ Климанов В. А., Никифорова Л. Д. Изменения климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // ДАН СССР. 1962. Т. 267, № 1. С. 164—167.

² Климанов В. А., Кофф Т. А., Пуннинг Я.-М. К. Климато-стратиграфическое расчленение субатлантических отложений болота Нигула (юго-запад Эстонии) и восстановление палеоклиматических условий на основе спорово-пыльцевых данных // Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллин, 1981. С. 117—129.

³ Левковская Г. М. Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига, 1987.

⁴ Борзенкова И. И., Зубаков В. А. Глобальный тренд температур и осадков за последние 20 тысяч лет // Исследование изменений климата и влагооборота. Л., 1986. С. 91—106.

⁵ Lamb H. H. Climate present, past and future. L.; N. Y., 1970. V. 2. P. 833.

А. И. САКСА

ПРИПОЛЯРНАЯ ФИНЛЯНДИЯ НА РУБЕЖЕ I И II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ Н. Э.

Изучение археологических памятников Северной Финляндии¹ важно в связи с исследованиями древних культур в приполярной зоне европейской части СССР². Данная статья посвящена анализу этих памятников, а точнее материалов периода IV—VIII вв., представленного лишь случайными и единичными находками.

В IV в. до н. э. в Северной и Восточной Финляндии прекращается изготовление керамики и выплавка металла в связи с тем, что при резком увеличении спроса на пушнину местное население, специализируясь на пушной охоте, стало приобретать необходимые предметы, включая металлическую посуду, у приезжих купцов³.

В течение IV—VIII вв. поступление на север Финляндии иноземных металлических изделий увеличивается. К находкам этого времени можно отнести фрагмент бронзовой посеребренной гривны из Нимисярви (IV в.), великолепно выполненную фибулу из Рованиеми-Алаярви (IV в.), ажурную круглую фибулу из Калаёки-Этелянкюля (VII—VIII вв.), трехбусинную подвеску из Соткамо-Киулуниеми и литейную формочку для изготовления привесок из Суомуссалми-Путика. Помимо украшений найдено около 20 блоковидных каменных кресал III—VII вв., втульчатые топоры IV—VIII вв. (6 экз.), ранние проушные топоры VII в. с расширяющимся книзу лезвием (3 экз.), топоры типа С, по Я. Петерсену, датируемые концом VII — началом IX в. (7 экз.), наконечники копий IV—VIII вв. (8 экз.), боевые ножи (3 экз.). Три из перечисленных выше — предметы вооружения: проушный топор с узким лезвием, черешковый наконечник копья и боевой нож были выявлены в Калкониеми-Кемиярви в одном месте, возможно, в погребении, совершенном около 700 г.⁴ Приведенные данные свидетельствуют, что традиционные восточные связи ослабевают, но не прекращаются. Это подтверждает находка трехбусинной привески и литейной формочки. Оружие и орудия труда стали поступать из соседних областей Северной Норвегии и Юго-Западной Финляндии. Начинается приток украшений из названных стран. Примечательно, что в Северной Финлян-

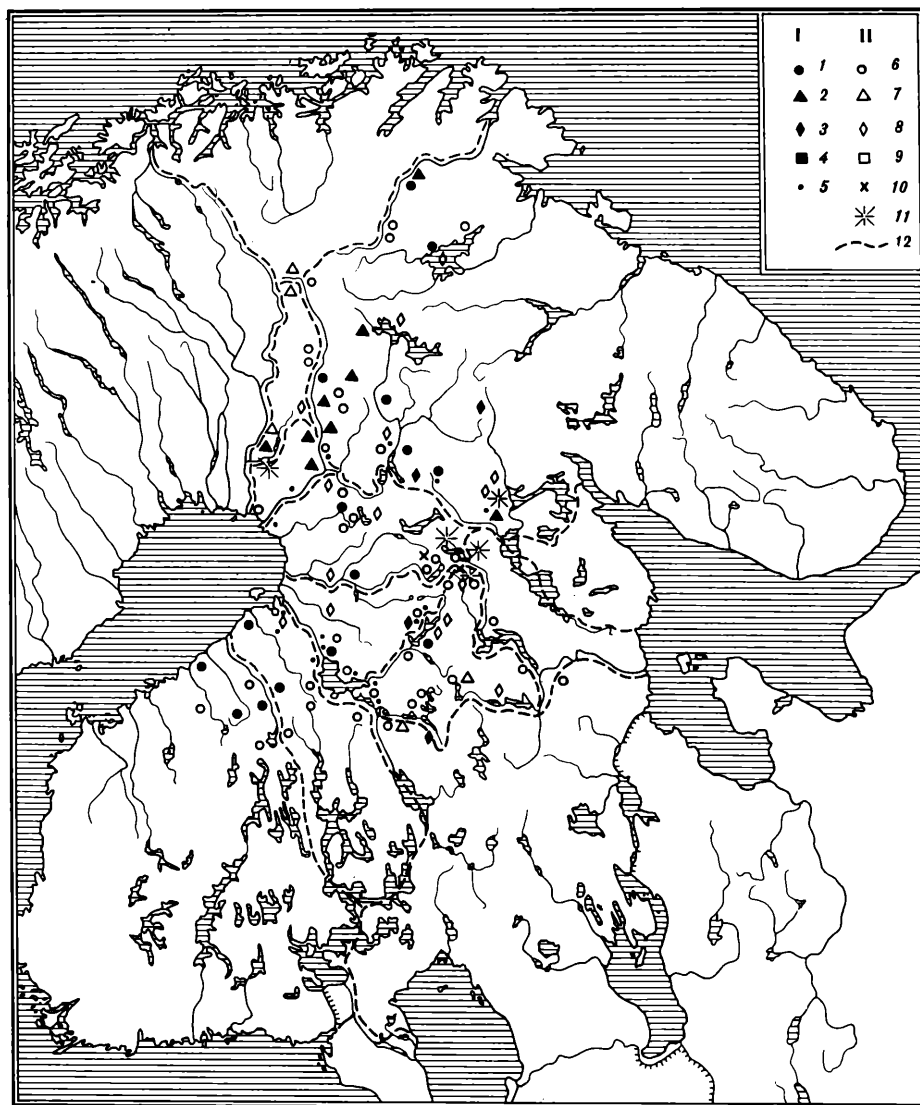

дии скандинавские и финские (прибалтийско-финские) вещи IV—VIII вв. распространены в различных районах. Первые в основном найдены в бассейне р. Оунасёки на северо-западе рассматриваемой территории, а вторые равномерно встречаются по всей остальной Северной Финляндии (рис. 1)⁵. Характер и распространение вещей IV—VIII вв. указывают на возникновение промысловых и торговых поездок на север жителей более южных областей. Они сопровождались переходом местного населения от замкнутого сугубо потребительского охотничье-рыболовного хозяйства к промысловому, как наиболее отвечающему новым потребностям⁶. Первоначально торговля основывалась, по-видимому, на прямом обмене пушнины на изделия из металла. Происходить такой обмен мог на перекрестках путей в удобных и заранее определенных местах.

Представляется, что начиная с этой эпохи можно говорить о существовании двух культур на севере Финляндии: культуры южных торговцев-скупщиков мехов и культуры местного населения. Отражением первой может служить комплекс предметов вооружения из Кемиярви-Калкониemi. Эта материальная культура представлена предметами, необходимыми в длительных торговых поездках: копьями, топорами, ножами, кресалами, предметами обмена (серебро и др.). Традиционная культура аборигенного населения исследована очень слабо⁷. Промысловая культура охотников, втянутых в сферу пушной торговли, все более сближается с культурой пришлых торговцев, заимствуя у последних предметы вооружения и охоты.

Комплекс находок, относящихся к позднему железному веку (IX—XIII вв.), более представительен (182 предмета)⁸. Значительная часть их происходит из нескольких приходов, расположенных на водных путях, соединяющих Ботнический залив с Белым морем и с более южными областями, а также с оз. Ладогой. Это приход Суомуссалми, где открыто около 40 предметов IX—XIII вв., Куусамо — 40 (30 из которых происходит из кладов) и монетный клад XI в. (около 400 серебряных монет, большей частью немецких, а также 3 англосаксонских, 8 датских и 2 арабских), Салла — 22 (из них 18 предметов входит в состав клада начала XII в., в котором были 174 серебряные монеты, также главным образом немецких, 10 английских и 4 датских)⁹. На остальной территории найдены единичные вещи IX—XIII вв. (рис. 1). Анализируя эти данные, можно прийти к выводу, что наибольшее число изделий зафиксировано в области Кайнуу и в бассейнах рек Ийёки и Кемиёки, служивших кратчайшим водным путем из Ботнического залива в Белое море. Кроме того, район Кайнуу является узловым и при следовании более южным путем из Ботнического залива через р. Оулуёки, оз. Оулуярви, затем по р. Эмяёки, через оз. Куйттиярви на р. Кемь и в Белое море. Этот же путь имеет выход через оз. Пистоярви на более северные водные пути¹⁰.

Основной археологический материал на рассматриваемой территории представлен кладами и отдельно найденными вещами. Поселений исследовано очень мало; на некоторых из них выявлены и средневековые слои. Погребений установлено только два, оба женские. Одна могила открыта в Юнтусранта-Миконсяркия, вторая в Перанга-Кивисаари. Датируются эти трупосожжения соответственно X в. и около 1100 г. На месте захоронений не зафиксировано никаких явных внешних признаков, оба найдены случайно и археологам достались в потревоженном состоянии¹¹. Находящиеся в них вещи по мнению финских археологов имеют западнофинское происхождение. В первом погребении встречены три круглые ажурные привески и один фрагмент четвертой, бронзовые и спекшиеся в огне пастовые мозаичные бусины, бронзовые спиральки, кальцинированные косточки. Вторая могила содержала три подковообразные фибулы (одна сереб-

Рис. 1. Археологические памятники Северной Финляндии

I. Относящиеся к эпохе раннего металла: 1 — вещи прибалтийско-финского происхождения; 2 — скандинавские; 3 — карельские и другие восточные; 4 — поселения; 5 — блоковидные каменные кресала; II. Относящиеся к IV—XIII вв.: 6 — вещи прибалтийско-финского происхождения; 7 — скандинавские; 8 — карельские и другие восточные; 9 — поселения; 10 — погребения; 11 — клады; 12 — торговые пути (по М. Хууппе: Huurre M. Pohjois — Pohjoismaan ja Lapin esihistoriä. S. 432; K. Юлку: Julku K. Kvenland-Kainunmaa. Oulu, 1986. S. 79)

ряная) ромбического сечения с уплощенными гранчатыми головками, обрывки бронзовых цепочек, нож и ножны с бронзовыми обкладками, овальное кресало, два кусочка кремня, обломки ложки и гребня из кости. Неподалеку, в 3—4 м от указанного захоронения, обнаружены два топора¹².

Среди одиночных находок украшений преобладают подковообразные

фибулы (около 30 экз.). Представлены все наиболее употребляемые в X—XIII вв. формы: с многогранными головками и шипами на них (3), с маковидными (1), с воронковидными (1), гранчатыми головками (4), спиралеконечные (3)¹³. Эти украшения не знали этнических границ и были распространены также в Восточной Прибалтике, Скандинавии, Древней Руси¹⁴. Из этнически определяемых украшений на рассматриваемой территории были найдены скорлупообразные скандинавские фибулы IX—X вв. (4), а также четыре карельские овально-выпуклые фибулы XII—XIII вв., две круглые выпуклые фибулы, ставшие наиболее употребляемыми застежками в эпоху викингов в западнофинской культурной области (Сатакунта и Вакка-Суоми)¹⁵. В Северной Финляндии встречаются украшения попавшие туда с территории Древней Руси. Это две коньковые привески и серебряное трехбусинное височное кольцо¹⁶. Значительная часть предметов сделана из серебра и происходит из кладов. Известно четыре вещевых клада XI—XII вв.: Куусамо-Таваярви (28 предметов), Куусамо-Лямся (10), Салла-Аатсервайнен (7—?, весы, 12 гирек, а также 174 серебряные монеты) и Юлиторнио-Лохиярви (2)¹⁷. Заметим, что наиболее характерным для всех кладов является наличие подковообразных фибул с гранчатыми головками, витых или плетеных шейных гривен, браслетов, плетеных цепочек. Встречаются также пластинчатые подковообразные и умбовидные фибулы. Такой набор предметов интересен тем, что аналогичные вещи и в том же составе имеются в кладах Эстонии, Карелии и Северо-Западной Руси¹⁸. Их ценность, видимо, была хорошо известна по разные стороны Балтийского моря. Примечательно также, что они известны только в составе кладов и место их изготовления остается невыясненным. Несомненно, на Севере эти вещи предназначались для олицетворения престижа в среде местного населения. С попаданием в руки абorigенов значимость этих ценностей менялась, они воспринимались здесь иначе, чем, к примеру, в земледельческих областях Эстонии¹⁹. Серебро как средство для приобретения необходимых товаров, прежде всего предметов вооружения и охоты, практически не могло использоваться на Севере, поскольку эти серебряные вещи привозились купцами в обмен на пушнину и другие продукты северных промыслов. Вероятно именно за них местные жители получали необходимые металлические изделия. На интенсивность такого обмена указывает большое количество найденных в Северной Финляндии наконечников копий (13 экз.), топоров (около 50), наконечников стрел (около 30), представленных в подавляющем большинстве лучшими и наиболее распространенными в странах Балтийского региона вариантами²⁰. Два меча из Пудасярви и Рованиеми-Марикковаара изготовлены были в европейских мастерских. Первый, относящийся к типу Y, по Я. Петерсену (X — первая половина XI в.), имеет на клинке трудно-различимое клеймо. Второй меч обнаружен вместе с топором и двумя наконечниками копий. Он имеет дисковидное навершие²¹ и надписи на обеих сторонах клинка: GICELIN ME FECIT и IN NOMINE DOMINI, позволяющие соотносить его с другими изделиями этой мастерской, каковых установлено около двух десятков в Англии, Германии, Голландии, Финляндии, Латвии и Древней Руси²².

Состав украшений из кладов Северной Финляндии и другие изделия IX—XIII вв. позволяют заключить, что в эпоху викингов освоение этого северного края стало более интенсивным и осуществлялось из различных центров. Наряду с этнически определяемыми предметами, сюда попадают вещи, ставшие общепринятыми в странах, тяготеющих к Балтийскому морю.

По всей видимости, изменения, происходившие на севере Финлян-

дии и отразившиеся в археологическом материале, следует рассматривать в свете процессов, происходивших одновременно во всем этом регионе, и прежде всего развития торговли. Отдаленные и окраинные земли на севере Финляндии в эпоху викингов активно включались в европейскую экономическую систему. Освоение изучаемой нами территории носило не обычный колониционный характер; эти земли или, точнее, ресурсы этих земель эксплуатировались в интересах прежде всего европейской торговли, а также для удовлетворения потребностей социально-экономического развития складывающихся государств региона. В процессе становления ранних государств в Северной и Восточной Европе произошел переход от тактики торговых походов и грабительских набегов к регулярному сбору дани. Этот средневековый этап получил освещение во многих европейских письменных источниках IX—XIII вв., и прежде всего в скандинавских сагах, рассказывающих о торговых поездках и военных походах в северные страны. Там же имеются упоминания и о столкновениях, происходивших между отрядами норвежцев, карел и квенов, населявших побережье Ботнического залива.

В X—XIII вв. активную роль на севере начинают играть новгородцы, борющиеся с норвежцами за обладание примыкающими к Кольскому п-ову районами, за право взимать дань с лопарей. Результаты этой борьбы были юридически закреплены в русско-шведских и русско-норвежских договорах 1251, 1323 и 1326 гг.

- ¹ Имеются в виду области, расположенные севернее 64-й параллели.
- ² Исследования Н. Н. Гуриной, О. В. Овсянникова, Л. П. Хлобыстина и В. Я. Шумкина.
- ³ *Huurre M.* Kainuun historia. 1. Esihistoria. Kajaani, 1986. S. 120; *Шумкин В. Я.* Каменная и костяная индустрии мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 1—18.
- ⁴ *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan ja Lapin esihistoria: Pohjois—Pohjanmaan ja Lapin historia. 1. Kuusamo, 1983. S. 329—341.
- ⁵ *Ibid.* S. 326, 342—349.
- ⁶ См., напр.: *Карпелан К.* Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 46—47; *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 409—429.
- ⁷ Новый археологически фиксируемый этап саамской истории начинается с конца железного века (XII—XIII вв.). См., напр.: *Carpelan C.* Sompio // *Kemjoki 8000: Näyttelyopas.* Helsinki, 1974. S. 57—63; *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 409—410.
- ⁸ *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 327—328, taul. 9. S. 432; *Idem.* Kainuun... S. 129.
- ⁹ *Salmo H.* Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands // *SMYA.* 1948. N 47. S. 37—39; *Talvio T.* Skatfyndet från Janakkala (1832), Raso (1835) och Kuolarjarvi (1839) // *FM.* 1979. Helsinki, 1981. S. 36—38.
- ¹⁰ *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 430—434.
- ¹¹ *Ibid.* S. 389—391; *Idem.* Kainuun ... S. 130—134.
- ¹² *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 390; *Idem.* Kainuun... S. 132.
- ¹³ *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 350—358; *Idem.* Kainuun... S. 134—146.
- ¹⁴ *Nordman C. A.* Karelska Järnålderstudier // *SMYA.* 1924. N 34, 3. S. 170—171; *Petersen J.* Vikingetidens smycker. Stavanger, 1928; *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln // *SMYA.* 1973. S. 90—98, Abb. 659, 691, 692, 694, 696, 700, 705; S. 131, Abb. 1035; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 84—89.
- ¹⁵ *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II: The artefacts // *SMYA.* 1982. N 82, 2. S. 97—98.
- ¹⁶ *Huurre M.* Pohjois—Pohjanmaan... S. 359.
- ¹⁷ *Bjorkman T.* Kuusamon—Lämsän hopea — aarre // *SM.* 1957. S. 1—29; *Bäcksbäcka C.* Föremålsbeståndet i 1000-talets finska myntförande skatfynd // *Moniste.* 1975. N. 11. S. 27—69, fig. 78, 82, 83, 94, 95—108; *Talvio T.* Skatfyndet... S. 31—41.
- ¹⁸ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954. С. 102, табл. 28; *Tõnisson E.* Eesti aardeleidud 9.—13. sajandist. Muistsed kalmed ja ardet. Archeoloogiline kogumik II. Tallin, 1962. Lk. 254—261; *Eesti esiajalugu.* Tallin, 1982. Lk. 380, joon. 258.
- ¹⁹ Возможно использование этих вещевых наборов в качестве жертвенных, на что косвенно

указывает сообщение «Саги об Олаве Святом», в котором повествуется о разграблении норвежцами бьярмийского святилища.

²⁰ *Huurre M. Pohjois—Pohjanmaan...* S. 365—382.

²¹ *Ibid.* S. 365—366.

²² *Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1—36.1. С. 21, 54—56; Он же. Надписи и знаки на клинках восточно-европейских мечей IX—XIII вв. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1966. № 11. С. 50, 53—54.*

В. И. ЗАВЬЯЛОВ, В. Ф. СТАРКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОМОРСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ОСТРОВЕ СЁРКАП (архипелаг Шпицберген)

Остров Сёркап (7×2 км) расположен в южной части архипелага вблизи Западного Шпицбергена, низменный, с озерами и болотами в центральной части, галечными пляжами, с отдельными скалами по восточному побережью и скалами высотой до 4 м по западному. Подходы с моря перекрыты рифами и подводными камнями. В трех пунктах южного и восточного побережья обнаружены остатки 5 поморских изб и 3 крестов (рис. 1).

В центральной части восточного побережья, у оз. Мосватнет исследованы остатки трех построек, приуроченных к низкому участку берега, вследствие чего они оказались разрушенными морем, а комплексы Мосватнет 2 и 3 частично перекрыты береговым валом. Наиболее сохранившаяся постройка Мосватнет 2 подверглась раскопкам. От стен построек Мосватнет 1 уцелело только несколько подкладок, от печи — небольшой развал диких камней. Находки — несколько клепок от бочек. От Мосватнет 3 остался компактный развал бревен с вырубками на концах, другие бревна разбросаны по берегу. Постройка — жилое помещение (площадь около 16 м²) — рублена «в обло», сени собраны «в набирку». Нередко поморы применяли различные приемы в одной постройке¹. Найдено бревно с дверным проемом шириной 0,5 м, из других находок — части бондарных изделий (преимущественно бочек), небольшое деревянное корыто и шахматная доска 47×28 см. Средние размеры клеток 3×3 см. Они вырезаны ножом, черные помечены косым крестом. Размеры игрового поля 28×26 см. Остатки аналогичной доски были найдены в избе у лагуны Гравшен². Такой способ выделения черных клеток редок — встречен в Москве при раскопках дворца Натальи Кирилловны³.

В Мосватнет 2 вскрыто сооружение, аналоги которому на Шпицбергене пока не известны. Это две постройки — одночастное теплое помещение и баня. Между ними находилось пространство длиной 5,3 м, которое вряд ли можно считать сенями, достоверно сохранился один вертикально врытый столб. Жилое сооружение (3×2,4 м) сохранилось плохо, поэтому реконструировать здание трудно. Бревно восточной стены имеет выруб на северном конце, но северная стена иной конструкции: она состояла из ряда вертикально поставленных бревен, нижними концами врытых в землю. Вход находился в северной стене — здесь вмонтирован дверной проем в виде плахи с вырубом шириной 60 см.

В юго-западном углу дома помещалась кирпичная печь — 1,4×0,6 м, от которой осталось два вертикально поставленных столба и большой развал кирпича. В центральной части помещения найдены остатки пола из судовых досок шириной 30—43 см и толщиной 5 см, в них видны круглые

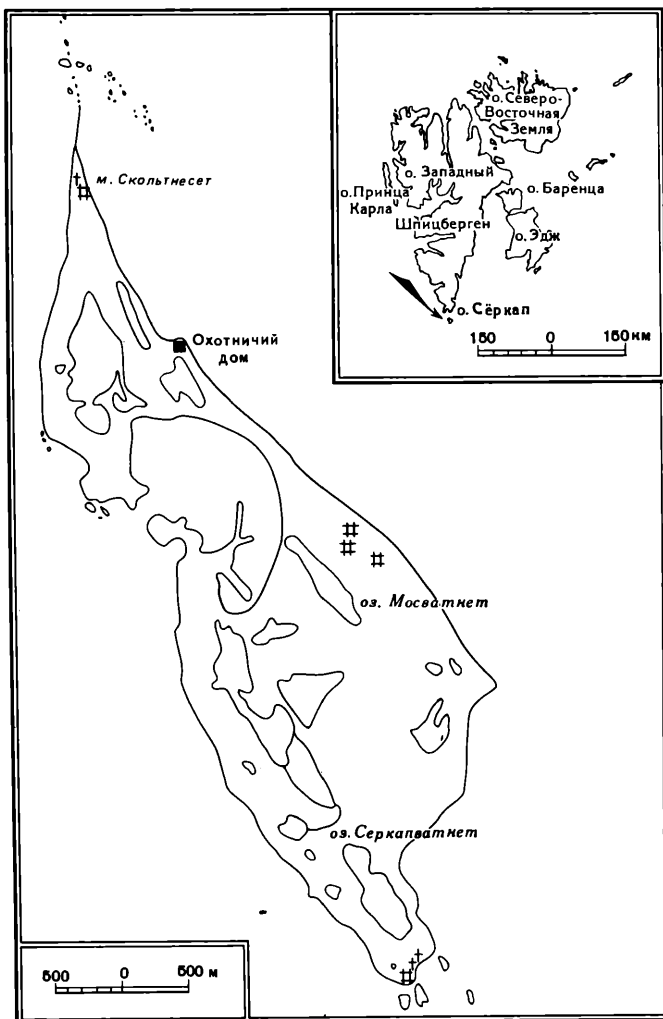

Рис. 1. Поморские комплексы на о-ве Сёркап (архипелаг Шпицберген)

отверстия, забитые нагелями. Доски положены на три тонкие переводины. Настилка пола судовыми досками — устойчивый признак поморской архитектуры на Шпицбергене и в других местах ведения промыслов. Жилое помещение снаружи было окружено по периметру 16 большими бочками, поставленными вплотную друг к другу. Вероятно, кроме использования по прямому назначению, они выполняли еще и архитектурные функции. Нигде более подобный способ использования бондарной тары не отмечен.

Необычно положение бревна восточной стены. Как уже отмечалось, выруб на его северном конце конструктивно не оправдан. Между тем последнее лежит *in situ*, своим южным концом опираясь на деревянные подкладки, а северным — на развал печи, т. е. хронологически оно более позднее, чем печь и весь строительный горизонт, связанный с нею. Дендрохронологическая дата этого бревна — 1648 г.

Баня имеет размеры 2,3×2,15 м. Почти все ее пространство заполнено

развалом печи-каменки, внутри которого имеется большое скопление золы. Стены рублены «в обло с остатком» из крупных бревен диаметром до 22 см. При строительстве был применен плавник: окладное бревно западной стены сохранило остатки комля. Данными дендрохронологии оно датируется 1588 г. Хотя его использование в постройке носит случайный характер, но, принимая во внимание относительно быстрое разрушение древесины на открытом воздухе, разница между датами гибели дерева и его непосредственным употреблением не может быть слишком велика. Использование плавника для строительства на Шпицбергене было явлением чрезвычайно редким, что в немалой степени объясняется его малочисленностью в то время. Включение плавникового бревна в постройку бани можно датировать рубежом XVI—XVII вв. Эта дата фиксирует время ремонта сооружения. Постройку же бани и, вероятно, нижний строительный горизонт избы («горизонт печи») следует отнести ко второй половине XVI в. (не позднее 80-х годов этого столетия).

Находки, связанные с баней, единичны и традиционны для этого типа построек. Здесь найдены клепки от ушата и бочки, деревянная лопата и березовый веник.

Более многочисленны вещи из жилого помещения. Всего здесь выявлено 84 предмета, разделенные по месту находки на три группы.

За пределами избы кроме железных гвоздей, фрагментов керамики и пластинок оконной слюды обнаружены цельная и составная деревянные сапожные колодки, фрагменты кожаной обуви и охотничий нож и остатками кожаных ножен.

Малочисленны находки ниже уровня пола, стратиграфически связанные с первым строительным горизонтом («горизонт печи»). Там в слое щепы открыты фрагменты сероглиняной керамики, остатки кожаной обуви и небольшой кусок перевитого шнура.

Наибольшее количество предметов происходит из слоя заполнения избы (стратиграфически между полом и перекрывающим памятник баластом). Из бытовых изделий этой группы следует выделить деревянную кухонную доску, на которой частично сохранился резной орнамент в виде лепестковидной розетки, катушку с остатками ниток, два костяных наперстка со сквозным отверстием для пальца (так называемые шитвенные кольца). Из орудий промысла особенно интересны нож с роговой рукояткой, лезвие которого слегка опущено и заострено на конце, и топор секировидной формы. Вероятнее всего, последний служил для разделки туш. Следует остановиться на найденном в этом слое ружейном замке. Предметы, связанные с огнестрельным оружием (ружейные кремни, пули, отдельные детали ружья), встречены почти в каждом поморском доме на Шпицбергене. Находка же ружейного замка XVII в. единственна. Замок принадлежит к типу так называемых искровых кремневых замков, обозначаемых в современной оружейно-технической литературе термином «шнапхан». Детали замка свидетельствуют, что он относится к шведскому варианту «шнапханов» причем к его раннему архаическому типу. Форма замочной доски говорит о том, что ружье, на котором находился замок, было охотничьим, а не военным⁴.

При изучении поморских комплексов у оз. Мосватнет обращает на себя внимание крайне неудобное с точки зрения современной гидрографии расположение всех трех домов. Это можно объяснить понижением отдельных участков побережья Шпицбергена, которое произошло в конце XVII в.⁵ Дендрохронологические даты избы на Мосватнет 2 и весь комплекс находок не противоречат этому предположению. Весьма вероятно, что два других дома датируются приблизительно этим же временем. Одновре-

менное существование построек, в свою очередь, дает возможность рассматривать памятники у оз. Мосватнет как единый комплекс из трех отдельно стоящих домов. Формирование поселков как основного типа поселений на Шпицбергене (в отличие от отдельно стоящих домов) относится в основном к XVIII в. Не исключено, что возникновение поселка на о-ве Сёркап в предшествующее столетие свидетельствует об интенсивной деятельности поморов в этом районе архипелага в XVII в.

Интересный комплекс поморских сооружений исследован на южном мысу острова. Там были обнаружены остатки дома и двух больших крестов.

Крест № 1 был поставлен на вершине небольшой каменной гряды в восточной части мыса. У его подножия под каменной закладкой были вскрыты две человеческие кости, вероятно, остатки погребения. Крест № 2 находится на расстоянии 100 м к юго-западу от первого. Он, как и первый, срублен. Сохранилось вкопанное в землю основание, на котором уцелел участок затеса лицевой стороны. Градусные замеры показали, что его перекаладина была ориентирована строго по линии север—юг. Современное отклонение (восточное) всего 3°.

К западу от второго креста на расстоянии 140 м выявлены остатки дома. Жилище размещалось на краю первой террасы на высоте 2,5 м от уровня прилива.

Раскопками вскрыта рубленая постройка, в основании стен которой лежали мощные бревна диаметром 30—40 см. Не исключено, что с северной стороны к избе примыкали сени: параллельно стене дома на расстоянии 1,7 м от нее лежало бревно с вырубками на концах. С этой же стороны находился и вход в жилище. Дом был срублен «в обло с остатком», его размеры 2,8×2,9 м. Большое место в нем занимала печь, сложенная из необработанного камня и кирпича. Она располагалась в северном углу постройки рядом с входом. От опечка сохранились два вертикально стоящих бревна. Размеры печи 1×1,5 м. Вся площадь пола, за исключением запечного пространства, выложена дощатым настилом. Доски уложены «по ходу» от двери, у южной стены они опирались на тонкую переводину, но в целом лежали непосредственно на слое щепы.

Предметы, найденные внутри дома, представлены различными изделиями из дерева, железа, кожи, керамики, бересты и стекла. Особо следует выделить большой топор с остатками топорщица, по форме близкий к современному, обломок кресала овальной формы, два ключа и промысловый нож с плавно изогнутым и косо срезанным сверху лезвием, за счет чего кончик ножа оказался не только приостренным, но и приподнятым вверх. На конце черенка имеется кольцо, сквозь которое пропусклась ременная петля для надевания на руку.

Под полом, кроме нескольких фрагментов керамики, обнаружены три деревянные крышки от бочек с надписями и клеймами. На одной из них имеется прорезная надпись «XXIII», на другой — «№ 1794», на третьей вырезано круглое клеймо с буквами «АК СК».

Анализ предметов внутри жилища и под полом говорит о синхронности обоих стратиграфических горизонтов и датировке их второй половиной XVIII в.

Особняком стоят находки за пределами дома. Основная их часть найдена у северной стены. Это 8 фрагментов сосудов из светло-серой керамики, деревянная планка, треугольная в сечении, с вырезанным на ней русским алфавитом, деревянный крест, покрытый резьбой, деревянная ложка с короткой ручкой. Данными палеографии надписи датируются временем не позднее второй половины XVII в. Таким образом, характер находок вне

дома дает возможность предположить существование на месте раскопанной избы более ранней постройки.

Наиболее поздним из исследованных на о-ве Сёркап памятников оказался дом на мысу Скольтнесет. Изба находится на наиболее возвышенном участке мыса (3 м над уровнем морского прилива) в 1,5 км к северо-западу от охотничьего домика.

Раскопками вскрыта большая одночастная постройка площадью 42 м², ориентированная по линии север—юг. Стены рублены «в обло с остатками», южная стена не сохранилась. Бревна довольно тонкие, затесаны изнутри. Такой прием возведения сооружений на Шпицбергене замечен при раскопках дома в заливе Русекейла. Это признак позднего домостроительства. Вход был с северной стены дома. Слева от него находилась большая кирпичная печь. На расстоянии 1,9 м от входа поперек помещения располагался ряд вертикально стоящих бревен, служивших опорой для палатей.

При разборке культурного слоя внутри дома были обнаружены остатки двух человеческих скелетов. Один из них лежал на вымостке в средней части дома, второй — рядом с восточной стеной. Кости скелетов разбросаны (отдельные кости встречены даже за пределами помещения и изгрызаны). Относительно хорошо сохранились лишь черепа и кости ног. Рядом с одним из скелетов, около ног, найдены обрывки кожаных штанов и железный нож.

Среди находок имеется предмет, датирующий комплекс первой половиной XIX в. Это костяной гребень с процарапанной надписью: «1837 года». Значительную часть керамического комплекса составляют сосуды, покрытые коричневой поливой. Весьма многочисленны предметы из железа, среди которых имеются инструменты, предметы снаряжения промысловиков и бытовая утварь. Отличительной особенностью этого памятника является большая коллекция деталей одежды и обуви.

В 180 м от дома находятся остатки большого креста, от которого сохранилось основание, закрепленное в фундаменте из бревен и камней. У его подножия лежат 10 человеческих черепов. Дендрохронологическая дата креста — 1761 г. — свидетельствует о постройке избы не позже 60-х годов XVIII в.

Находка в постройке двух скелетов и черепов у креста, многочисленность и разнообразие находок приводят к мысли о трагической гибели всей артели, ведшей промысел на острове в первой половине XIX в. К этому времени дом на мысу Скольтнесет оставался единственным функционирующим становищем на всем Сёркапе. После гибели его обитателей деятельность поморов в этом районе не возобновлялась.

В результате археологических исследований поморских памятников на о-ве Сёркап удалось установить, что промыслы там велись с XVI в. и до завершения поморской деятельности на архипелаге. Не исключено, что именно через этот остров шел один из путей освоения побережья Западного Шпицбергена. Интересно, что на близлежащем к острову п-ове Сёрнесет обнаружены остатки двух домов, датированных XVI — началом XVII в. Особенностью поморской деятельности на о-ве Сёркап является то, что ее расцвет приходится на XVII в., в то время как на Западном Шпицбергене основное число становищ датируется второй половиной XVIII в.

Длительная эксплуатация удобной острова объясняется, с одной стороны, его географическим положением. Являясь наиболее южной точкой архипелага, он входил в круг тех районов Шпицбергена, которые ранее всего начали осваиваться поморами. С другой стороны, берега острова, особенно его восточное побережье, окружены отмелями и рифами — из-

любленными местами обитания моржей, являвшихся основным объектом промысла.

В целом непрерывная деятельность на о-ве Сёркап продолжалась в течение более 250 лет. Долгое время этот район архипелага оставался наиболее плотно заселенным поморами.

¹ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Л., 191. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. С. 14.

² Старков В. Ф. Находки шахмат на архипелаге Шпицберген // СА. 1984. № 3. С. 224.

³ Векслер А. Г. Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 211.

⁴ Завьялов В. И., Шокарев Ю. В. Ружейный замок XVII в. с острова Сёркап (архипелаг Шпицберген) // СА. 1986. № 1. С. 268—270.

⁵ Старков В. Ф., Корякин В. С., Завьялов В. И. Русские поселения XVI в. на Шпицбергене // Вестн. АН СССР. 1983. № 12. С. 110.

П. Ю. ЧЕРНОСВИТОВ

ШПИЦБЕРГЕН В СИСТЕМЕ КОЛОНИЗАЦИИ РУССКИМИ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Под колонизацией территорий мы подразумеваем процесс заселения и хозяйственного освоения человеческими коллективами новых для себя регионов. Если проследить историю человечества, начиная с этапов его формирования как вида, то можно утверждать, что в комплексе причин, порождающих миграционные процессы, биологические компоненты постепенно уступают место компонентам социальным. Уточним понятия: под биологическими компонентами понимаются эколого-демографические факторы; под социальными — экономические и политические. Разумеется, все они достаточно тесно связаны между собой, и чисто биологические факторы (рост избыточной плотности населения на некоей территории) приводили к обострению экономических и политических ситуаций (перестройка экономики, война за захват соседних территорий и т. д.), но в целом отмеченная выше тенденция к преобладанию социальных причин, порождающих колонизацию, над биологическими в процессе исторического развития не вызывает сомнений. В самом деле, распространение ряда археологических культур эпохи неолита—бронзы на территории Евразии из зоны степей в лесостепь, из лесостепи — в лес, а из леса — в тундру можно с достаточной уверенностью трактовать как результат периодически складывающейся неблагоприятной эколого-демографической ситуации в более южных районах, что приводило к оттоку избыточного населения с его культурными традициями в более северные — менее плотно заселенные районы¹.

Рассмотрим теперь последствия колонизации для колонизируемых территорий и человеческих коллективов, вовлеченных в этот процесс. Обобщение исторического материала дает возможность сформулировать основные факторы, от которых эти результаты зависят². 1. Экология колонизируемой территории. Ясно, что биотически насыщенная территория дает возможность мигрантам рано или поздно создать самодостаточную, автономную пищевую базу, а биотически бедная территория поставит мигрантов в зависимость от пищевой базы исходной территории 2. Многочисленность мигрантов и привнесенный ими хозяйственно-культурный

тип. Если последний достаточно адекватен местной экологии, то пришлое население имеет возможность достаточно быстро наладить автономное и социально-независимое общество. 3. Количественное соотношение мигрантов и автохтонов, а также качественное соотношение их хозяйственно-культурных типов и уровней социальной организации. От этих соотношений в существеннейшей степени зависит судьба колонизируемой территории и ее населения. Возможны самые крайние варианты: от полного подчинения автохтонов мигрантами до полного растворения последних в среде первых. 4. Уровень социально-экономического развития исходной территории (метрополии). Это в значительной степени эпохальный фактор. Понятно, что чем выше степень социальной организации метрополии, тем сильнее ее влияние на колонизируемые территории и тем выше вероятность того, что последняя станет колонией в современном смысле слова, т. е. территорией, население и ресурсы которой эксплуатируются в интересах метрополии. 5. Степень удаленности колонии от метрополии и характер разделяющей их географической среды. От этого зависит устойчивость коммуникаций между ними, а стало быть, и степень взаимозависимости.

Естественно, что соотношение указанных факторов даже для каждой отдельно взятой колонизируемой территории не есть величина постоянная и может существенно меняться со временем. Тем более оно неодинаково для различных территорий. В целом же можно сказать, что в зависимости от их взаимосвязи колония может: 1) более или менее быстро преобразоваться в самостоятельную социально-экономическую систему, полностью политически независимую от метрополии; 2) влиться в состав метрополии в качестве полноправной (или более или менее полноправной) провинции, подчиненной центральной власти; 3) достаточно долго оставаться колонией в современном смысле этого слова; 4) стать сырьевым (экономическим) придатком метрополии вплоть до полного истощения собственных ресурсов.

Изложенные выше соображения вполне приемлемы для процесса освоения русским населением территорий Северной Евразии и северных островных территорий, включая архипелаг Шпицберген.

Освоение Севера русским населением — это многоэтапный процесс. Если не касаться спорадического просачивания отдельных небольших групп русского населения на Север, то в целом весь этот процесс можно разделить на три основных этапа как по причинам, вызывающим это явление, так и по следствиям.

Первый этап — это период, предшествующий сложению Московской Руси как единого централизованного государства (XI—XIV вв.). В это время на север Восточной Европы проникают отдельные группы северорусского, главным образом новгородского населения, оседают там и занимаются пушным промыслом, меновой торговлей с местным населением, а иногда и военным грабежом. Со временем они осваивают северное мореходство, добычу морского зверя и постепенно продвигаются на Восток вдоль побережья Ледовитого океана. Разумеется, эти группы — наиболее активная часть русского населения. Их активность порождена главным образом экономико-демографическими причинами, отчасти — политическими. Первыми — в том смысле, что это люди, пытающиеся вырваться из своего слоя социальной иерархии, обеспечить себе более высокий социально-экономический статус. Вторыми — в плане достижения желаемого экономического уровня возможного для них только путем ухода из-под влияния верхних социальных слоев, а последнее возможно только при переселении на независимые территории. Тем не менее степень автономности этих переселенцев на севере весьма относительная, так как

попадая в районы с экологией, не позволяющей заниматься производящим хозяйством и нуждаясь в рынке сбыта продуктов пушного промысла, они находятся в сильной зависимости от экономических связей с исходной территорией, даже в случае прочного оседания на Севере.

Второй этап — это период сложения и окончательного упрочения Московской Руси как единого централизованного государства (XV—XVII вв.). В это время процесс освоения Севера и Северо-Востока уже в значительной степени, но еще не полностью попадает под контроль государственной власти. Поэтому, наряду с продолжающимся оттоком в эти районы какой-то части самодеятельного населения под воздействием описанных выше причин, государством начинают санкционироваться, а позднее и специально собираться казачьи экспедиции, которым предписывается установление отношений власти с аборигенным населением, налаживание меновой торговли, строительство острогов, факторий и т. д. В меновую торговлю втягивается все более обширный круг северных и сибирских народов. При этом степень автономизации пришлого населения относительно центральной власти неуклонно падает, при всем том, что степень географической удаленности вновь осваиваемых территорий быстро растет. Это можно сравнить с сетью, накидываемой государством на все более увеличивающуюся территорию, где каждая ячейка при своей кажущейся автономности на самом деле привязана к центру множеством организационных и экономических нитей.

Третий этап — это период сложения Российского государства, превращающегося в Российскую империю. Растет заинтересованность правительства в общем усилении собственной экономики, а также в расширении и укреплении своей сырьевой базы (в самом широком смысле слова). Колонизация северных и северо-восточных территорий идет нарастающими темпами и практически полностью направляется и контролируется государством. Притом это не только организационный и административный контроль, который при растянутости коммуникаций и при имевшихся тогда коммуникативных средствах не мог быть особенно эффективным, но и контроль экономический, т. е. контроль через складывающийся общероссийский рынок. Последний же с учетом бурно растущей в ту эпоху «этажности» государственной иерархии и потребности верхних ее этажей в престижной атрибуции своего существования остро нуждался не только в сырье для развития промышленности, но и в поставках пушнины и «рыбьего зуба». Как известно, спрос порождает предложение, поэтому вполне объясним процесс интенсификации в этот период пушного промысла в районах Крайнего Севера и проникновение русского (поморского) населения на острова арктического бассейна. Для того чтобы охарактеризовать данный этап колонизации в целом, следует сказать, что отмеченная колонизация территорий как государственная политика решительно отличается как по своим побудительным причинам, так и по следствиям от первого этапа рассматриваемого процесса. Важно также подчеркнуть, что в силу указанных выше экономических и организационных причин автономизация складывающегося на колонизированных территориях местного населения становится практически невозможной. Если учесть при этом, что в отличие от западноевропейских стран, вынужденных колонизировать заморские территории, российская колонизация захватывала территорию «своего» материка, то становится очевидно, что даже гигантские расстояния, отделяющие крайние северные и восточные районы складывающейся империи от ее исторического центра, но расположенные на суше, все-таки являлись меньшим препятствием для поддержания регулярных связей, чем пути океанские. Таким образом, географический фактор в данном случае также способствовал процессу консолидации колонизированных

Россией территорий в единую государственную структуру — Российскую империю, в состав которой эти территории вошли в конечном счете как полноправные провинции.

Археологические изыскания, регулярно проводимые на архипелаге с 1978 г. ИА АН СССР выявили следующее³.

Колонизация Шпицбергена русскими поморами началась не позднее середины XVI в. В конце XVI—XVII вв. количество поморских становищ еще невелико, в XVIII в. они распространяются практически по всему архипелагу, включая и самые северные его районы⁴. Совершенствуются и укрупняются постройки, увеличиваются сами становища. Конструктивные особенности строений и состав археологических находок позволяют заключить, что многие поморы оставались здесь на зимовки и жили семьями⁵. Однако говорить о поморах на Шпицбергене как о постоянном населении неправомерно. Из письменных источников известно, что это — промысловые артели, т. е. сезонники. Они оставались таковыми, даже если и зимовали на архипелаге, так как иногда целью была промысловая охота на пушного зверя, а не собственно жизнь как таковая. Включение в состав артелей женщин и подростков ничего не меняло по существу: такое население не является самовоспроизводящимся на данной территории. Экология архипелага не позволяла вести на нем никакого, даже самого примитивного производящего хозяйства, а также обеспечивать себя большей частью необходимой для жизни ремесленной продукцией. Все это привозилось артелями с материка. На месте изготавливалась только обувь, какая-то кожаная одежда, прялась шерсть, изготавливались небольшие деревянные поделки, производился необходимый ремонт. Таким образом, ясно, что Шпицбергенская колония — это понятие сугубо условное. У нее не было никаких шансов на организацию автономного хозяйства и самоуправления (вне рамок промысла), она была целиком привязана через рынок к экономике метрополии, оставаясь при ней лишь сырьевым придатком. Как только спрос на рынке метрополии на продукцию такой колонии падает или исчерпываются промысловые ресурсы данной территории, или сам промысел в условиях изменяющейся рыночной конъюнктуры становится нерентабельным, — колония подобного рода перестает существовать. Именно так и произошло со Шпицбергенской поморской колонией в начале XIX в. Нетрудно предположить, что архаичный способ промысла и транспортные средства, использующиеся поморами, сделали промысел на Шпицбергене нерентабельным в условиях складывавшегося в XIX в. в России капиталистического рынка, что и привело к полному запустению архипелага. Последнее неопровержимо подтверждается археологическими данными. Как известно, интерес к архипелагу возрождается вновь на рубеже XIX—XX вв. при наличии уже новых транспортных средств и в условиях интенсивного поиска европейскими державами (включая Россию) полезных ископаемых.

¹ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 5—49.

² Мерперт Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3.

³ Старков В. Ф., Овсянников О. В. К вопросу об открытии и хозяйственном освоении архипелага Шпицберген // Скандинавский сборник. М., 1983; Одинцов В. А., Старков В. Ф. Некоторые проблемы архаического мореплавания и походы русских на архипелаг Шпицберген // Летопись Севера. 1985. Вып. 11.

⁴ Старков В. Ф., Овсянников О. В. Русские памятники XVIII в. на архипелаге Шпицберген // КСИА. 1984. Вып. 180. С. 31.

⁵ Старков В. Ф. Отдел археологии в краеведческом музее Баренцбурга на архипелаге Шпицберген // СА. 1983. № 4. С. 279.

СТАРИННЫЕ ПОМОРСКИЕ КРЕСТЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 1982—1984 ГГ.

В 1982—1984 гг. проводилась фиксация старинных крестов на Кольском п-ове в горле Белого моря (Мурманская обл., Терский и Ловозерский районы от устья р. Пялица до устья р. Поной; на Зимнем Берегу Белого моря (Архангельская обл., Приморский и Мезенский районы, села Золотица, Инцы, Ручьи, мыс Воронов, о-в Моржевец, с. Койда, Кулойская губа у с. Долгощелье), на западном берегу Канина п-ова (села Несь, Мгла, Семка, от с. Кия до мыса Канин Нос включительно, Архангельская обл., Ненецкий нац. округ) (рис. 1). Настоящая работа — краткая сводка старинных поморских крестов, без которой невозможно их изучение и создание типологии. Сейчас с уверенностью можно говорить о существовании двух больших групп — крестов обетных и крестов поминальных (имеющих соответствующие надписи).

Устье р. Бабья (№ 1—3): 1 — обломки креста на северном высоком берегу Большой губы, высота креста до 3,5 м. Частично сохранились аббревиатура, текст внизу ствола: «шли на М...» (рис. 2, 1); 2 — ствол креста, аббревиатура в медальонах; 3 — часть ствола и большая крестовина с аббревиатурой; 4 — между ручьями Захарьинским и Глубоким, плохо сохранившийся ствол креста; 5 — о-в Сосновец, нижняя часть креста

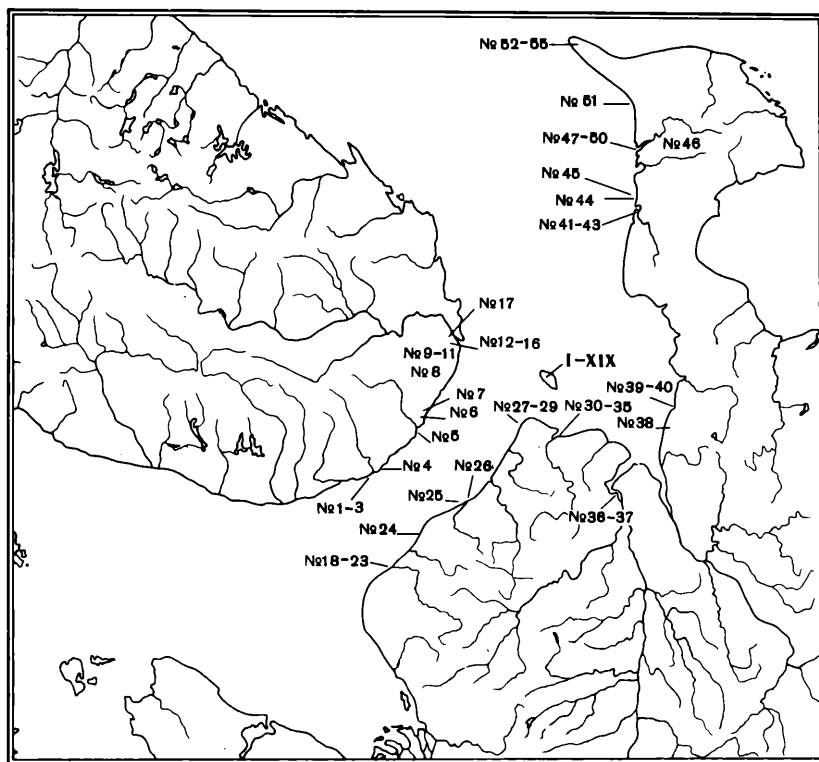

Рис. 1. Схема расположения зафиксированных поморских крестов

№№ 1—55 (кресты I—XIX на о-ве Моржевец рассмотрены в статье А. А. Куратова, О. В. Овсянникова)

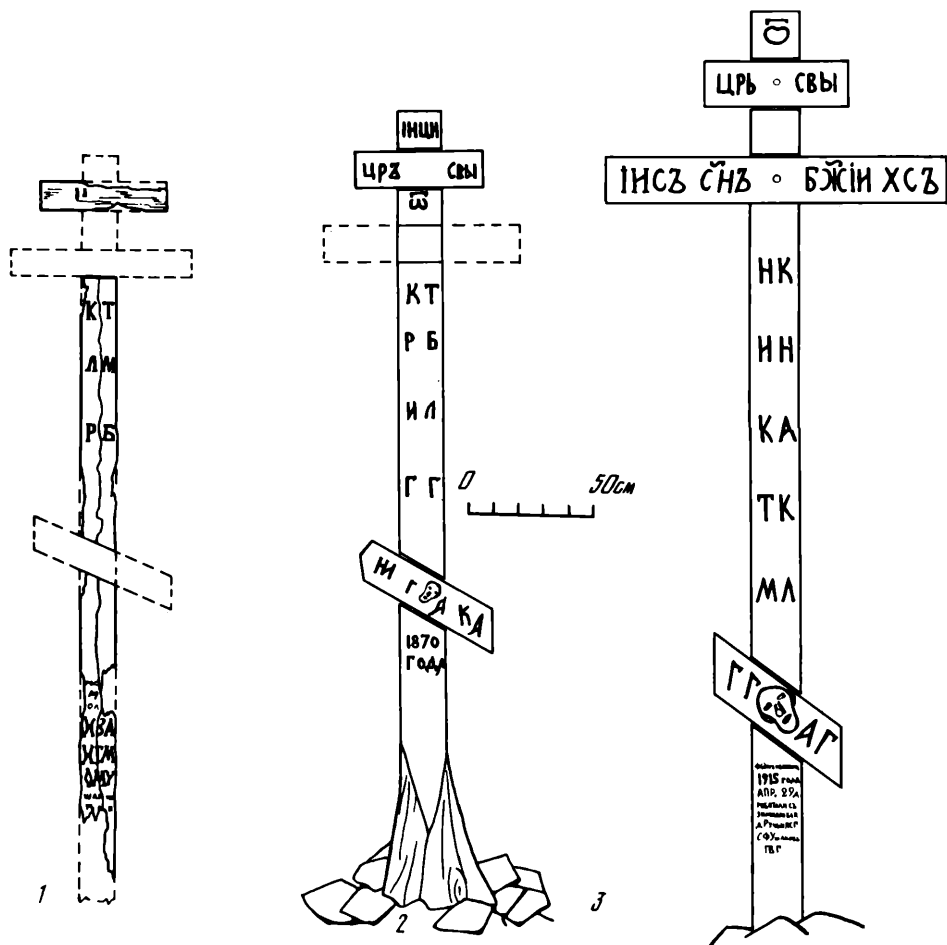

Рис. 2. Кресты на Кольском п-ове

1 — Бабья губа; 2, 3 — Красные Щелки

с датой: «18...»; 6 — ручей Гурьеватый, на скальном мысу, который во время отлива превращается в остров, ствол креста с малым перекрестием, высота около 3 м; 7 — в 1 км к югу от устья р. Снежицы, ствол креста высотой 1,6 м с аббревиатурой; 8 — ручей Золотой, лежащий на земле ствол креста в виде четырехугольного бруса, нижняя часть — плохо обработанный комль. На стволе сохранилась аббревиатура, в нижней части вырезана голова Адама и дата «1881 год». Урочище Красные Щелки (№ 9—11); кресты стоят на верхней, «русской» стороне губы; 9 — крест сохранился полностью, высота около 4 м, у основания — каменная наброска, ствол четырехугольный, полностью видна аббревиатура, в нижней части ствола надписи: «Федоръ Ивановичъ 1915 года Апр. 29 д. работали съ Зимнего Бер. д. Ручьи Я СГ С. Ф. Ушаков ГВГ» (рис. 2, 3). Известно, что жители поселений Зимнего берега Белого моря постоянно ездили на кольские промыслы и обетный крест тому наглядный пример (при поездке в д. Ручьи удалось отыскать на кладбище надгробия Федора Ивановича Ушакова — родился в 1862 г., умер в 1941 г., а также его сына Степана Федоровича, который родился в 1882 г. и умер в 1944 г.);

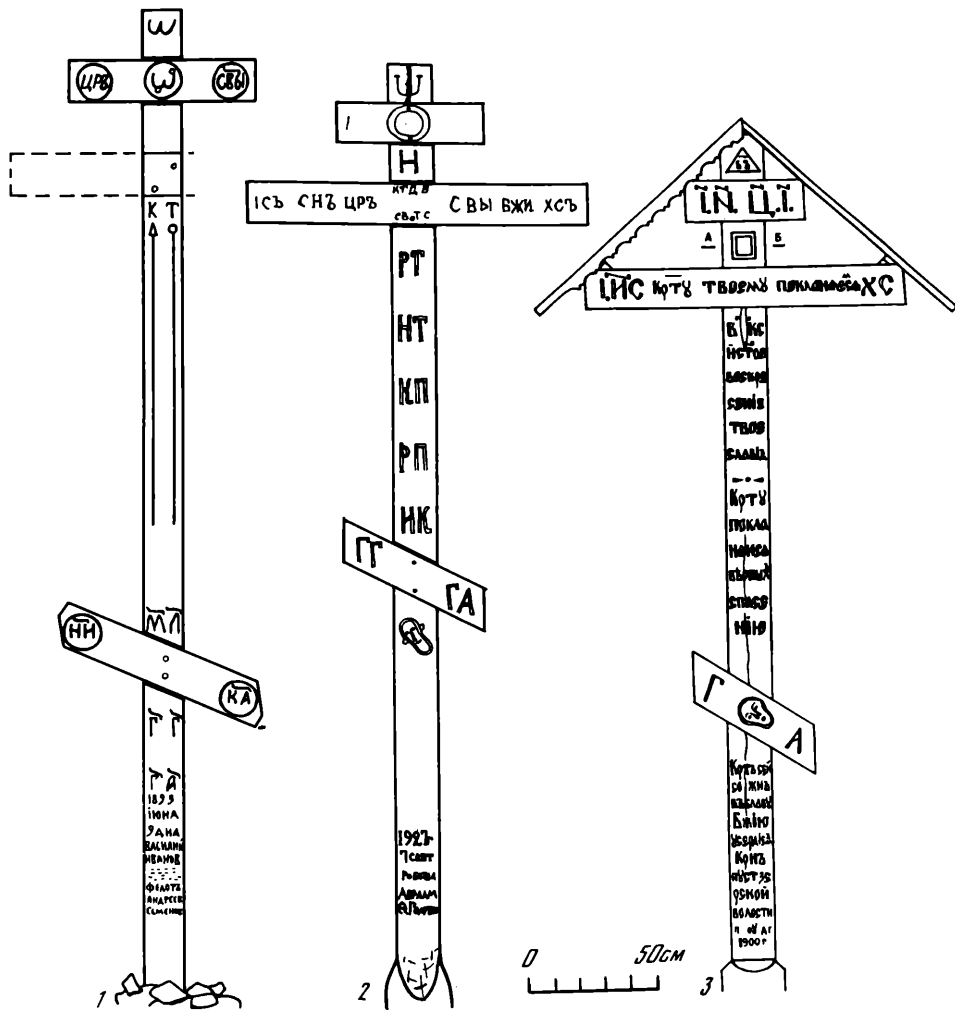

Рис. 3. Кресты

1 — в устье ручья Виловатый (Кольский п-ов); 2 — в устье р. Золотицы (Зимний берег); 3 — на мысе Крестовый (о-в Вайгач)

10 — крест в 400 м к югу от первого, сохранность хорошая, высота 3,3 м, нижняя часть — неотесанный комль, у подножия каменная наброска. Сохранился лишь ствол креста, в нижней части дата — «1870 года» (рис. 2, 2); 11 — лежал рядом с предыдущим, на сохранившихся частях видна аббревиатура; 12 — в устье ручья Виловатого на обеих сторонах губы зафиксирована группа крестов. Один находится на верхнем берегу губы, у подножия — мощная каменная наброска, высота его 3,2 м; 13 — в 200 м от предыдущего, сохранилась нижняя часть ствола и следы каменной наброски у подножия; 14 — крест на нижнем берегу губы, высота 4,4 м, сохранился ствол и две перекладины. На них видна аббревиатура, в нижней части надпись: «1893 июня 9 дня Василий Иванов... Федот Андреев Семенов» (рис. 3, 1); 15 — сохранилась часть ствола креста с аббревиатурой в медальонах; 16 — там же остатки еще одного креста, основание которого обложено камнями;

17 — ручей Кузьмин — ствол креста со следами аббревиатуры; Зимний берег Белого моря — группа крестов в районе с. Зимняя Золотица (Верхняя № 18—19, Нижняя № 20—23); 18 — у «Ельника», сохранился ствол креста, аббревиатура в круглых медальонах, в нижней части ствола (перед пазом для крестовины дата «1902»); 19 — крест (по семейному преданию принадлежит Шумиловым) поставлен в конце XIX в., сохранился полностью с кровлей, высота 3,6 м, большинство букв аббревиатуры в медальонах; 20 — крест (по семейному преданию принадлежит Пономаревым) поставлен в конце XIX в., сохранилась верхняя часть ствола с двумя перекладинами, аббревиатура в медальонах; 21 — крест на тоне Ручеек, в 2 км к северу от устья Золотицы, сохранился полностью (аббревиатура выполнена с ошибками), высота около 4 м, в нижней части текст: «1927 г. 7 сент. работал Авраам Голуби /н/» (рис. 3, 2); 22 — тоня Быстрица, сохранился ствол креста с верхней перекладиной и аббревиатурой, высота ствола 2,7 м, в нижней части следы букв: «АЦИА АВГАКС»; 23 — тоня Колотилиха, в 7 км к северу от Н. Золотицы, крест высотой 2,7 м сохранился хорошо (нет верхней перекладины), отчетливо видна аббревиатура; № 23 — тоня Анфимова, в 9 км к северу от Н. Золотицы, крест высотой 3,7 м сохранился хорошо, аббревиатура в его верхней части; 24 — с. Инцы, крест на берегу недалеко от маяка сохранился полностью; 25 — тоня Подкрасная, остался только ствол креста (перекладины новые), высота ствола 3,7 м, видны пять пар букв аббревиатуры, в нижней части ствола следы надписи: «1922 г. онтб., ботал ... Иванов Яко... и ...м»; 26 — устье р. Майдицы, крест с двумя перекладинами (на них аббревиатура), ствол сохранился не полностью, на высоту 2,9 м; 27 — становище Кеда, тоня Малая Кедовка, фрагмент нижней части ствола с надписью: «19.. 7 г. 8 сен. с ль и есть ва пе тро ма»; 28 — становище Кеда, тоня Большая Кедовка, следы почти полностью разрушенного креста; 19 — становище Кеда, устье р. Кедовки, крест хорошей сохранности, нет косой перекладины, аббревиатура четкая. В нижней части ствола, под головой Адама дата: «1923...»; 30 — Койдинская губа, напротив с. Койда, крест сохранился хорошо, верхняя и нижняя перекладины новые, аббревиатура на стволе и большом перекрытии читается четко. В нижней части креста надпись: «Сей крест поставл 1919 год»; 31 — Койдинская губа, правый берег, севернее с. Койда, поминальный крест хорошей сохранности, высота 3,25 м, аббревиатура вырезана в верхней части креста и на перекладинах. Текст сделан между большой и косой перекладинами, что можно объяснить большим объемом надписи: «Сей памятник поставлен в честь погибших зверобоев на п. судне Иоан Златоуст капитан Мал. Вас. Але. Мнны Але. Ал. Мал-вы Иван Мих. Ан-н Ива Ми-ръ Ал-дръ Анд. Касасов и т. д. по н. ст-лю 25.5.1910». Некоторые фамилии и инициалы помогли расшифровать старожилы-койдяне («Малыгин Василий Алексеевич, Малыгины Александр Александрович, Андрей Александрович, Миллер Александр Андреевич», другие фамилии остаются не известными); 32 — там же второй поминальный крест, новый, сделан аккуратно, аббревиатура высверлена дрелью, высота 2,75 м, в нижней части вырезан текст: «Сей крест поставлен в память погибшему в море 1 дек. 1945 году. Рабу божему Ивану от роду 64 лет Вечная память Ивану Алексеевичу Малыгину. В 1952 г.» (Малыгин И. А. погиб во время шторма на Кольском п-ове в районе Лицы, доски бота принесло в район с. Койда в 1952 г.); 33—34 — кресты в с. Койда на территории села (перенесены позднее); 35 — с. Долгощелье, крест на правом берегу губы, высота около 4 м, сохранился полностью; 36 — на самом берегу губы, рядом с первым, сохранились отдельные части — ствол и перекладины; 37 — крест на правом берегу губы, в 5 км севернее с. Долгощелье в местности

«Новая изба», крест поминальный, поставлен в память утонувшей девушки; 38 — с. Семжа, крест на западном берегу Мезенской губы, в устье р. Семжа. Сохранился ствол креста, в нижней части дата «1822 г.»; 39 — с. Нижняя Мгла, крест на мысу при впадении р. Мглы в море, высота 4 м, сохранился ствол, две верхних перекладины, на стволе и на перекладинах есть медальоны, но буквы не видны, древесина сильно выветрена. В нижней части ствола ранее был текст, но его стесали; 40 — крест рядом с предыдущим, сохранились все части, следов аббревиатуры не видно. Кресты на западном побережье Канина п-ова; 41 — на левом берегу р. Кии, у излучины, фрагмент креста (нет верхней и нижней перекладин); 42 — там же, у часовни, крест сохранился фрагментарно, на нижней части на затесе дата «сентября 1 дня 1912»; 43 — там же, от креста сохранился лишь «пенек»; 44 — устье р. Шойна, крест уцелел полностью (косая перекладина новая), в пазах вырезанных букв следы белой и голубой краски; 45 — в устье р. Месна, крест на п-ове Ваечей сохранил «крышу» «домиком», верхней перекладины нет, нижняя закопана в землю (вероятно, нижняя часть сгнила, крест упал и был снова поставлен); 46 — крест в устье р. Торна, сохранился лишь ствол с несколькими буквами; 47 — крест на правом берегу р. Большая Бугряница, ствол фигурный, перекладины не сохранились; 48—50 — там же, сохранился только ствол; стволы крестов длиной 3,5 м и 4 м; 51 — крест на мысе Тарханов, на коренном берегу, сохранился довольно хорошо (отсутствует лишь верхняя малая перекладина), датирован «1912 год»; 52—55 — кресты были поставлены на северном берегу мыса Канин Нос (на берегу Баренцева моря), остались неповрежденными лишь их нижние части; 56 — на о-ве Вайгач: крест на мысу Крестовый, высота 4 м, в верхней части креста паз для иконки и «святой» текст, в нижней — на обычном месте вырезана интересная надпись: «Крсть сей сожнь въ славу Бжию усердиемъ крнъ пустзерской и волости п. оу. дг 1900 г.». От второго креста сохранился ствол, две упавшие перекладины.

ХРОНИКА

В. И. ТИМОФЕЕВ

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Совещание состоялось 22—24 апреля 1987 г. Оно явилось первым специальным заседанием по проблемам археологии Крайнего Севера, отразив оформление арктической археологии как одного из направлений советской археологической науки. Время проведения совещания соответствовало 200-летию первых раскопок археологических памятников в Арктике, проведенных выдающимся русским мореплавателем Г. А. Сарычевым 22 июля 1787 г. близ мыса Баранов Камень.

В работе совещания приняли участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Сыктывкара, Петрозаводска, Архангельска, Риги. Его открытию было посвящено специальное расширенное заседание Ученого совета ЛОИА АН СССР, в последующие дни работа проходила на базе расширенного заседания Отдела палеолита ЛОИА АН СССР. Совещание открыл чл.-кор. АН ТССП, проф. В. М. Массон.

Ряд докладов был посвящен фундаментальным проблемам археологии и древней истории Крайнего Севера.

В докладе «200 лет арктической археологии» председатель Оргкомитета совещания Л. П. Хлобыстин охарактеризовал значение работ С. А. Сарычева, а также специфику археологических памятников Арктики и особенности их изучения, дал очерк истории исследований, подробно остановился на результатах работ советских ученых в последние десятилетия. Были рассмотрены важные вопросы научно-организационного плана, поставлена получившая поддержку участников совещания задача объединения сил и координации исследований археологов, этнографов и всех специалистов, изучающих историческое прошлое Арктики. Отмечена необходимость большей популяризации результатов исследований, отсутствие информации о которых дает определенный простор «самодеятельным» работам, приводящим к разрушению памятников. Необходимость пресечения подобных раскопок отмечалась и в выступлениях ряда участников совещания. В докладе одного из основоположников отечественной арктической первобытной археологии Н. Н. Гуриной «Основные этапы развития древних культур Кольского полуострова» были подведены итоги многолетних исследований археологических памятников указанной территории. Опираясь на значительные материалы, полученные исследователями Кольской экспедиции ЛОИА АН СССР, работающей там с 1946 г., докладчик охарактеризовала мезолит, неолит и эпоху металла, остановилась на исследованиях средневековых памятников. В докладе В. Ф. Старкова были рассмотрены проблемы изучения процесса освоения русскими поморами Арктики в XVI—

XIX вв. Подводя итоги исследования русских памятников позднего средневековья в данном регионе, автор отметил наличие здесь более 100 памятников, связанных с первоначальным освоением русскими Арктики. Были освещены результаты исследований на о-ве Шпицберген. По мнению В. Ф. Старкова, полемизирующего с некоторыми скандинавскими исследователями, известные на Шпицбергене русские памятники середины XVI в. не являются древнейшими, и имеются перспективы поиска здесь более ранних русских поселений. Г. Н. Грачева в докладе «Палеозтнографические исследования в Арктике» более подробно остановилась на палеозтнографических исследованиях Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР, руководимой Л. П. Хлобыстиным, в составе которой работала автор сообщения. Докладчик остановилась на материалах поселения, открытого в устье р. Надым, рассматривая его предположительно в качестве одного из опорных поселений Обдорского хантыйского княжества конца XVII в. Освещены итоги исследований ряда памятников Таймыра. Подчеркнута необходимость проведения планомерных совместных археолого-этнографических исследований. О скорейшем предотвращении разрушений и целесообразности детального изучения этнографических памятников Севера говорили в своих выступлениях Л. П. Хлобыстин, И. С. Гурвич, Н. Н. Гурина, В. А. Одинцов. Л. П. Хлобыстин подчеркнул важность изучения контактов пришедших русских поселенцев с местным населением Севера. В. А. Одинцов внес предложение о создании при Институте археологии АН СССР координирующего центра археологических исследований в Арктике.

Большая группа докладов была посвящена проблемам древней истории отдельных регионов Арктики. На материалах памятников Кольского п-ова построены доклады Н. Н. Гуриной «О прогрессивных формах хозяйства древних арктических племен», В. Я. Шумкина «Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии», Л. Г. Шахметовой «Новые данные о древнем населении центральной части Кольского п-ова». В последнем сообщении приведены результаты раскопок поселения Северная Сальма на побережье оз. Ловозеро. Н. Н. Гурина охарактеризовала комплексное хозяйство с развитой охотой на морского и сухопутного зверя, дополняемое собирательством. В. Я. Шумкиным дан обзор данных по наскальным изображениям севера Европы, подробно разобраны наскальные изображения Кольского п-ова, в том числе открытие на п-ове Рыбачьем. В выступлении В. Ф. Старкова было подчеркнуто, что наличие элементов сходства наскальных изображений Фенноскандии с уральскими еще не дает оснований для заключений о наличии связей между этими регионами. Н. Н. Гурина отметила, что в ряде случаев сходные элементы материальной культуры возникают почти одновременно на обширной территории (как, например, появление пористой керамики в позднем неолите — начале эпохи раннего металла в лесной полосе европейской части СССР). Причины и особенности этого явления еще предстоит изучать.

В докладе А. А. Куратова и О. В. Овсянникова были рассмотрены археологические и исторические памятники о-ва Моржовец, расположенного в горле Белого моря. Подробно охарактеризованы местонахождения кремневых орудий, находящих определенные аналоги в беломорской неолитической культуре и группе крестов, поставленных поморами. Старинным поморским крестам был посвящен также доклад О. В. Овсянникова, сформировавшего о проведенной в 1982—1984 гг. работе по фиксации поморских крестов на Беломорском побережье. Вопрос назначения крестов вызвал оживленную дискуссию. По мнению О. В. Овсянникова, можно говорить о двух группах крестов — обетных (большинство) и поминальных. В выступлениях Л. П. Хлобыстина и Н. Н. Гуриной подчеркивалось значе-

ние крестов как ориентиров при проводке судов. В. Ф. Старков высказался в пользу их полифункциональности (кресты-ориентиры, обетные, культового характера). В докладе А. И. Сакса «Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетий н. э.» был дан широкий обзор памятников указанной территории начиная с эпохи раннего металла. По мнению докладчика, в IX—XIII вв. н. э. освоение территорий приполярной Финляндии стало более интенсивным и осуществлялось из различных центров. В докладе Л. П. Хлобыстина и Г. М. Левковской были изложены результаты комплексного изучения многослойного поселения Усть-Половинка, раскопки которого позволили выявить на Таймыре три новые культуры: пясинскую (VIII—III вв. до н. э.), генетически связанную с ней малокореннинскую (II в. до н. э.— III в. н. э.) и усть-половинкинскую (X—XII вв. н. э.), находящую корни в Восточной Сибири. Хронология комплексов базируется на серии дат C—14, а палинологические исследования позволили конкретизировать природные условия существования указанных культур.

Изучению памятников русских поморов на архипелаге Шпицберген были посвящены доклады В. И. Завьялова, В. Ф. Старкова «Исследование поморских памятников на о-ве Сёркап (в докладе были охарактеризованы важные памятники района архипелага, наиболее плотно заселенного поморами) и П. Ю. Черношвитова «Шпицберген в системе колонизации русскими Крайнего Севера». Докладчик подчеркнул, что колонизация Шпицбергена русскими поморами началась не позднее середины XVI в., причем рассматривая этот процесс, следует говорить не о постоянном, а о сезонном населении, представленном промысловыми артелями. В начале XIX в. промысел на Шпицбергене, в силу архаичности его форм, стал нерентабельным, что привело к запустению архипелага.

В пяти докладах рассматривались вопросы изучения древностей европейского Северо-Востока. В докладе И. В. Верещагиной «Мезолит на Крайнем европейском Северо-Востоке» предлагались определенные итоги изучения стоянок указанного периода времени. По составу инвентаря автор разделяет памятники на 2 группы при наличии комплексов промежуточного характера. И. В. Верещагина считает группы неодновременными в пределах позднего мезолита. Мезолитическое население, по мнению докладчика, проникло на европейский Северо-Восток с обширной территории, включающей Верхнее Поволжье и Прикамье. За наличие здесь в мезолите элементов верхневолжского происхождения высказалась Н. Н. Гурина. Л. Я. Крижевская в докладе «Полярный и Приполярный Урал в эпоху неолита и раннего металла» обрисовала сложную, мозаичскую картину. Ею охарактеризованы материалы мезолита, неолита и раннего металла, причем мезолитические комплексы известны лишь в Полярном Приуралье. Докладчик подчеркнула, что археологические материалы вносят значительные коррективы в построения, основывающиеся на языковых данных, о существовании в древности этнического единства, объединяющего население Приуралья и Заполярья. Доклад Н. Н. Чесноковой был посвящен изучению памятников приполярных районов бассейна Печоры. В докладе Е. Н. Рябцевой и В. А. Семенова «Адакское пещерное святилище на р. Усе и проблема освоения Полярного Урала» рассмотрены и систематизированы разнообразные материалы, относящиеся по времени от финальной бронзы до средневековья, и направления связей, существовавших на протяжении периода функционирования святилища. Доклад А. М. Мурыгина был посвящен средневековым памятникам Большеземельской тундры. Оппонентом по некоторым вопросам (этническая принадлежность выделенных типов керамики, локальные варианты культуры, передвижения населения в связи с изменениями климата) выступил Л. П. Хлобыстин.

УКАЗАТЕЛЬ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР ВЫПУСКИ 191—199 (СОДЕРЖАНИЕ)

Выпуск 191

Памятники античной археологии

Статьи

- М. В. Агбунов.* Античная археология и палеогеография
М. Ю. Грейстер. Бронзолитейное ремесло Боспора IV в. до н. э.
Е. А. Савостина. Опыт сравнительного анализа погребальных памятников: боспорские склепы и надгробия.
Е. М. Алексеева. К изучению коропластики Горгииппии
И. Ю. Шауб. Погребение кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства.

Публикации

- В. М. Зубарь, С. Б. Ланцов.* Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса
Н. Н. Грандмезон. Монеты Херсонеса с головой Афины
И. Н. Храпунов. Раскопки Булганакского городища (1981—1984 гг.)
А. А. Масленников. Граффити и дипинти с мыса Зюк
Б. Г. Петерс, А. П. Абрамов. Красноглиняные амфоры и кувшины из раскопок городища у с. Михайловка
С. М. Крыкин. Новые терракоты из Фанагории
А. К. Коровина. Винодельни Гермонассы
З. Н. Лемякина. Мраморный рельеф из Горгииппии
Ю. В. Зуйков. Позднеэллинистический керамический комплекс из Горгииппии
Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко. Раскопки Танаиса в 1981—1984 гг.
Л. М. Казакова. Кровельная черепица первых веков нашей эры из Танаиса
Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, О. Х. Бгажба. Древнейшие железные изделия из Гюэноса

Хроника

- Э. Я. Николаева.* Работа сектора античной археологии АН СССР за 1984—1985 гг.
В. А. Горончаровский. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1984—1985 гг.
О. Н. Усачева. III Всесоюзные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского

Выпуск 192

Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей

Статьи

- К. Х. Кушнарера.* Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа
М. Г. Гаджиев. Древние очаги металлообработки в Дагестане
Г. С. Исмаилов. Этапы развития древнейшей металлургии и металлообрабатывающего производства на территории Азербайджана
В. А. Трифонов. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры
А. Д. Резепкин. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной
М. И. Чернопицкий. Майкопский «балдахин»

- В. И. Козенкова.* Датировка кобанской культуры в трудах А. А. Иессена (в свете последних археологических данных)
Л. Н. Панцхава. Некоторые вопросы изучения колхидской и кобанской культур
Ю. В. Андреев. Греция на пороге железного века
А. И. Семенов. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе

Полевые исследования

- И. Г. Нариманов, Г. Ф. Джафаров.* Палеолитические находки из Борсуңлу
В. Я. Кияшко. Многослойное поселение Раадорское на Нижнем Дону
Л. И. Глонти, А. И. Джавагшивили. Новые данные о памятнике эпохи энеолита—поздней бронзы в Шида Картли-Бериклдеби
Э. С. Шарафутдинова. Поселение Красногвардейское II — новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани
Л. Т. Гюзальян. Каменный столик-пресс из Двина

Хроника

- В. М. Массон.* Расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР
Р. В. Васильев. Личный фонд А. А. Иессена (обзор документов)

Выпуск 193

Памятники неолита и бронзы

Статьи

- Н. Н. Гурина.* О некоторых методах обработки неолитической керамики
В. Я. Шумкин. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова
Н. Ф. Лисицын. К вопросу о неолите Хакассии
М. Д. Хлобыстина. Биритуальные погребения Евразийской степи в бронзовом веке
В. Л. Державин. К вопросу о погребениях в ямах с уступами в степном Ставрополье в эпоху бронзы
Э. В. Сайко. Технично-технологические факторы в развитии раннеземледельческого общества
А. П. Журавлев. Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии

Полевые исследования

- В. В. Питулько.* Новые стоянки с каменным инвентарем на Крайнем Северо-Востоке европейской части СССР
И. В. Гаврилова, А. В. Овсянников. Археологические исследования на полуострове Канин
Д. А. Крайнов, Е. Л. Костылева. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне реки Лух
Т. В. Крылова. Неолитическая стоянка Тиница в Калининской области
А. В. Уткин. Неолитическая стоянка Ивановское I
А. А. Выборнов, Л. Я. Крижевская. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях реки Белая
С. В. Ошибкина. Стоянка Тихманга
В. И. Балабина, И. П. Гирнык. Зооморфные изображения Чичиркозовского поселения
С. Н. Корневский. Два погребения майкопской культуры из Кисловодска
А. В. Кондрашов, А. В. Резепкин. Новосвободненское погребение с повозкой
Н. Л. Членова. Новый карасукский кинжал из Башкирии

Хроника

- Б. Г. Тихонов.* Работа отдела неолита и бронзы в 1985—1986 гг.

Выпуск 194

Железный век

Статьи

- Н. Л. Членова.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах»
И. С. Манюхин. Специфические черты позднекаргопольской культуры
Т. М. Кузнецова. Скифские ритуальные сосуды
Т. Б. Барцева. Бронзовые кинжалы Сержень-Юрта
Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова. Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья
Б. А. Раев. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея
Н. А. Кренке, Л. Д. Сулержицкий. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища
Н. А. Кренке. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки
К. К. Марченко, С. А. Соловьев. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья в IV в. до н. э.

- М. П. Абрамова.* Подкурганые катакомбы первых веков нашей эры на Северном Кавказе
М. Г. Гусаков. Булавки со спиральновитым навершием в зарубинецкой культуре
А. Н. Гудим-Левкович. Клад у с. Глинск и некоторые проблемы денежного обращения в черняховское время
О. М. Приходнюк. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья
С. М. Васютин. К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры в Среднем Поволжье
Т. Н. Останина. Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье

Полевые исследования

- И. А. Станкевич, В. И. Вишневыский.* Городище дьяковской культуры Кубринское I
М. Ю. Ваггина. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елизаветовского городища на Дону
Т. В. Мирошина, Г. Г. Пятых. Сарматские погребения могильника Осинки I
С. С. Миняев. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике

Хроника

- А. И. Пузикова.* Работа отдела скифо-сарматской археологии в 1985—1986 гг.

Выпуск 195

Славяно-русская археология

Статьи

- В. В. Седов.* Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979—1985 гг.
Н. В. Лопатин. Тушемля, Демидовка, Колочин. О соотношении керамики верхних слоев
Б. А. Тимофчук. Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ
В. И. Завьялов. О региональных различиях в восточноевропейском кузнечном ремесле X—XIV вв.
Е. А. Рябинин. Ножны и литые рукоятки ножей северо-западных районов Руси

Публикации

- Е. Н. Носов, А. В. Плозов.* Поселение Холопий городок под Новгородом
П. Д. Малыгин. Культурный слой средневекового Торжка
Л. Н. Большаков, В. П. Коваленко, П. А. Рапполорт. Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгорода-Северского
Ф. Д. Гуревич. Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси
А. Н. Хозлов. Комплекс древнерусских памятников у д. Посады на р. Медведице
В. А. Лапшин. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем
З. М. Сергеева. Изучение курганов в окрестностях Освейского озера
И. Ф. Никитинский. Грунтовые могильники в священных рощах «кустах» на Кокшеньге и Сухони
Н. А. Лобанов. Некоторые бытовые находки из Пскова
Д. И. Фонаев. Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торонца
М. Е. Васильев, И. Е. Васильев. Городище Ладино
О. В. Овсянников. Архангельский деревянный «город» XVI—XVII вв.

Хроника

- Н. А. Макаров.* Отдел славяно-русской и средневековой археологии в 1985—1986 гг.

Выпуск 196

Археологические исследования на новостройках

Статьи

- Г. Е. Афанасьев.* Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ
А. С. Смирнов, А. Н. Сорокин. Деснинская экспедиция в 1984—1985 гг.
Л. Н. Кольцов, М. Г. Жилин. Итоги работ Калининской экспедиции в 1984—1986 гг.
В. С. Флеров. Клин-Ярская экспедиция в 1983—1985 гг.
Н. В. Лисицын. К изучению памятников эпохи камня на новостройках Южной Сибири (1975—1985 гг.)
С. Н. Корневский, М. А. Романовская. Металлические изделия бронзового века из могильника у хут. Веселая Роща в Ставрополье
М. В. Андреева, П. Г. Дервиз. Погребальный комплекс эпохи средней бронзы в Центральном Ставрополье
В. А. Семенов. Памятники эпохи бронзы в Туве
М. Н. Пшеницына, А. С. Поляков. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакассии
Г. Н. Курочкин. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана
Я. М. Паромов. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984—1985 гг.

Т. М. Кузнецова, О. А. Ульянова. Новая находка бронзового зеркала из Краснодарского края
Н. А. Макаров. Лепная керамика восточного Прионежья IX—XII вв.
Г. В. Длужневская. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980—1982 гг.)

Хроника

М. В. Александрова. Сектор охранных раскопок в 1985—1986 гг.

Выпуск 197

Железный век Восточной Европы

Статьи

Ю. А. Краснов. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа (к постановке вопроса)
В. В. Рубан. О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII—V вв. до н. э.
Е. М. Алексеева. Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н. э.)
В. С. Долгоруков. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории
М. Ю. Трейстер. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея
М. П. Абрамова. Западные районы Центрального Предкавказья во II—III вв. н. э.
Н. А. Фролова. Монетное дело Тейрана (266, 275—278 гг. н. э.)
Д. И. Данышин. Танаиты и танаисцы во II—III вв. н. э.

Публикации

Н. Н. Грандмезон. Первые монеты Херсонеса
В. Г. Петренко. Скифские мечи и кинжалы из Прикубанья
Т. М. Кузнецова, М. А. Хомчик. Зеркало из кургана в урочище Холодный Яр
А. А. Масленников, В. Н. Розов. Расписная керамика с мыса Зюк
Т. В. Мирошина, А. В. Сазанов. Терракоты из некрополя у поселков Кучугуры
И. А. Карпушкина. Коринфская капитель из Горгииппии (римские и малоазийские традиции)
В. М. Зубарь, Т. И. Костромичева. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса
В. И. Вишневский. Раскопки Кикинского городища

Хроника

Э. Я. Николаева, О. Н. Усачева. Работа отдела античной археологии в 1986—1987 гг.

Выпуск 198

Средневековая археология Восточной Европы

И. Т. Кругликова. К семидесятилетию Института археологии АН СССР

Статьи

В. В. Седов. Формирование восточнославянской народности
А. М. Спиридонов. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136—1137 гг. и становление погостов в Прионежье и Заволочье
В. В. Жулкус. Территория и особенности социальной структуры южнокуршских земель в IX—XII вв.
И. А. Бажан, С. Ю. Каргапольцев. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации
В. И. Кулаков. Погребения военачальников прусской дружины

Публикации

С. Г. Попов. Городище Сторожинец
В. В. Судаков. Сельские поселения IX—XV вв. в округе Переяславля Рязанского
А. В. Шекун. Производственный комплекс конца XII в. в Чернигове
О. В. Овсянников, Н. В. Мальцев. Вотложемский городок
Н. А. Макаров, А. С. Беляков. Кемский некрополь в Северном Белозерье
И. В. Исланова. Субстратные традиции в элементах погребального обряда Федовского могильника
А. В. Квятковская. Исследования каменного могильника у д. Вензовщина Гродненской обл.
В. Г. Пуцко. Створка креста-энколпиона из Грабцева (Калужская обл.)
В. П. Челябинов. Береста с рисунком из кремля Переяславля Рязанского
Е. Н. Носов, Л. С. Розанова. Технология обработки железа на поселениях Приильменя в IX—X вв.
М. М. Толмачева. Кузнечные изделия салтово-маяцкой культуры по материалам Ютановского могильника
Н. Н. Демичева. О датировке памятников домонгольского зодчества в Пскове

Хроника

В. В. Седов. Конференция «Археология и история западных балтов»
О. А. Щеглова. Отдел славяно-финской археологии в 1985—1987 гг.

Выпуск 199

Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири

Статьи

- В. А. Алекшин.* Проблемы культурогенеза неолитических и энеолитических культур Юго-Западной Азии (по данным погребальных обрядов)
М. Б. Рысин. Датировка комплексов из Эшери
Г. Н. Курочкин. Памятники с серой керамикой эпохи раннего железа в Иранском Азербайджане (к проблеме генезиса).
В. А. Мешкерис. К вопросу об ахеменидских традициях в зооморфной пластике Согда
Д. Абдуллоев. К структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра VII—VIII вв. н. э.
В. И. Расопова. Проблема континуитета согдийского города
В. Б. Ковалевская. Традиции прорезных поясов в памятниках Кудыргинского типа
Н. Л. Членова, В. Д. Кубарев. Хронологические парадоксы Горного Алтая
М. А. Дэвлет. Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии
М. Д. Хлобыстина. Погребения мужчин и детей в древних могильниках Прибайкалья

Публикации

- Э. Б. Вадецкая.* Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины
Ю. Е. Вострецов, И. С. Жущиловская. К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья
Ю. Е. Березкин. Квартальный центр на Алтындепе в период Намазга V
Ю. А. Заднепровский. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы
В. А. Завьялов, В. А. Галибин. Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зартепе

Хроника

В. А. Алекшин. Работа сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР в 1983—1987 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
ДАН СССР — Доклады АН СССР
ИАЭСА — История, археология, этнография Средней Азии
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КФАН — Карельский филиал АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИАА — Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВКНИИ ДОАН СССР — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Академии наук СССР
СГУ — Саратовский государственный университет
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИЯЛИ — Труды Института языка, литературы и истории
Тр. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
FM — Finskt museum. Hagaluna
INQA — International Quarternary Association
ISK — Instituttet for sammenlignende Kulturforsking. Trondheim
NAR — Norwegian Archaeological Review. Oslo
SM — Suomen Museo. Tapiola
SMYA — Suomen Muinonmuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<u>Хлобыстин Л. П.</u> 200 лет арктической археологии	3
<i>Гурина Н. Н.</i> Основные этапы развития культуры древнего населения Кольского полуострова	8
<i>Старков В. Ф.</i> Исследование русских памятников периода позднего средневековья и нового времени на территории Арктики	17
<i>Грачева Г. Н.</i> Палеознографические исследования в Арктике	21
<i>Гурина Н. Н.</i> О прогрессивных формах хозяйства древних племен Заполярья (по материалам Кольского полуострова)	27
<i>Шаяхметова Л. Г.</i> Новые данные о древнем населении центральной части Кольского полуострова	33
<i>Шумкин В. Я.</i> Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения	39
<i>Куратов А. А., Овсянников О. В.</i> Археология острова Моржовец и проблема древнейшего заселения островов Белого моря	44
<i>Верещагина И. В.</i> Мезолит на Крайнем европейском Северо-Востоке	48
<i>Крижевская Л. Я.</i> Полярный и Приполярный Урал в эпоху неолита и раннего металла	53
<i>Мурыгин А. М.</i> Поселение Море-ю в Большеземельской тундре	60
<i>Рябцева Е. Н., Семенов В. А.</i> Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала	66
<i>Питулько В. В., Шестопалов М. М.</i> Новые находки на Полярном Урале	72
<u>Хлобыстин Л. П.</u> , <i>Левковская Г. М.</i> Культуры Западного Таймыра и их природное окружение (по материалам многослойного поселения Усть-Половинка)	77
<i>Сакса А. И.</i> Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетий н. э.	83
<i>Завьялов В. И., Старков В. Ф.</i> Исследование поморских комплексов на острове Сёркап (архипелаг Шпицберген).	88
<i>Черновитов П. Ю.</i> Шпицберген в системе колонизации русскими Крайнего Севера	93
<i>Овсянников О. В.</i> Старинные поморские кресты по исследованиям 1982—1984 гг.	97

Хроника

<i>Тимофеев В. И.</i> Совещание по проблемам изучения истории и культуры народов Крайнего Севера в ЛОИА АН СССР	102
---	-----

Указатель

Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Выпуски 191—199 (содержание)	105
Список сокращений	110

Научное издание

Двести лет арктической археологии

КСИА. Вып. 200

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. А. Сенькив
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор И. В. Чудецкая
Корректор А. Б. Васильев

ИБ № 39051

Сдано в набор 18.05.90

Подписано к печати 24.08.90

Формат 70×100¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная. Фотонабор

Усл. печ. л. 9,03. Усл. кр. отт. 9,26. Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 1200 экз. Тип. зак. 184

Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864. ГСП-7, Москва, В-485.

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.